

Дальний Восток

12

1975

Хабаровск. Графика стройки

Фото А. Галушко

Ежемесячный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И ХАБАРОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

ГОД ИЗДАНИЯ 43-й

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

- Иван Белоусов** - ТЫНДА, ЭММА СЕМЕНОВНА, РАБОЧИЙ ПОЕЗД,
ШОФЕР ИЗ ЧАРЫ, ВСПЫШКА КЛЕНА, стихи 3
- Юрий Николаев** — ОТЧИЗНА-МАТЬ, «БЫЛО ДЕЛО, ОТКРОВЕННО ГО-
ВОРЯ...», «ПОДАРИЛИ МНЕ МОРЕ ПАРНОЕ...», стихи 7
- Василий Ефименко** — МАНЬЧЖУРСКИЙ АВГУСТ, повесть. Окончание 9
- Станислав Балабин** — ЗОЛОТАЯ ЖИЛА, роман. Окончание 95

ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ

- Валерий Григорьев** — У ВОИНОВ-ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ, очерк 120
- П. Баранов, М. Ханух, И. Тарасов** — СДЕЛАНО В ДЕВЯТОЙ ПЯ-
ТИЛЕТКЕ 128

К 150-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

- С. Юровский** - МИРОВОЗЗРЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ 134

ДЕКАБРЬ • 1975

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ф. Куликов ЗОВУТ КРАЯ ДАЛЕКИЕ	143
И. Ботвинник — РОДИЧИ, РОДНЯ, РОДИНА	147
К. Липин — СГОРАЯ САМ	148
П. Гонтмахер ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ КНИГИ	150
НОВЫЕ КНИГИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ	152
КОРОТКО О РАЗНОМ	153
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК» ЗА 1975 ГОД	155

Главный редактор Н. М. РОГАЛЬ.

Редакционная коллегия:

В. Н. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, В. М. ЕФИМЕНКО,
Н. Д. НАВОЛОЧКИН (зам. главного редактора),
В. Е. РОМАНОВ, В. М. САНГИ, П. В. ХАЛОВ.

Ответственный секретарь К. С. ОВЕЧКИН.

Рукописи объемом меньше авторского листа не возвращаются.

Технический редактор Н. А. Лызова. Корректоры А. Е. Москвитин, Н. П. Рыжова.
Адрес редакции: 680610, г. Хабаровск, Комсомольская ул., № 80. Телефон 33-13-68.

Подписано к печати 26/XI 1975 г. ВЛ 12541,
Бумага 70x108/16 5 б. л., 14 усл. п. л., 14,96 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз.
Заказ № 6433. Цена 50 коп.

Хабаровское книжное издательство, г. Хабаровск, ул. Серышева. 31.
Типография № 1 Краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Хабаровск, ул. Серышева. 31.

«Дальний Восток», 1975

Над Тындой — высокие звезды,
Луна молодая горит.
Тайгою пропитанный воздух
Таинственность ночи хранит.

Замолкли дневные работы,
Моторы до времени спят.
А звезды, как бусинки пота,
Над Тындой уставшей висят.

Но парни просохшие робы
Наденут, поправив ремни,
И плавиться станут сугробы —
Такие здесь жаркие дни!

О Тында!
Ты знаешь едва ли,
От людных проселков вдали, —
Зачем тебя этак прозвали?
За что тебя так нарекли?

Ко имя неброское это
В труде красоту обрело —
И в песнях сегодня воспето,
И в жизнь нашу громко вошло.

Здесь свежий, остуженный воздух
И силу, и славу дарит...
Над Тындой — высокие звезды.
Луна молодая горит.

Э. С. Воронковой

Эмма Семеновна протягивает руку,
Эмма Семеновна приглашает сесть.
Эмма Семеновна каблучками стучает:
Встречает, провожает —
оказывает честь.

В партийном кабинете
и людно, и уютно,
Как будто все знакомы
с ней накоротке.
Все ничего б, да только
дышать немножко трудно:
Нынче все курящие,
все при табаке.
Вопросы.
Ответы.
Карточки визитные.
С автографами книги на краешке стола.
Заходят пассажиры,
но вовсе не транзитные:
Давай пресс-конференцию,
хоть комната мала!
Эмма Семеновна
ведет беседу плавно.
Эмма Семеновна
понимает всех.
Конечно, стройка века...
Конечно, в этом главное...
Но в Тынде, видите ли,
выпал снег.
В знак полного согласия
кивают репортеры,
Поэт склоняет голову, —
да, да, понятно, мол,
А Эмма Семеновна
глядит куда-то в сторону:
«Успеть бы с кочегаркою...
Поднять комсомол!»
Писателю,
естественно,
подай все высшей маркой,
Такое... грандиозное,
чтоб мир поразить.
А что ему,
простите,
вот эта кочегарка,
Когда необходимо эпоху отразить?
Долой приземленность
и мысли, и взгляда!
Это ж вам не шуточки — такие пласты!
Эмма Семеновна,
вертолет бы надо:
Забраться бы повыше,
взглянуть с высоты.
Эмма Семеновна
молвит: «Попытаемся...
Конечно, с вертолетами
задача не проста.
Но если это важно...
Мы с этим считаемся...
Нам — кочегарка,
а вам — высота».

И так — с утра до вечера.
Заходят люди разные:
Художники,
артисты,
работники кино.
Заходят, разумеется,
с вопросами непраздными:
Ведь ехали откуда!
Понять не мудрено.
А лекция срывается...
Бюро через минуту...
Уже платок встревоженно накинут на
плечо.
Но Эмма Семеновна медлит почему-то:
И здесь беседа важная.
Какая еще!
Умей все соразмерить,
чтоб люди не гадали
И чтоб «мероприятием»
не заслонить людей.
А вы ее когда-либо
в кругу семьи видали?
Во сколько спать ложится?
И видит ли детей?
Эмма Семеновна
на суетность не сетует,
Партийная работа —
не для спокойных душ.
Того — журит,
с тем делится,
а этому советует,
С персонами заезжими беседует к тому ж.
А лекция срывается...
Но почему ж — срывается?
«Товарищи писатели,
там, в клубе, — молодежь!»
И вот уже поэзия
в партийный труд вливается,
И зал гудит взволнованно:
«БАМ — даешь!»
Как будто свежий ветер над магистралью
века
Упругим словом бьется
и вдаль зовет.
И обретает крылья
воля человека,
И вера в человека
крепнет, живет...
Эмма Семеновна
пожимает руки,
Эмма Семеновна
желает удач.
Эмма Семеновна
каблучками стучает,
Еще политзанятия...
Век — горяч!

РАБОЧИЙ ПОЕЗД

Не на курьерском,
 Не на скором,
 Не на изысканной «Стреле».
 И не на том, сквозном,
 В котором
 Промчатся можно по стране, —

На этом поезде рабочем
 Проехать в жизни не забудь,
 Где каждый делом озабочен
 И не бесцельный держит путь.

Вот так проехать, встав с зарею,
 Тот сон прервав, что повкусней,
 Как эта вот братва со мною
 Иль я, точнее, еду с ней.

Мелькают ели вдоль обочин,
 Стучат колеса, торопясь.
 И в этом поезде рабочем
 Живет и крепнет наша связь.

Здесь люди, все — с душой открытой,
 Срежь их попробуй-ка схитри:
 На шутку шуткой — вот и квиты,
 А не нашелся — нос утри.

И все.
 Не стукаться же лбами?
 Хохочет в поезде народ.
 И кто-то песенку о БАМе,
 Еще вполголоса, поет.

Не затихает жизнь в дороге.
 И постигаю сердцем я,
 Что это вот и есть, в итоге,
 Одна рабочая семья.

И за судьбу страны в ответе, —
 Коль не глядеть со стороны, —
 Веселые ребята эти,
 Как те солдаты в дни войны...

От Бама — станции безвестной —
 На Тынду линией стальной
 Пока идет рабочий,
 Местный,
 Но главный поезд — головной.

И не курьерский или скорый,
 А этот, пышущий дымком,
 Откроет первым путь,
 Который
 Еще курьерским не знаком.

ШОФЕР ИЗ ЧАРЫ

А ну, шофер, прибавь газку немного,
 Держи в руках баранку поплотней!
 Оно, конечно, — здесь не та дорога,
 Да что тебе печалиться о ней.

Я по ухватке вижу и натуре:
 Пройдешь и этот трудный перегон.
 И будет все в порядке,
 Все в ажуре,
 Как говорят, используя жаргон.

Тут нужно, брат, искусство, а не сила,
 Чтоб по земле, где черт не колесил.
 Уметь проехать так вот, без буксира,
 А то еще — другим подать буксир

Но — стоп...
 О чем я говорю с тобою?
 Тебе мои советы ни к чему.
 Себя я, новобранцем перед боем,
 Готовлю бравым словом ко всему.

Я — пассажир.
 И мне в кабине тряско.
 А опыт горький за плечами есть.
 Вот потому гляжу вперед с опаской:
 В трясине этой как бы не засесть.

Ревет мотор.
 БелАЗ плывет по лужам.
 И я в душе судьбу благодарю:
 «Как хорошо, что трос пока не нужен!»
 А вслух беспечно этак говорю:

— Ты молодец! Ты за баранкой — дока!
 Но ты basiшь в ответ:
 — Дорога дрянь...
 Я — что? Мне нужно груз доставить
к сроку..
 Там — стройка ждет... Попробуй-ка
застрянь!..

И вновь мотор работает натужно,
 Колеса перемалывают грязь.
 И дождь идет.
 И отдохнуть бы нужно.
 И к тем, кто ждет, — к ним вовремя
попасть.

Я сник совсем, умаянный дорогой:
 С такой поездкой, знамо, не шали.
 А ты смеешься:
 — Что, устал немного?
 Оно понятно — полпути прошли...

ВСПЫШКА КЛЕНА

За речкою у склона
Среди зеленых пихт
Пылают листья клена —
И столько жара в них!

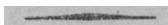
Откуда эти краски,
Волшебные цвета?
Видать, превыше сказки
Земная красота.

Не выдумано кем-то
Ярчайшее лицо:

Ни озареньем Кента,
Ни кистью Пикассо.

Дитя самой природы,
До дивности проста,
Горит в лучах восхода
Земная красота.

И чистой вспышкой клена
Высвечивает в нас,
Что по ее законам
Прекрасно без прикрас.

Юрий НИКОЛАЕВ

ОТЧИЗНА-МАТЬ

Отец мой слышал залп «Авроры».
Но то отец...

А лично я
Из тех мальчишек, для которых
С войны — начало бытия.
В те дни, когда под Сталинградом
Фашистский блиц в котле увяз,
Я шел с ровесниками рядом
В свой самый первый в жизни класс.
И все же именно в те годы
Мы научились понимать,
Что наша жизнь — в судьбе народа
И что для нас Отчизна —
Мать.

Давно сердец своих биенье
Мы влили в гулкий ритм страны
На стройках ГЭС, на освоенье
И космоса, и целины.
Пусть мы немного постарели.
Но с нами в строй встают сыны.
Им наши помыслы и цели,
Как эстафета, вручены.
И дни боев Октябрьской бури
Им также дороги, как нам.
И Комсомольску-на-Амуре
Протягивает руку БАМ.
И если грянет час суровый —
Отваги нам не занимать.
За мать мы жизнь отдать готовы,
А ведь для нас Отчизна —
Мать.

* * *

Было дело, откровенно говоря:
Я решил — ну, сколько можно в рейс
спешить?

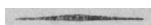
Это, если теплоход
идет в моря, —
Он и создан для того,
чтоб плыть да плыть.

Вот хожу теперь
на службу поутру.
За клоповкой отправляюсь в выходной...
Только как-то это мне не по нутру
И без моря я,
без моря как — больной.
Признаю, что город Южный — неплохой.
И не хуже, чем другие,
я живу...

Задержите
на минутку теплоход!
Отпустите в санаторий на плаву!

обратный билет.

ПО ДОМУ ТОСКИ.

МАНЬЧЖУРСКИЙ АВГУСТ

ПОВЕСТЬ¹

Глава четвертая

1

Араки Танэго сидел на циновке, поджав ноги, вперив неподвижный взгляд в одну точку. Посторонний мог бы подумать, что он просто отдыхает — ничто не отражалось в его бесстрастном лице. Только тихо, боязливо суетившаяся в соседней комнате жена знала, что в душе ее мужа и господина бушует буря. О, она научилась угадывать его желания по одному только выражению глаз, шевелению бровей, даже по походке. Она торопливо готовила ему еду, а сердце ее сжималось от страха: вдруг она сама чем-то прогневила его, кара последует незамедлительно.

Мысли Араки были далеки от этой женщины, которая являлась его женой и матерью его двух детей. Она сейчас для него не существовала. В голове были более важные, тяжелые мысли. Когда ночью над поселком громыхал гром и полыхали молнии, а дождь, казалось, готов был пробить черепичную крышу, Араки был спокоен. Такое в августе случалось ежегодно. Утром, когда небо очистилось, он поначалу полагал, что доносившийся издали гул — это раскаты удалявшейся грозы. Однако гул не смолкал и при чистом небе. С тревогой Араки бросился к телефону — единственному в поселке, чтобы узнать, что случилось, но аппарат был безмолвен. Может быть, линию повредила гроза. Но, когда в небе над поселком показались русские самолеты, он понял — война!

Самолеты пролетели над домами поселка, очевидно, были у них более важные цели. Он схватил винтовку и в ярости стал стрелять вслед самолетам, хотя понимал, что вреда им причинить не сможет. Он, староста поселка, должен был так поступить, чтобы показать другим пример мужества и стойкости.

В поселке остались только старики, женщины и дети. Еще весной, сразу же после посевной, всех оставшихся мужчин призвали в армию, отряды охраны. Отобрали и оба легких пулемета, и теперь на вышках стояли деревянные макеты. Пусть все вокруг думают, что пулеметы на месте. Дежурить на вышках он посылал женщин. Издали никто не поймет, кто там. А близко к поселку китайцы подходить не решались. Он внушил всем им должное уважение к японским колонистам и к себе, недаром при встрече с Араки китайцы еще издали начинали отбивать почтительные поклоны.

Что война может начаться, Араки знал. И был уверен, что русских разобьют. Он не сомневался в этом и сейчас. Ведь границы

¹ Окончание. См.: «Дальний Восток», 1975, № 11.

Маньчжоу-Го защищает императорская Квантунская армия. Пусть гремят еще сильнее орудия — там, у границы. Это воины его величества сокрушают красных у неприступных своих крепостей. Когда атакующие истекут кровью, воины Японии нанесут свой сокрушительный удар, стремительно пойдут вперед.

Так ему и другим старостам таких же поселков говорил его благородие майор Сасаки в штабе дивизии. Так и он, Араки, объяснял положение дел колонистам.

Ему ли — унтер-офицеру в отставке — бояться выстрелов? Восемь лет Араки прослужил в императорской армии и год в жандармерии. Еще осенью сорок второго года он воевал в Китае. Воины императорской армии были посланцами бога гнева. «Политикой трех лучей» называли их действия. А если по-простому: жги, убивай, грабь... Хорошее было время.

А кто мог лучше срубить голову китайцу, чем он, Араки? Его слава лучшего рубака гремела далеко. Он мог показать, как это делают настоящие мастера. Посмотреть его рубку приходили и господа офицеры.

Это была картина достойная богов. Араки, гордо выпятив грудь, держал сверкающий меч в руках. Он и теперь висит у него на стене. К яме двое солдат подводили осужденного и ставили на колени со связанными за спиной руками. Араки делал несколько картинных взмахов мечом, потом опускал меч в чан с водой («Чтобы жир не прилипал к лезвию»). Затем, широко расставив ноги, слегка прикасался лезвием к шее жертвы. Осужденный, если даже он вырывался из рук солдат, после прикосновения лезвия замирал в ожидании удара. Молниеносный взмах, удар — и голова казненного падала в яму, а туловище еще стояло на коленях.

Араки, распалив себя воспоминаниями, вскочил на ноги, схватил меч и сделал несколько взмахов. Вот так он будет рубить и русские головы.

Неплохо жил он и в тот год, когда служил в жандармерии. Но в карательной экспедиции против китайцев, не желавших освободить землю для японских колонистов, Араки получил пулевое ранение в колено и охромел. Его демобилизовали и, в награду за верную службу, назначили старостой поселка колонистов.

Служба оказалась несколько хлопотной, но тоже прибыльной. Вместе с тем, что ему удалось награть прежде, составилась довольно солидный капитал, который потом даст ему возможность заняться торговлей или еще чем-либо. Он, Араки, заслужил более высокого положения, чем староста поселка. Ничего, он дождетсЯ своего часа. Все его ценности лежат в тайнике, о котором даже жена не знает.

Вновь послышался гул авиационных моторов. Араки вышел из дому и задрал голову в небо: русские самолеты возвращались, строй их был таким же четким. Похоже, они летели спокойно, не торопясь. Араки встревожился: почему все русские самолеты возвращаются безнаказанно? Где наши истребители? Где зенитные пушки?

Встревоженный, он возвратился в дом и вновь снял трубку телефона — ни звука. Араки еще более забеспокоился. Из штаба нет никаких указаний. То, что ранее намечалось на такой случай, он выполнить не мог. У него нет мужчин, которых он мог бы поставить на охрану дорог, мостов, создание контрольных пунктов. Что же он должен предпринять сейчас? Сколько можно ждать, пока наладят телефонную линию?

Потом его могут обвинить в бездеятельности, нерадивости.

Ему вдруг представилось, как китайцы выползают из гаоляна,

карабкаются на столбы и зубами перегрызают провода. А он здесь сидит и напрасно ждет указаний. Нет, надо самому отправиться в штаб дивизии, выяснить положение, получить указания.

Приняв решение, Араки успокоился. «Я отправляюсь в штаб дивизии, — буркнул он жене. — Поем, когда вернусь. Скажи старой черепахе Танаке, чтобы он тут распоряжался без меня».

Пришпоривая лошадь, Араки сжимал в руке винтовку и зорко посматривал вокруг, готовый послать пулю в любую появившуюся человеческую фигуру. Но дорога была пустынной, на телефонные столбы никто не карабкался, и провода были целыми. Показавшаяся в стороне китайская деревушка словно вымерла, а гул артиллерии с востока стал более слышным, Араки успокаивал себя тем, что это пушки императорской армии в клочья разносят атакующих русских.

Солнце припекало сильнее, лошадь под Араки покрылась потом. Он остановился на минуту, чтобы полить из фляги. И сразу же услышал в небе рокот самолетов. Гул нарастал, приближался. Не отрывая фляги от рта, Араки поднял лицо вверх. Самолеты шли с востока, их было много, казалось, они закрывали все небо. Араки направил лошадь в глубь зарослей гаоляна и даже втянул голову в плечи, хотя понимал, что вряд ли какой-либо самолет нарушит строй, чтобы поразить одинокого всадника. Тревога снова начала терзать его: «Где же наши истребители? Откуда у русских столько самолетов?»

Затем он увидел, как часть самолетов скользнула вниз, и донеслись приглушенные расстоянием взрывы бомб. Эти взрывы, словно палкой по голове, били его. «Ведь там же гарнизон, штаб дивизии», — уже с ужасом подумал он. Пришпорив лошадь, он поскакал туда, где поднимались к небу столбы дыма.

Когда он поднялся на невысокий перевал, то в пади, где размещался штаб дивизии, вместо домов, казарм и зданий штаба увидел только дымящиеся развалины. Вокруг них суетились группки солдат.

Араки слез с коня, взял его за повод и пошел вниз, к солдатам, сам не зная зачем.

Первым ему встретился ефрейтор с черным от копоти лицом. Он стоял и беспомощно взирал на развалины.

— Извините, — обратился к нему Араки, — я староста поселка. Мне надо в штаб. Неужели все...

— Штаб передислоцировался перед рассветом, — угрюмо ответил ефрейтор. — Правда, часть людей осталась. И мы — охрана.

Араки облегченно вздохнул.

— Скажите, уважаемый, где мне разыскать его благородие майора Сасаки.

Ефрейтор поглядел на него и зло сплюнул.

— Отправляйтесь в свою конуру назад. Никто здесь ничего не знает. А вам и не положено. Война...

— Но мне надо, — надменно возразил Араки. — Я сам служил унтер-офицером...

— Да отстань ты, — озлился ефрейтор. — Раньше ты был унтер-офицер, а сейчас старая гражданская рухлядь. Сказано тебе: никто не знает, где наш штаб прячется сейчас от русских самолетов. Оставили нас тут на гибель. Прочь отсюда! — заорал он затем, подымая винтовку.

Араки молча повернул коня назад. Происшедшее никак не укладывалось у него в голове. Что же происходит? Русские разбомбили гарнизон и штаб. Штаб неизвестно где. Об их поселке просто

забыли. А может, это так случилось только здесь, — начал он успокаивать себя. На войне всякое случается. Ну налетела русская авиация, ну разбомбили гарнизон. Но ведь ефрейтор сказал, что большая часть штаба передислоцировалась. А ефрейтор — просто перетрусивший дурак. Недостойный носить мундир императорской армии болван. Надо было узнать его фамилию и потом доложить господину майору. И тут же другая мысль встревожила его. Ведь могло же случиться так, что пока он, Араки, напрасно ездил сюда, майор Сасаки уже передал указания в поселок, а старосты на месте не оказались. Это будет очень плохо для него. Да, да! Надо поскорее возвращаться назад и ждать указаний. Плохо, что он покинул свой пост. Господин майор, может быть, очень недоволен.

Занятый подобными мыслями, Араки поднялся на перевал и поразился: еще недавно пустынная дорога преобразилась, по ней навстречу ему двигалась какая-то часть. Он поспешно перешел на обочину дороги, крепко держа повод в руке, затолкав лошадь в гаолян так, что была видна одна только ее голова.

Араки побывал на фронте и кое-что повидал, поэтому он сразу понял: это шли отступающие. Как же так? Ведь за ними грозные, неприступные укрепленные районы. Неужели русские овладели ими? Как могло случиться невозможное?

Солдаты были усталые, понурые, строй соблюдался условно, и ни один голос команды не раздавался, чтобы выровнять их ряды. На запыленных лицах ни одной улыбки. Они шли и шли, дребезжа амуницией, тащили гранатометы, пулеметы. Впереди каждой роты, взвода — пешком или верхом — офицеры; они не обращали внимания на то, что творится позади них. Вдруг к старосте, обалдело взиравшему на это шествие, метнулся унтер-офицер и молча начал вырывать повод.

— Я староста! — возмущенно крикнул Араки.

Унтер-офицер выпустил повод и одним ударом сбил Араки с ног.

— Господин капитан идет пешком, а какая-то сволочь едет на лошади, — проворчал он, уводя коня.

Араки поднялся, когда лошадь с офицером, вскарабкавшимся на нее, была уже далеко. Он недоумевал, как такое могло произойти. Ведь он же староста, унтер-офицер в отставке, и с ним вот так поступили?! Разве он китаец? Или какой-нибудь бродяга?

Внезапно послышался нарастающий вой моторов, и Араки бросился в гаолян, подальше от дороги. А вдоль шоссе, чуть не цепляясь за метелки гаоляна, промчались три русских самолета-штурмовика, неся смерть всему живому на этой пыльной дороге. Они взмыли вверх, круто развернулись и снова огненной метлой пронесли над дорогой.

Араки проламывался через гаолян, сделав большой крюк, чтобы оставить подальше место разгрома. Он даже со злорадством подумал о тех, кто отобрал у него лошадь. Недалеко уехал тот капитан на его лошади, и рядом с ним, наверное, улегся мерзавец унтер-офицер, который посмел ударить его, Араки.

Он вышел на дорогу и брел по самой ее кромке, готовый мигом нырнуть в спасительный гаолян. Сейчас Араки не думал ни о войне, ни о гибели штаба и этой колонны пехотинцев, ни о своих подчиненных в поселке, даже не думал о жене и детях. Им владела только одна мысль, которая заставляла его стремиться поскорее, раньше, чем это сделают русские, попасть в свой дом. Там, в тайнике, хранятся все его сокровища, все его деньги.

Жену, детей он может занять и в будущем, — а где он возьмет деньги? Без них он ничто. С деньгами он будет везде господин, уважаемый человек. Кто бы ни правил страной, деньги всегда были и будут главной силой.

На дороге показалась новая колонна, но это шли не солдаты, а женщины, старики, дети. Они тащили на себе, везли на тележках свертки, узлы, ящики, пакеты. Даже дети несли что-нибудь на своих спинах. Некоторые умудрились навьючить свое имущество на быков и коров.

Куда они шли? Зачем? Вряд ли кто из них мог бы ответить. Да Араки и не спрашивал их об этом.

Поглядывая, нет ли в толпе его подчиненных, Араки прошел сквозь нее, как сквозь воду. Беженцы молча расступились перед ним — в его руках была винтовка.

Только после полудня он добрался до поселка. Ворота были открыты и ни звука. Значит, и эти убежали. Без его команды. Так!.. Гнев охватил Араки, он готов был пристрелить первого же из беглецов, если бы тот ему попался на глаза.

Он подошел к колонке, накачал воды и жадно долго пил. Сморщив голову и грудь, Араки пошел к своему дому. Сейчас он достанет свои сокровища, запасется едой и уйдет отсюда. Куда? Он решит потом. Во всяком случае подальше, пока Квантунская армия не нанесет контрудар и не отбросит русских.

Араки принял как должное, когда в дверях дома, кланяясь и сияя от радости, его встретила жена.

— Вы пришли, пришли. Спасибо. Вскорости после вашего отъезда приехали на машине военные господа и приказали всем эвакуироваться. Кто как может. Я не посмела, ждала вас.

— Дети? — бросил на нее короткий взгляд муж.

— Я уложила их спать, набраться сил перед дорогой. Я собрала все необходимое.

— Дай поесть, быстрее! — скомандовал он и прошел в дальний - угол дома, где у него был тайник. Хвала богам! Все ценности на месте. Он уложил пакет, завернутый в клеенку, под рубаху.

Подав еду, жена стояла на коленях, не смея, пока не поест ее владыка, притронуться к еде. Он мрачно поглядывал на нее. Есико была неплохой женой. Послушная, выносливая, с широкими бедрами. Он обращался с ней строго, поколачивал, когда считал необходимым. Может быть, он прожил бы с ней всю жизнь. Но зачем она ему сейчас? Куда он может уйти с ней и двумя детьми? Была бы хоть лошадь. Оставлять их здесь на поругание русским? Невозможно. Ему ли не знать, что бывает с женщинами побежденных. Если не русские, то китайцы...

Он ел быстро, жена едва успевала подливать ему сакэ. Щеки Араки налились нездоровой краснотой, выражение лица стало жестким. Жена с нескрываемой тревогой, бросала на него робкие взгляды.

— Где пакет с едой? — он так резко поставил чашечку на стол, что та раскололась.

— Сейчас принесу, — вскочила жена. Через мгновение она появилась, держа пакет в вытянутых руках. И снова стала на колени.

Муж стоял перед ней, широко расставив ноги, и не спешил брать пакет из ее рук. Она вопросительно посмотрела на него и вдруг все поняла. Лицо ее посерело, руки безвольно опустились; она покорно поникла головой. Только слезы заструились по скуластым щекам.

— Я облегчу твои страдания, — пробормотал Араки и протянул узловатые руки к ее шее. Когда тело женщины перестало биться у его ног, Араки перешагнул через труп и прошел в комнату, где спали дети...

С двумя свертками за спиной, фляжками воды и спирта на боку, с набитыми обоймами карманами и винтовкой в руке вышел он из дома, немного поколебавшись — поджечь дом или нет. Не стоит, — решил он. Русских непременно погонят назад, дом и поселок еще пригодятся.

За себя он был спокоен, он-то сумеет сохранить свою жизнь. Кто еще в поселке знал так, как он, все окрестности, мог уверенно ходить по лесам, преследуя тех, кто пытался уйти от наказания. Араки знал, что за его беспощадность китайцы называли его «хрым чертом». Пусть гром орудий с востока становится сильнее. Он уйдет и от него. Теперь ничто его не связывает. Пожалуй, лучше всего пробраться к Гирину, там живет его высокопоставленный родственник. А уж если боги отвернутся от воинов императорской армии на полях Маньчжоу-Го, оттуда легче пробиться в Корею. Хорошо бы добыть лошадь и такого же сильного духом попутчика, как он, Араки. Ведь человек должен спать, а сонного даже демона можно победить.

Бравидура выдержкой, Араки закурил сигарету и вышел за ворота поселка. Он свернул на знакомую ему тропу, что вела к сопкам. Пока ему никто не нужен. Ни отступающие японские солдаты, которые могут отобрать еду, ни населенные места, где китайцы только и ждут случая, чтобы напасть на одиночку японца. Он не питал никаких иллюзий в отношении их чувств к японцам. Рабы всегда ненавидели господ — так повелось из века в век. И почему китайцы должны вести себя иначе?

Внезапно Араки остановился. Как он мог оставить в доме меч, которым будет потом рубить головы!

Но возвращаться поздно. Он шел, пока солнце не коснулось вершины сопки. Тогда забрался в заросли и мгновенно уснул, сжимая в руках винтовку, поставленную на предохранитель.

Едва заалела зоря, Араки проснулся. Вначале его поразила тишина. Никакого гула — ни с востока, ни с запада. Лес оживал, наполняясь птичьими голосами. словно в мире ничего не произошло — ни войны, ни отступления, обычное мирное утро. Тишина насторожила Араки, внесла беспокойство. Но он не стал торопиться. Вскрыв пакет, он достал банку рыбных консервов, галеты, запил водой, добавив немного спирта, чтобы подкрепить силы. Поразмыслив, он понял, что по сопкам далеко не уйдет, лошадь и попутчика ему здесь не найти. Лошадь он готов отобрать у кого угодно, так же, как отобрали ее у него.

«Надо пробиваться к дороге», — решил он. За сопкой по широкой долине проходило несколько дорог, и одна из них, как он помнил, вела к Хэньдоэхэцзы. Там стоял штаб пятой армии. А далее дорога шла до самого Харбина. Какую же из дорог выбрать? На какой из них его спасение?

Араки устал, пока вскарабкался на эту проклятую сопку. Зато с ее вершины открывался широкий обзор. Он присел отдохнуть, достав сигарету. По дороге Хэньдоэхэцзы — Харбин тянулась нескончаемая колонна отступающих. Повзводно и поротно плелись солдаты, винтовки несли кто как мог. Деля колонну на части, медленно катились желтые грузовики, набитые солдатами, как початки кукурузы зернами. Куда просторнее было офицерам в легковых авто-

машинах. Пушки, зарядные ящики, повозки, отобранные у китайцев телеги, запряженные лошадьми, ослами, быками.

По бокам колонны оттесненные на обочины, плелись колонисты-беженцы. Иногда маленькие группки их сворачивали в сторону, уходили в сопки. То ли передохнуть, подкормиться, то ли искали убежище, будучи не в силах идти дальше. Люди часто подымали вверх лица, опасаясь налета русских самолетов.

Араки мрачно смотрел на отступавших. В другое время он мог бы легко купить не только лошадь, но любую из автомашин. Любую из тех, в которых ехали господа офицеры. Ведь он богаче многих из них. Но даже деньги, лежавшие на его груди, были сейчас бессильны. А может быть, спуститься вниз к ним, попробовать дать кому-либо из офицеров взятку за место в грузовике. Он согласен стоять на одной ноге, лежать под ногами солдат — только бы ехать.

Да, сказал он сам себе, надо попытаться. Пешком далеко не уйти. Отбросив окурок сигареты, Араки поднялся, приладил за спиной свои свертки и, опираясь на винтовку, начал было спускаться с крутого склона. И вдруг остановился, словно попал ногой в один из тех капканов, которые сам ставил зимой на зверя. Из узкого дефиле между двумя сопками на другой стороне долины показался танк, за ним другой, третий... Много танков! Они лихо делали поворот у параллельной первой дороги и, набирая скорость, помчались по ней. Их башни медленно поворачивались, направляя длинные стволы пушек в сторону передвигавшейся японской колонны.

Такое Араки видел только в кино, когда показывали хронику о победах императорской армии в Китае, Бирме, Филиппинах, Сингапуре и других странах. Еще он видел такое в немецких киножурналах, изображавших победы армии Гитлера в Европе.

Араки сел и, сжав зубы, смотрел, как на его глазах гибла японская колонна. Только в некоторых местах солдаты пытались оказать сопротивление, сопротивление явно безнадежное. Вот танки, как один, враз повернули в сторону колонны, форсировали разделявший обе дороги ручей и стали давить орудия, грузовики и машины с господами офицерами. Араки видел, как под напором стали и огня японские солдаты в поисках спасения покатались к сопкам. Араки увидел и совершенно невероятное: некоторые воины императорской армии подымали руки вверх...

Скоро с колонной было покончено, и русские танки остановились, открыв люки. Русские солдаты окружили пленных.

Араки сжал голову руками. «Предатели! — исходил он бессильной злобой. — Какой позор! Не могли достойно умереть!»

Достав флягу, он разбавил спирт и выпил, чтобы унять нервную дрожь. Теперь ни на Харбин, ни на Гири он не пробиться не удастся. Русские уже обогнали его и за ними теперь не угнаться. Надо пересидеть в сопках, — решил он. И пошел в глубь леса, на обратный склон горы.

2

В роте капитана Сато о начале войны с русскими узнали раньше, чем поступило сообщение из штаба полка. Об этом солдат оповестили громы орудийных выстрелов — с юга, где находились доты укрепрайона. Загремело на рассвете 9 августа.

Капитан Сато со спокойной совестью мог доложить, что вверенная ему рота по боевой тревоге заняла отведенную ей позицию.

Сато был спокоен. С юга от них находился укрепрайон, мощь которого капитан видел сам и считал невозможным, чтобы кто-либо смог им овладеть. С севера простирались воды озера Ханка, а прямо перед ними были горы с непроходимыми ущельями и непролазной тайгой.

Ливни, не прекращавшиеся в последние дни, превратили в болота даже обычно проходимые пади. «Тут и зверь не сможет пройти в ближайшие дни», — полагал капитан.

Все же он решил еще раз проверить оборонительную позицию роты. С утра, солдаты были заняты тем, что вычерпывали воду из траншей, окопов, стрелковых ячеек. Солдаты измазались, устали и были злы. Капитан считал это полезным. Солдат и должен быть злым. Собрав подчиненных повзводно, он зачитал приказ господина командующего армией о войне с русскими. Командующий выражал непоколебимую уверенность в том, что воины вверенной ему армии отразят атаки и уничтожат врага, тем еще более увеличат славу императорской армии.

Считая, что он сделал все необходимое, капитан Сато удалился в штаб, полагаясь в остальном на командиров взводов.

Ефрейтор Сэнда Васиро злился не менее солдат. Но не дождь и вода в окопах были тому причиной. Он не замечал ни грязи, ни воды, которую вычерпывал брезентовым ведром.

«Итак, русские начали, — размышлял он, — начали до того, как кто-либо из правителей догадался начать переговоры о мире и прекратить эту проигранную войну. Война с русскими не даст теперь возможности укрыться в Маньчжоу-Го тем, кто хотел бы продолжать ее. Чего же они там ждут — в Токио? На что надеются? Или в самом деле думают, что ефрейтор Сэнда Васиро и его солдаты-резервисты разобьют русских? Тех русских, которые дошли до самого Берлина?

Хорошо, если русские надолго застрянут перед укрепрайонами. А если нет? Тогда он, ефрейтор, и его солдаты должны стать крепче дотов из бетона и стали? Накамура прав: у немцев было больше техники, их инженеры были более искусными, и все-таки их крепости, валы и «неприступные» линии пали.

Накамура прав, прав до жестокости. Хорошо ему было советовать: «Его величеству, отечеству понадобятся люди дальновидные, такие, как ты и тебе подобные».

Им еще повезло, что достался спокойный участок фронта. Здесь русские вряд ли смогут пройти. Но ведь в любой момент может поступить приказ встать на главном направлении наступления русских. И ничего тут поделать нельзя.

— Как дела, ефрейтор? — прервал мысли Сэнда голос унтер-офицера Хирано. Тот стоял над окопом, отмахиваясь веточкой от комаров. Хирано послан в их роту командиром батальона. Ни для кого не было секретом, что он связан с кэмпейтай¹, и Сэнда был уверен, что слежку за ним проводил именно Хирано.

Сэнда вытянулся в окопе, доложил:

— Ефрейтор Сэнда заканчивает очистку окопа. Отделение тоже!

— Вижу, вижу, — покровительственно произнес Хирано. — Но я о настроении. Как? Дадим им по черепам?

— Так точно. Пусть только сюда сунутся. Мы их разгромим! — снова четко ответил Сэнда и подумал: «Нарочно, мерзавец, выбрал такой момент, чтобы на меня сверху вниз смотреть».

¹ Кэмпейтай — жандармерия.

— Правильно, ефрейтор. Наша храбрость еще более вдохновит императорскую армию, и она быстрее добьется окончательной победы в священной войне. Как настроение солдат?

— Они преисполнены боевого духа, господин унтер-офицер.

— Так и должно быть. Если кто в бою окажется малодушным, пристрели без сожаления. Я буду с вами. Прапорщик Уцида заболел, и я назначен командиром вашего взвода вместо него. С малодушными я буду беспощаден, передай это всем солдатам. Когда закончите очищать окопы, собери отделение и сообщи мне.

— Слушаюсь, господин унтер-офицер.

Сэнда с ненавистью посмотрел вслед удалявшемуся новому командиру взвода. Хирано действительно был беспощаден и жесток. Избить солдата — для него удовольствие. Тупой, способный на любую подлость, он слепо верил в силу приказа, действительно считал императорскую армию непобедимой, ее офицеров всемогущими. Пожалуй, если бы кто-то из них приказал ему покончить жизнь самоубийством, Хирано выполнил бы и такой приказ. Начальство покровительствовало ему на зависть другим унтер-офицерам.

Беседа, которую Хирано провел со взводом, была настоящей пыткой для Сэнды. Убежденно, с апломбом, Хирано распространялся о какой-то трусости и слабости русских, плохой их воинской подготовке. Договорился до того, что у русских в танковых ротах якобы настоящих танков всего два-три, а остальные это старые автомашины, замаскированные под танки. Поэтому если уничтожить те два танка, то остальные сами тотчас повернут назад.

Ефрейтор с тоской думал, что вряд ли ту чушь, которую нес Хирано, могли принять всерьез даже самые тупые из его солдат. Они стояли безликие, покорные, смирившиеся со всем, что принесет им судьба. Судьба? Коварное и странное понятие! «Судьба, как тень следует за человеком», — так утверждает старинная поговорка. А раз так, что человек может сделать против своей судьбы? Ничего. Только терпеть и считать ее неотделимой от себя, как собственную тень.

Выходит, им всем самой судьбой предназначено погибнуть в этих окопах-могилах, которые они вырыли сами себе. Судьбой предназначено его детям остаться сиротами, если они останутся живыми до конца войны, а жене быть «еще не умершей» — так читаются три иероглифа, составляющие слово «вдова». Вдовой, которой, возможно, придется родить ребенка с рыжими волосами.

Сэнда даже зубами закрипел от бессильной ярости. В эту минуту унтер-офицер Хирано показался ему олицетворением безжалостной судьбы, выпавшей на его долю, и он готов был застрелить его. Он постарался взять себя в руки. Смешно подумать: Хирано и судьба. Если бы он сейчас убил унтер-офицера, то только ускорил бы свою гибель. Что ж, видно, ему придется пополнить бесконечные списки святых в храме Ясукуни, если сам храм уцелеет от бомбежек.

— Разойдись по местам! — услышал он команду унтер-офицера и повел свое отделение к окопам.

Солнце припекало все сильнее. Солдаты, рассевшись на траве, занимались кто чем. Некоторые писали прощальные письма.

Сэнда откинулся на спину и смотрел, сощутив глаза, в бездоннее небо. Небо, в котором обитали недобрые боги, ниспославшие им жестокую судьбу. С юга к непрекращающемуся гулу артиллерии добавился звук авиамоторов. И в тот же миг раздался крик: «Воздух!»

Все попрыгали в окопы. Нехотя спустил ноги в окоп и Сэнда;

посмотрев на непросохшую еще грязь на дне окопа, он так и остался сидеть на бруствере. Взглянув в направлении гула, он увидел эскадрилью русских самолетов, которые шли на большой высоте и казались поэтому маленькими серебристыми крестиками.

— Ефрейтор! — послышался злой окрик Хирано. — Почему не выполняешь команды? Ты, мерзавец, всех демаскируешь!

— Никак нет, господин унтер-офицер! Разве русские способны что-нибудь увидеть с такой высоты? Да и самолет там, наверное, настоящий один, а остальные фанерные. Мы не испугаемся и тысячи таких! — бодрым голосом ответил Сэнда.

Солдаты ухмылялись, но унтер-офицер неожиданно поддержал Сэнда.

— Правильно, ефрейтор, молодец! — проговорил он, вылезая из окопа и тут же скомандовал: — Впредь в окопы прыгать только тогда, когда русские самолеты будут атаковать наши позиции. И немедленно открывать по ним огонь. Мы не должны уподобляться тем, кто боится дуновения ветра и крика журавля.

День тянулся медленно в беспокойном нервном ожидании. Потом капитан Сато неожиданно приказал покинуть позиции — таков был приказ из штаба батальона. Оказывается, русские прорвали оборону севернее их расположения, и рота могла оказаться в окружении.

Понуро и молча отходили солдаты на новый рубеж обороны. Только к вечеру, перейдя такую же падь, они остановились. Капитан Сато быстро отвел участки для взводов, показал позиции гранатометчикам, и, не отдыхая, все начали рыть окопы — каждый для себя. Времени, чтобы открыть траншею и все, что предусмотрено на такой случай уставом, не было.

Сэнда устало долбил землю под кустом орешника. Он требовал усердия от солдат, но сам не был уверен в том, что они задержатся и здесь. Иногда появлялся унтер-офицер и не скупился на затрешины тем, кто, по его мнению, плохо старался. Уже было совсем темно, когда они, поев наскоро галет и сушеной рыбы, завалились спать в кустах рядом с окопами.

Утром они успели спокойно поесть, доделать окопы и замаскировать их. Погода стояла жаркая, безветренная. Да и какое дело погоде до того, что творили люди. Потом унтер-офицер приказал идти на поляну, где собралась вся рота.

Капитан Сато вновь призвал солдат сражаться мужественно, достойно воинов императорской армии. Русские, оказывается, непонятным образом сумели преодолеть горы и болота и могли скоро появиться здесь. Впереди роты больше нет никого, и его солдаты обязаны не пропустить врага, они, как твердо убежден капитан, сделают это блестяще.

— К нам на помощь пришли храбрейшие из храбрейших, самые славные из славных, — голос капитана стал патетическим: — Они не пропустят танки, а остальных мы уничтожим сами!

По его команде из-за деревьев четким строем вышло семь солдат. На руках у них были белые повязки, вместо поясов связки толковых шашек, а в руках шесты с минами. «Никудан», «смертники», — догадался Сэнда, с острым любопытством вглядываясь в их бесстрастные лица.

Капитан скомандовал, и вся рота застыла в поклоне перед этими семерыми, а затем разошлась по окопам. Сэнда снова улегся в тень под орешником. Вдруг ему показалось, что что-то в окружающей обстановке изменилось. Он приподнялся, всматриваясь вдоль

долины туда, куда было послано боевое охранение. Вроде бы все как было. И вдруг Сэнда догадался — тишина! Ни звука не доносилось с той стороны, где был укрепрайон. Что это может значить? Русские отступили? Не может быть, чтобы они так быстро смогли овладеть укреплениями. Они же не всесильные, такие же смертные. Подтягивают, наверное, силы для нового штурма. Но где-то севернее они прошли, раз их роту отвели с позиций, на оборудование которых они потратили столько сил. Чтобы там ни произошло, в укрепрайоне, все равно их час приближался.

Не один он заметил наступившую вдруг тишину.

— Солдаты! — раздался голос унтер-офицера Хирано. — Вы слышите, перестали стрелять пушки! Это воины укрепрайона разбили русских и заставили их отступить. Воинам укрепрайона банзай! — заорал он истошно. «Банзай!» — жиденько раздалось в окопах.

«Может, и прав этот болван, может быть, действительно так и есть», — подумал Сэнда. И тут же привстал: в горловине долины показались солдаты боевого охранения. Они бежали изо всех сил, пригибаясь, оглядываясь. Не иначе, как большие силы оказались перед ними. «Но все равно они были обязаны принять бой», — зло подумал он. Солдаты скрылись в зарослях на ближайшем склоне сопки. И тут же показался русский танк, за ним другие. На броне танков сидела пехота.

— Без моей команды не стрелять! — крикнул Сэнда своим солдатам. — Не смей без команды! — повторил он.

Его отделение находилось на правом фланге обороны роты, и он понимал, что в ходе боя принимать решение придется ему самому.

Танки русских, покачивая длинными стволами пушек, перестраивались в боевой порядок, словно радуясь тому, что вырвались наконец из узости ложины; урчание моторов заполнило долину.

«Как они там прошли? Откуда? — почти спокойно подумал ефрейтор. — Надо подпустить танки ближе, на прицельный выстрел, и тогда ударить по пехоте».

Но, очевидно, не хватило выдержки у капитана Сато, раздался хлопок граномета, и первый столбик дыма, земли взметнулся перед танком, за ним и другие. Потом стали палить из винтовок на левом фланге. Танковый десант как ветром смыло с брони; русские скрылись в высокой траве. Вскоре на позицию гранатометчиков полетели желтые ракеты, указывая танкам цель. Башни танков развернулись, дула орудий, казалось, посмотрели прямо в глаза Сэнда, раздалась гулкая канонада и быстро смолкла. С позиции гранатометчиков больше не раздалось ни одного выстрела.

Краем глаза Сэнда успел заметить, как по склону сопки наперерез русским танкам скользнуло семеро смертников. Он даже забыл дать команду своим солдатам — те начали огонь самостоятельно. Русские наступали не спеша, то показываясь на мгновение, то снова исчезая за укрытиями. Вдруг там, в зарослях, взбуч столб взрыва, потом чуть в стороне еще один. «Уничтожают смертников», — догадался Сэнда, — вот почему они не спешат — охраняют танки. Они знают о смертниках». И ему вспомнились слова поручика Накамуры: «Да знаешь ли ты, что в вашей дивизии всего восемнадцать противотанковых пушек».

Все же один «никудан» прорвался к танку, около которого раздался взрыв. Танк резко развернулся, расстилая за собой перебитую гусеницу, но повернул башню и открыл огонь.

Танки пошли дальше, минув оборону роты капитана Сато. Они,

по всему было видно, не считали роту целью, ради которой стоило надолго задерживаться.

«Тем лучше», — подумал Сэнда, кладя винтовку на бруствер и старательно целясь. Он должен был убить, чтобы не убили его самого.

— Господин ефрейтор! Патроны кончились, — раздался голос солдата Мимуры из соседнего окопа.

— Куда попало пуляешь! — заорал на него Сэнда, бросив ему две обоймы. — Стреляй только прицельно, мерзавец!

А русские солдаты продвигались все ближе и ближе. И Сэнда лихорадочно прицеливался, стрелял: фигурки пропадали, и он не знал, убил кого или только ранил. Внезапно русские исчезли, как бы растворились в траве. «Неужели отступают?» — подумал Сэнда, доставая запасную обойму.

Но тотчас же над их окопами стали раздаваться гулкие взрывы, постепенно перемещаясь с левого на правый фланг. Сэнда чуть приподнял голову и увидел в дефиле долины минометы, грузовики с русскими солдатами; оттуда и сверкали огненные сполохи. «Ну вот и конец», — подумал Сэнда, вжимаясь на дно окопа. А гигантский молот ударял все ближе и ближе, совсем рядом: в окоп полетели комья земли, сучья, и снова все стихло.

Преодолевая тошноту, цепляясь за стенки окопа, Сэнда поднялся, удивляясь, что он еще жив, способен видеть и чувствовать. Русские солдаты, перекликаясь, шли к подножию сопки во весь рост. «Они пройдут мимо, могут пройти мимо, могут нас не заметить», — почти молился Сэнда, цепляясь за последнюю надежду. Но неожиданно раздалось истошное «Банзай», показался унтер-офицер Хирано: он вытянулся в полный рост, взмахнул зажатым в руке пистолетом и, завопив «За мной!», ринулся вниз по склону навстречу русским. За Хирано брели еще несколько солдат. Раздались очереди русских автоматов, Хирано и солдаты упали, подкошенные огнем. В сторону их взвода снова пронеслась наводящая желто-дымная ракета — и вновь по склону забили чудовищные молоты. Все ближе и ближе к окопу, где на самом дне лежал сжавшийся в комок ефрейтор. Стенки окопа вздрогнули, неведомая сила приподняла Сэнда и вновь положила его на дно, присыпая землей.

Он очнулся, не сразу сообразив, где он и что с ним. Потом все случившееся встало перед ним во всей жестокой правде действительности. Сэнда сел, пошарил руками и нашел флягу. Раскрыв слипшийся рот, жадно попил, промыл глаза. Небо над окопом было темно-голубое. «Значит, уже вечер», — вяло подумал он. Отдохнув еще немного, он, цепляясь за стенки окопа, приподнялся, встал на ноги и лег грудью на бруствер.

Долина была пуста. Даже подбитого русского танка уже не было и только следы гусениц свидетельствовали о том, что стальная крепость умчалась догонять остальных.

— Кто живой! — слабо крикнул он. — Мимура! Уэда! Судзуки! — он перечислял фамилии своих солдат, как на вечерней проверке; голос его постепенно креп, но даже стопа он не услышал в ответ.

«Значит, один. Один из всех», — с тоской и ужасом подумал он и стал выкарабкиваться из окопа. Он заполз в орешник и снова прилег, набираясь сил.

Отдохнув, ефрейтор поднялся и, пошатываясь, побрел вдоль окопов взвода. Он увидел то, что и ожидал: убитых в самых неожиданных

позах — кого как застала смерть; куски разорванных на части тел. Добрел до окопа командира взвода, еще несколько раз крикнул и умолк. Какой смысл кричать? Ни одного живого, он один из всех.

Подобрав чьи-то флягу и мешочек с галетами, Сэнда начал спускаться в долину, вечер все густел и густел — идти дальше не стоило. Он улегся под деревом на мягкую, дышащую теплом траву, достал платок, прикрыл им лицо и мгновенно уснул.

Утром он пожевал галет и побрел по дороге, не скрываясь и не таясь, до ужаса одинокий, беспомощный. Он подумал, что напрасно не прихватил с собой винтовку, если его встретит какой-нибудь Хирано и сочтет дезертиром, то тут же и расстреляет на месте. Но не все ли равно, кто его убьет, — свои или русские? Он уже живой мертвец.

Сэнда брел долго, загребал ногами пыль. Ему было все равно куда идти. Он даже не обернулся, когда сзади послышался нарастающий шум автомашины, шел, ссутулясь, ожидая выстрела в спину, который наконец покончит для него со всем.

Шум нарастал, рядом закрипели тормоза, и лишь тогда Сэнда остановился. Из кабины выскочил пожилой русский с револьвером в руке и остановился перед ефрейтором. Японец понуро стоял перед ним, и его опущенные руки были вывернуты пустыми ладонями вперед. Из кузова, загруженного ящиками, прыгнули на дорогу несколько женщин в полувоенной форме. Они окружили японца и молча уставились на него.

— Ну, бабоньки, — раздался из кабины голос водителя, — это ж надо такое! Военторг в плен самурая взял! — Он рассмеялся, налегая грудью на руль. — Вы хоть справку мне составьте. Брехуном назовут, когда расскажу про такой случай!

Женщины тоже засмеялись: сначала тихо, потом громче. Пожилой старшина спрятал наган в кобуру. Потом он тронул Сэнда за плечо и показал на кузов: «Залезай!»

Ефрейтор Сэнда, подхваченный сильными женскими руками, мгновенно оказался в кузове.

Глава пятая

1

Наконец-то пошли и они! Двигались во втором эшелоне политотдела и штаба армии, который образовал довольно длинную колонну автомашин. Капитан Марсин, которому майор Марштейн поручил командовать оставшимися подчиненными, озабоченно-деловит, команды подавал суровым, отрывистым голосом. Он доволен, впервые получил возможность иметь в подчинении столько людей и чувствовал себя настоящим военачальником.

Конечно, в его распоряжении вместо танков или самоходок — походная типография, МГУ, машины с имуществом. Но все-таки это тоже воинское подразделение, необходимое на войне, им нужно было командовать, руководить.

Спокойствие капитана было чисто внешним. Он опасался сделать что-нибудь не так и потому был излишне суетлив. Пожалуй, только экипаж МГУ он не беспокоил, полагая, что у ее командира есть достаточный опыт.

Подосенко только довольно хмыкнул, когда капитан приказал МГУ следовать за машинами походной типографии. Там, где пройдут эти тяжело нагруженные машины, для МГУ препятствий не бу-

дет. С другой стороны, он одобрил распоряжение капитана, понимая, что, если машины типографии застрянут, идущие сзади окажут им помощь, не позволят отстать.

Когда вступили на маньчжурскую землю, все поняли, какой подвиг совершили здесь передовые отряды, сколько невероятных усилий, труда пришлось им затратить, чтобы прорубить, проложить и сохранить колею, по которой они сейчас ехали. Японское командование вправе было считать эти места непроходимыми для любого вида машин, тяжелого оружия, без которых немыслима современная война. Свернуть с колеи здесь было невозможно. По обеим сторонам земля разворочена гусеницами танков, самоходок, тягачей.

Алексей Морозов, сидя рядом с Подсосенко, с любопытством смотрел на буйство зелени, стену мощных деревьев. Казалось, нырни в зеленый океан и затеряешься в нем навсегда. Такого он еще не видел нигде. Ни в Белоруссии с ее дебрями, ни в Пруссии, где леса больше похожи на ухоженные парки.

Колонна шла медленно — ни развернуться, ни обогнать идущих впереди невозможно. На такой случай местами были созданы искусственные «развилки».

Командир экипажа по достоинству оценил своего нового водителя. Это был мастер, «ас». Почти на каждой остановке Подсосенко осматривал ходовую часть МГУ и только после этого разрешал себе закурить. Если путь трудный, он был молчалив, считая, что работа и пустые разговоры не совместимы: кто бы рядом с ним ни сидел. Он не сетовал на дорогу, на малый темп движения, при котором не езда, а мука, ни на то, что шедшая впереди машина — наборный цех типографии — иногда резко тормозила. Только однажды, не вытерпев, Подсосенко на остановке подошел к ее водителю, что-то сказал, и тот стал тормозить аккуратнее.

Морозов знал, что Подсосенко среди шоферов пользуется непрерываемым авторитетом, его вызывают на «консультацию» так же, как самого Морозова вызывали радисты на западных фронтах. Вообще старший лейтенант был доволен своим экипажем, считал каждого великолепным парнем, надежным человеком, без чего и нельзя на войне. И то, что они движутся медленно, его не раздражало. Он знал по опыту — на войне всякое бывает. И чего нервничать, когда едешь в колонне и не надо самому принимать решений.

Другое дело, Николай Королев. Ему быстро надоело сидеть в раскавшемся кузове, хватаясь за что ни попади руками, когда машина подскакивала на колдобинах или мелко тряслась по лежневке. Даже смотреть в окошко было неудобно да и не на что: по обе стороны видна была только стена непроницаемого для взора леса. Королев нервничал, время тянулось тягуче-медленно, и он чувствовал себя беспомощным пассажиром, которого неизвестно куда везут. Он удивлялся, глядя на Якуба, который, примостившись в углу, умудрялся безмятежно дремать.

На каждой более длительной остановке Королев нетерпеливо выскакивал из кузова, ожидая увидеть что-либо новое, кроме замершей колонны в узком лесном тоннеле. Водители не глушили моторов. Королева возмущало, что никто не мог ему объяснить, почему остановились и сколько еще придется ждать. Когда же машины в голове колонны трогались с места, он вновь залезал в кузов. Гаврилович иногда приоткрывал сонные глаза и спрашивал: «Ну, чево там?»

Так, не выбравшись из леса, они перекусили. Водители осмотрели машины — и снова в путь.

Из объятий таежных дебрей вырвались только далеко после полудня и, хотя грейдерная дорога — первая японская дорога, на которую они выехали, — была узковата и порядком побита боевыми машинами, колонна все же пошла быстрее. Все оживились, радуясь более широкому обзору, не ограниченному стеной деревьев.

Якуб Гаврилович зевнул, потянулся:

— Кажись, теперь веселее поедем.

— Удивляюсь, как ты можешь вот так спать?

— А чево? — удивился Гаврилович. — На войне, ежели солдат в свободную минуту не поспит, так из него никакой вояка не выйдет. Так, одна видимость в шинели. Практика доказала.

— Я не могу так, — признался Королев.

— Попервах все так, — сказал, скручивая козью ножку, Гаврилович. — А потом привыкают. Вот у нас в дивизии был случай, зимой, притом. Немцы наших из траншеи выбили ночью, а потом наши их снова выгнали. И представляешь, один славянин так заснул, что ничего не заметил, а когда ему сказали, что он у немцев был, — верить не хотел.

— На фронтовую байку похоже, — не поверил и Королев.

— Да точно говорю, — продолжал Гаврилович. — А то еще был случай, на Втором Прибалтийском. Там долго стояли — ни взад ни вперед. И мы, и немцы. Все так заминировали, что и кошка не прокралась бы. Так вот, один фриц, тоже ночью, был в боевом охранении и шнапса нализался до паморков. Решил он возвратиться да перепутал направления по пьянке. И, представляешь, прошел свое минное поле, наше, забрался в нашу землянку и уснул как миленький. Наши утром просыпаются и глазам не верят: спит фриц с автоматом в обнимку, а от него сивушный дух на всю землянку. Разбудили его, а он в память никак не придет, снова глаза закрывает, думает, во сне ему такое примерещилось. А ты говоришь, байка. Разведчики сколько ночей проходы делают, когда за языком собираются, а этот фриц петлял пьяными ногами и прошел.

Заметив, что Королев продолжает сомневаться, Гаврилович с той же убежденностью продолжал:

— Вот скажи: может человек без парашюта с самолета упасть и не разбиться? Нет? А были и такие случаи. Один упал на склон оврага, набитый снегом, а другого разрывная волна самортизировала и на крышу забросила. В Будапеште так случилось. Про это в газетах писали. На войне еще и не такое случается...

Пока Гаврилович продолжал занимать Королева фронтовыми былями, Морозов с любопытством рассматривал тянувшиеся вдоль дороги поля гаоляна, чумизы. «Тут действительно сотня диверсантов-смертников может скрыться, и не заметишь», — подумал он и положил автомат на колени.

Подсосенко скосил на него глаза и проговорил:

— Должно, деревья скоро будет, раз поля пошли. Только, думаю, никого там не увидим.

— Почему?

— В такое время крестьянин в поле должен быть. А раз нет, то выходит — угнали их самураи или в сопки убежали.

— Нас-то китайцам чего бояться?

Подсосенко помолчал, потер рукой свой крупный нос, хмыкнул.

— Я так понимаю, у них, как у нас в старое время, человека, который с винтовкой пришел, все опасаяца. А тут война. Понятное дело. Только, думаю, угнали их насильно с этих мест.

— Почему ты думаешь?

— Тут и гадать нечего. Посмотри — ни одного огольца вокруг. А это народ везде одинаковый. Помню, от матери мне попадало — какое войско не идет, страх как посмотреть хотелось.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Морозов. — А растёт здесь все хорошо, ухоженные поля, ничего не скажешь.

— Так они все тут руками обрабатывают. Тут ни сеялки, ни комбайна не увидишь. Не знаю, как там японцы хозяйствуют, а китайцы от темна до темна руками, мотыгой... А вот, смотрю, и деревня ихняя показалась. Похоже — ни души.

Подсосенко оказался прав: жалкие фанзы, скучившиеся одна возле другой, были пусты. Около одной из них валялась убитая собака. Видно, пристрелили ее за то, что не хотела эвакуироваться. Колонна, не останавливаясь, проехала через деревню, окутав ее пыльной завесой.

День все более клонился к вечеру, зной спал, тень от МГУ удлинилась. Колонна остановилась, и по ней прокатилась команда: «Глуши моторы!»

— Кажется, всерьез остановились. Надо сходить узнать, — сказал Морозов, открывая дверцу кабины. — Эй, Николай, Якуб! Выходите, разомнитесь.

Идти Морозову никуда не пришлось. У МГУ показался озабоченный капитан Марсин.

— Там, за поворотом, — показал в сторону головы колонны, — поврежден мост. В общем, застряли надолго, будем ночевать. Поблизости есть какой-то поселок. Мне приказали осмотреть его, может, там и заночуем. Пойдете со мной.

— Приказ есть приказ, — согласился Морозов. — Королев и Гаврилович, пойдете с нами. Подсосенко останется с машиной. Пошли! — он взял автомат.

— О, у вас даже автоматы есть, — завистливо заметил капитан. — Где получили?

— Фронтовая смекалка, — ответил Морозов.

Присоединив к ним еще двух солдат из типографии, капитан Марсин повел всех к поселку.

Минут через двадцать они остановились перед широко раскрытыми железными воротами. Поселок показался странным, совершенно непохожим на ту китайскую деревушку, которую они недавно миновали. Прочная ограда с колючей проволокой поверху, по углам деревянные вышки, с которых виднелись стволы пулеметов.

— Концлагерь был здесь или што? — спросил, недоумевая, Гаврилович.

— Непохоже! — не согласился Морозов.

— Поселок японских колонистов, — авторитетно пояснил капитан Марсин. — Их японцы здесь немало понастроили. Согнали китайцев с обработанных ими полей.

— Видать, с опаской жили. Даже пулеметами охранялись, — раздался снова голос Гавриловича. — Вон, видали! — показал он ближайшую вышку.

— Ну-ка, ты и ты, — приказал капитан Марсин солдатам из типографии, — снять пулеметы!

Капитан Марсин держался настороженно. Пусть поселок пуст, но можно ведь по-разному преподнести о том, как он, капитан Марсин, занимал вражеский населенный пункт.

— Быстро драпанули, раз пулеметы бросили, — сказал Королев. Хоть бы одна живая душа, чтобы узнать, как тут все было.

— Первые дни в Пруссии тоже хутора пустыми были, — вспомнил Морозов. — Даже коров, которых не успевали с собой увести, пристреливали.

— Пошли! — капитан Марсин вынул пистолет из кобуры. — И не расходитесь. Не исключено, что какой-нибудь фанатик остался.

Они двинулись к домам, где недавно еще шла чужая, незнакомая жизнь. Жизнь, как видно, не очень-то привольная, если они тут были вынуждены защищать себя колючей проволокой и вышками с пулеметами. И в каждом из этих домов с черепичными крышами была винтовка.

— Товарищ капитан! Товарищ капитан! — раздался крик одного из солдат от ближайшей вышки.

— Что там? — резко остановился Марсин.

— Не пулеметы это, а туфта, — доложил солдат, запыхавшись от бега, и бросил на землю макет пулемета.

Все с любопытством посмотрели на деревяшку.

— Хитрецы, — капитан Марсин толкнул ногой макет. — Но там, — кивнул он в сторону вышки, — раньше настоящие пулеметы были. Их недавно заменили, краска свежая. Начнем осмотр с этого дома, — показал капитан на более крупное здание, на стенах которого висели полосы-лозунги, написанные жирными иероглифами.

Он первым раздвинул дверь. Морозов подумал еще, что надо было предупредить капитана, напомнить, как гитлеровцы иногда минировали дома, начиняя их разными «сюрпризами». Не один наш воин на первых порах, случалось, становился жертвой собственной неосторожности. Если в этом поселке есть мины, то в первую очередь в этом доме.

Но Марсин уже шагнул в дверь, и остальные потянулись за ним. Остановились перед золотисто-светлыми чистыми циновками, устилавшими пол комнаты. На взгляд большинства, комната была нежилой — никакой мебели, только низенький, словно детский, столик в углу, да на стене висела картина размером с полотенце, на которой черными полутонами была изображена гора со снежной вершиной. И ни одной двери, будто остальные комнаты имели отдельные входы с улицы.

Капитан Марсин уверенно подошел к стене, оклеенной бумажными обоями, закрепленными деревянными планками. Все еще не выпуская пистолета из рук, он раздвинул стенку. Вошел в соседнюю комнату и тут же стал пятиться назад.

— Там мертвые. Женщина и дети. Мертвые... — голос капитана дрогнул.

Морозов мягко отодвинул капитана в сторону и вместе с Королевым прошел дальше. В углу на полу, усталом такими же циновками, свернувшись калачиком, лежала женщина. Рядом с нею на толстом одеяле две девочки — лет пяти и двух. Морозов нагнулся над женщиной, откинул ворот кимоно.

— Задушили, — мрачно произнес он. — Хозяин этого дома и задушил. Сволочь!

— Неужели сам? — почему-то шепотом спросил Королев.

— В Германии тоже такое случалось, — выпрямился Морозов. — Фашисты, самураи — одна порода. Тот же мерзавец Геббельс отравил жену и детей, а потом и сам. А Гитлер! Как скорпионы!

— Осмотреть весь дом! — раздалась команда Марсина. — И побыстрее, мы и так долго валандаемся.

Больше в доме никого не оказалось. Когда вышли на улицу, Морозов, показав на лозунги, спросил Королева:

— Что они здесь понаписали?

Тот obeжал иероглифы глазами.

— «Доведем священную войну до победного конца», «Сто миллионов, встаньте, как один», «Да здравствует победа великой императорской армии». Ну и еще такая же ерунда.

— Конец теперь им будет. Это точно, — махнул рукой Морозов.

— Товарищ младший лейтенант, — вмешался один из солдат. — Раз вы понимаете, что тут написано, посмотрите. — И он подал толстую бутылку темного стекла с пестрой наклейкой.

Королев посмотрел на этикетку:

— Это сакэ, японская водка. Только она слабее нашей. Японцы пьют ее подогретой.

— Подходяще!

— Где взял? — отобрал бутылку Морозов.

— Да в этом доме. Там кухня, еще остались...

Морозов резко взмахнул рукой, и бутылка вдребезги разлетелась.

— Если хочешь домой живым вернуться, — зло проговорил он, — никогда не пей незнакомой дряни. Даже с самой красивой этикеткой. Эта сволочь жену и детей задушил, мог и яда добавить. Случалось такое.

— Та я ж, — стал оправдываться солдат, — смотрю, запечатанная. Открытую я бы не взял.

— Ладно, — примирительно проговорил капитан Марсин, — посмотрим остальные дома. А ты, — повернулся он к солдату, — раз такой прыткий на трофеи, бегом к подполковнику. Скажешь, что заночевать здесь можно.

— Слушаюсь! — солдат затрусил к воротам.

Они еще не успели осмотреть дома, как в воротах показалась первая автомашина. Капитан Марсин пошел докладывать подполковнику. Когда МГУ остановилась около них и Подсосенко подошел к ним, Морозов спросил:

— Ты как, Степан Федотович, мертвых не боишься?

— А чего их бояца? — недоуменно поднял брови тот. — Мертвяк, он завсегда безвредный, ежели запаха от него еще нет.

— Ну вот и отлично. Остановимся экипажем в этом доме. Думаю, капитан Марсин к нам не присоединится. Похоже, он мертвых только в гробу видел. Там они привычнее, официальнее, что ли, смотрятся.

Королев рассмеялся. Командир МГУ придумал ловко: к ним капитан не подселится. Какая-то кошка, видно, пробежала между ними? Морозов явно недолюбливал капитана, хотя и старался не показать ему этого. И тот держался с командиром МГУ только официально.

Николай долго лежал и не мог заставить себя уснуть, хотя подъем был назначен на шесть ноль-ноль. И завидовал остальным, которые давно уже спали. Он был моложе их, не испытал того, что Морозов и Гаврилович на фронте. Подсосенко за свою жизнь тоже немало повидал. Он понимал также, что они относятся к нему заботливо. Ведь даже молчун Якуб стал развлекать его фронтовыми историями во время марша.

Конечно, знать, что за бумажной стенкой лежат три трупа, было не особенно приятно. Его взволновала сама трагедия, которая произошла в этом доме. Задушить собственных детей! До какого же изуверства, бесчеловечности надо дойти. Ведь даже хищные звери и те защищают своих детей до последнего издыхания.

Он пытался мысленно представить, как шла жизнь в этом доме, как хозяйничала в нем мертвая теперь японка, стараясь создать в нем уют, как резвились в комнате две потом задушенные девчушки в такой экзотической одежде.

Неужели они вот так и будут бежать? Куда? Ведь для них все здесь чужое, захваченное у китайцев силой и потому скрыто-враждебное.

Как с такими людьми разговаривать? А ведь придется. Придется разъяснять им простые, но незнакомые им истины. Воины Советской Армии подняли оружие не против женщин и детей, живших в этом поселке за колючей проволокой. И от него, младшего лейтенанта, зависит немало.

Поворочавшись, он все-таки уснул...

2

На рассвете Николай Королев проснулся, не дожидаясь команды. Хотя заснул позже всех. Потягиваясь, он вышел из дома и увидел, как Подсосенко и двое солдат копают яму.

— Что это вы решили землю ковырять? — удивился он.

— Могила роем. Надо похоронить японку и детишек. Не дело оставлять их так.

— Молодец, Федотович, дельно решил. Дай-ка мне лопату, разогреюсь немного.

Подсосенко протянул ему лопату и начал скручивать папиросу.

— Я бы того гада, который их прикончил, стрелять бы не стал. Сам удавил бы его и не закашлялся.

Младший лейтенант посмотрел на его руки: толстопалые, широкие ладони с вечными мозолями. Такой действительно мог бы задушить врага в схватке, если бы пришлось.

Похоронили мертвых, когда все уже проснулись. Быстро закопали, набросали небольшой холмик, и Подсосенко воткнул в изголовье могилы небольшой столбик. «Чтобы видно было — могила здесь», — пояснил он.

После завтрака на скорую руку Морозов спросил Марсина:

— Узнать бы, товарищ капитан, что на фронте за день произошло?

— Правильно, — согласился тот. — Сейчас узнаем.

Он пошел к начальнику колонны, у него была рация. Вернувшись, собрал подчиненных и торжественно, дикторским тоном зачитал записанную радистом сводку:

— Войска нашего фронта заняли Пинянчжень, Мулин. Забайкальский фронт продвинулся на 80 километров и сейчас штурмует перевалы через Большой Хинган. Второй Дальневосточный фронт форсировал Амур, Уссури и тоже успешно продвигается вперед.

Капитан довольно посмотрел на всех и не спеша сложил бумажку.

— Слышали, как жмут? Так мы в тылу и до Харбина проскочим, — сказал Королев.

— Не завидуй, — усмехнулся Морозов. — Думаю, и на нашу долю хватит. Не торопись поперед батьки...

Вскоре колонна второго эшелона политотдела выехала за ворота поселка и двинулась дальше на запад. Через два-три километра навстречу им стали попадаться шедшие по самой обочине дороги, один за другим китайцы — мужчины, женщины и детишки. Почти

все с коромыслами, тащили корзины, тюки с жалким скарбом. Тощие, с темно-коричневыми загорелыми лицами, босоногие, одетые в заплатанные штаны и рубахи, они широко улыбались, что-то кричали, подымая вверх большой палец. Передний нес на палке красный лоскут.

— Ну вот и хозяева в деревню вертаюца, — проговорил довольный Подсосенко. — Значит, самураям не до них,

— Им бы японский поселок занять, — заметил Морозов. — Разве сравнишь дома с их фанзами.

— Займут малость погода, — уверенно произнес Подсосенко. — А то и растащить могут по бревнышку, по доске. Факт, растащут.

И опять потянулась пыльная дорога, то сжатая склонами сопок, то идущая по просторным падям, с узкими речками, через которые переброшены свежесрубленные мосты. И снова заросли гаюляна, чумизы перемежались с полями сои, пшеницы, овса.

Часа через три показался не то городок, не то большое село, окруженное высокой глинобитной стеной. Ворота с разлапистой аркой вверху были раскрыты настежь, из них выходили и входили люди. По длинной узкой улице, вдоль которой фанзы лепились одна к другой, как лягушачья икра, колонна выехала на квадратную площадь. У дверей фанз стояли их обитатели, с энтузиазмом махали руками, у многих были банки, бадейки с прозрачной водой, которую они предлагали тем, кто сидел на машинах.

На площади колонна остановилась. Ее сразу же окружила галдящая толпа любопытных жителей. И снова каждому предлагалась вода. Особенно усердствовали мальчишки с обросшими головами, в грязных рубашонках и заношенных до невозможности штанишках.

Подполковник приказал осмотреть машины, технику, передохнуть и сделать все ну ясное после такого длинного перехода.

От добротного дома, на крыше которого уже висел красный флаг, торопился к ним лейтенант. Он представился командиру колонны как советский комендант этого уездного городка. Прислушавшись к разговору, Морозов понял: лейтенант уже успел замоститься на необычной для него должности. Он жаловался на то, что у него нет квалифицированного переводчика, ни он, ни его солдаты по-китайски не знают. Нашелся старик, который еще до революции, кажется, бывал в России на заработках. Но по-русски помнит только слова о еде. Большинство населения неграмотно и, что люди поняли из расклеенных на стенах обращений советского командования и приказов, лейтенант не знает. Связь работает плохо, все части проходили через городок, не останавливаясь, если бы не радио, он вообще бы не знал, что произошло за последние двое суток.

Подполковник, внимательно выслушав лейтенанта, позвал капитана Марсина:

— Задержитесь здесь с МГУ, капитан. Проведите митинг, разъясните населению положение на фронтах. Надо помочь лейтенанту. Мы заночуем в Мулине. Так что помитингуйте, и особенно не задерживайтесь, жмите за нами. Лучше с попутными машинами — безопаснее. А в общем, решайте сами.

— Слушаюсь! — козырнул Марсин. Капитан был доволен поручением. Одно дело — ехать на положении пассажира, а другое — по прибытии доложить о проделанной работе.

Комендант поблагодарил подполковника, потом он как тень ходил за капитаном Марсиным, словно боялся, что тот возьмет и уедет, ничего тут не сделав.

Едва колонна тронулась, он позвал всех в комендатуру:

— Перекусим и — за дело. У меня тут есть староста. Может, сказать ему, чтобы собрали пока народ?

— Не надо собирать, сами сбегутся, как только заговорит, — капитан кивнул в сторону МГУ. — А со старостой познакомиться надо. Что он за человек?

Лейтенант неопределенно качнул головой:

— Да вроде бы человек порядочный. Как я понял — при японцах не служил. Фанза у него не лучше других и руки с мозолями.

Комендант оказался щедр на угощение, даже поставил бутылку водки, от которой капитан Марсин и Подсосенко отказались.

МГУ выехала на центр площади и, когда раструбы динамиков выравнились вдоль главной улицы городка, остановилась. Комендант с любопытством смотрел, что произойдет дальше. Такую машину ему тоже видеть не приходилось.

Когда из динамиков раздался чудовищно усиленный голос капитана, комендант вздрогнул и отошел в сторону. А любопытные жители просто отпрянули в страхе. У капитана Марсина была четкая дикция, и китайский язык он знал хорошо:

— Все жители приглашаются на митинг! Все жители приглашаются на митинг!

Этот митинг надолго запомнился в городке. Об МГУ потом рассказывали легенды, и каждый участник митинга приукрасил ее мощь и силу до невероятного.

Как ни торопились, но больше часу времени потратили. Капитан Марсин еле вырвался из толпы: каждый его о чем-то спрашивал. Вытирая потное лицо, он отверг приглашение лейтенанта «подкрепиться на дорогу».

— Ожидать попутных не будем? — спросил Морозов.

— Зачем? Неизвестно, сколько ждать. А так своих догоним.

Приподнятое настроение не покидало капитана. И понять его было можно: наконец-то состоялась одна из встреч, к которым он так долго готовился.

— Ехать так ехать, — согласился Морозов. — Прошу! — показал он на кузов. — Гаврилович! Привяжи дверь, оставь ее открытой. Оружие держать наготове. В случае чего, выпрыгивайте и занимайте позицию по обстоятельствам.

Он уже уселся рядом с Подсосенко, как вдруг в стенку застучали и раздался голос Гавриловича:

— Погоди, старшой, колонна подходит якась.

Столб пыли за глинобитной оградой свидетельствовал, что Гаврилович не ошибся.

Вскоре мимо них, не останавливаясь, прогрохотала танковая рота, и МГУ пристроилась ей в хвост.

— Подходящий конвой! — удовлетворенно проговорил Морозов. — Держись за ними, Федотович.

Уже давно остался позади городок. Солнце припекало все сильнее, но они не могли ни открыть дверцу, ни опустить стекла. Танки такую пыльную завесу подняли, что Подсосенко включил фары, но и они мало помогали.

— Да приотстань ты, — взмолился Морозов. — Хлопцы задохнутся в кузове.

На обочине дороги показался мощный тягач с прицепом, полным ящиков. Водитель склонился над открытым капотом. Только проехали мимо тягача, как танки остановились. Обождав с минуту, Морозов открыл дверцу:

— Пойду на разведку. Долго они прохлаждаться будут или нет.

Он быстро зашагал в голову колонны. От танков несло жаром, запахом перегретого масла, солярки. У переднего танка стоял русоволосый капитан, комкая танкистский шлем в руках:

— Мост взорвали какие-то гады. И, видно, недавно, — с досадой сказал он. — Там помпотех смотрит берег.

Морозов пошел дальше к мосту. Да, капитан прав — мост взорван недавно, незадолго до подхода танков. Около моста стоял офицер и внимательно смотрел на берега речушки. Затем он спустился вниз, перешел ее — вода оказалась по колено — потыкал железным прутом дно, противоположный берег и вернулся: «Мы пройдем», — удовлетворенно сказал он и пошел к роте. Вскоре танки пошли. Первый из них осторожно спустился и, взревев мотором, довольно легко выскочил на другую сторону, за ним второй, третий...

К мосту подъехала МГУ. Подсосенко и все остальные присоединились к Морозову. Подсосенко вздыхал, чесал голову, потом тоже спустился к речке, перешел ее и вернулся.

— Не пройдем! — вздохнул он. — Не пофартило.

Он снова пошел к мосту, внимательно разглядывал его, что-то бормотал сам себе. Все с надеждой смотрели на него.

— И мост какой-то плюгавенький, — огорчился капитан Марсин. — Теперь нам не догнать наших. Что делать будем? — спросил он у Морозова.

— Скорее всего придется ждать, пока кто-то еще подъедет.

Вернувшийся от моста Подсосенко вроде самому себе говорил:

— Конечно, если два стояка поставить, а сверху колею положить из плах, то можно попробовать. Однако, часа два провозимся.

— Тогда командуй, Федотович! — решительно произнес Морозов. — Не стоять же без дела.

Они вовсю трудились, выполняя указания Подсосенко, когда к мосту подошла группа китайцев. Они остановились и с любопытством смотрели, что делают русские.

— Капитан, — предложил Морозов, — поговорите с ними, пусть помогут. Ради них же стараемся.

Марсин вылез на дорогу к китайцам и заговорил. Недослушав его, они тут же побросали свои коромысла, узлы и бросились помогать, галдя и смеясь. Работа пошла быстро, дружно, и вскоре уже накладывали колею для МГУ.

Сзади раздался гул моторов, показался тягач с прицепом, на котором сидело двое солдат. Водитель подошел, посмотрел результат их трудов и покрутил головой:

— Цирк! Как по канату ходите. Но это не для меня. А ганки, значит, вот там прошли?! Тогда и я за ними.

Вскоре тягач, притормаживая от напора прицепа, спустился с берега, натужно заревел его мотор, выхлопывая густо-черные клубы дыма. Казалось, тягач вот-вот надорвется, но все же под восторженные крики китайцев, он выполз на противоположный берег. Мотор его заурчал размеренно. Водитель вылез, осмотрел сцепку, прицеп и, весело оскалив зубы, крикнул: «Прощайте!»

— Он мог и нас отбуксировать! — недовольно произнес капитан Марсин. — Надо было его заставить.

— Разорвать он нас мог, товарищ капитан, — пояснил Подсосенко. — А потом по половине вытаскивать. Давайте лучше кончать мост.

Вскоре колея для МГУ была настлана. Все спустились к речке, помыли руки. Капитан Марсин поблагодарил китайцев, но те не уходили, уселись у моста, намереваясь еще посмотреть.

— Ненадежное сооружение, — с сомнением сказал капитан. — Как бы мы не угробили машину. Вы ее командир, вам и решать, — обратился он к Морозову, снимая ответственность с себя.

— Как, Федотович, проедешь? Не загремишь? — спросил Морозов.

Подсосенко еще раз оценивающе посмотрел на мост и неторопливо ответил:

— Вполне можно. Головой ручаюсь. Мне за мою жизнь и не такое случилось.

— Ну, тогда, как раньше говорили, с богом!

С напряженным вниманием смотрели они, как Подсосенко спокойно сел в кабину, завел мотор, минуту-другую прислушивался к его работе, потом включил передачу и тихо повел машину на мост. Медленно, буквально по сантиметрам МГУ надвигалась на мост, который скрипел, покряхтывал, казалось, готовый в любое мгновение рухнуть. Впереди МГУ, пятась, шел Морозов, наблюдая за передними колесами, чтобы они точно шли по колее. При общем молчании «громкоговорящая» коснулась берега колесами, потом второй парой, третьей и выкатилась на дорогу.

Раздался общий радостный крик, все бросились обнимать Подсосенко, он был взволнован меньше всех.

— Ну, Федотович, — жал руку водителю Морозов, — геройский ты мужик. С тобой хоть куда.

— Об этом я доложу майору Марштейну, — авторитетно произнес капитан Марсин.

— Да ладно вам, — засмутился вдруг Подсосенко. Ему действительно стало немного не по себе. Ну, что особенного он сделал. В дальних рейсах по тайге ему действительно приходилось и похуже. Одному надо было выпутываться, искать выход, можно сказать, спасать себя и машину. А тут и делов всего-то. Да еще такой артелью.

МГУ — покатила, набирая скорость. Дорога пересекала широкую долину, всю поделенную на квадратики полей, залитых водой, которая проблескивала из-под зеленого ковра.

— Рис! — пояснил Подсосенко. — Интересное, понимаешь, дело: сажают его и высаживают китайцы, а едят самураи. Да еще как сажают. По росточку — руками, по колено в воде. Каторжный труд, ежели подумать. Нам на лекции капитан Зотов рассказывал. Знающий человек.

— У нас все офицеры — хорошие специалисты.

— Может, и так. Только капитан Зотов человек душевный. С ним обо всем запросто можно поговорить. И присоветует дельно. Солдаты очень даже уважают его.

— Да откуда ты успел узнать? — уже заинтересовался Морозов. — Ты, как и мы, здесь недавно.

Подсосенко еле заметно усмехнулся.

— У нас, солдат, свои разговоры есть. А солдат, он все видит. Вот, скажу тебе, — кивнул головой назад Подсосенко, — тоже капитан. Дак он только приказывает. Осторожный...

— Капитан Марсин поступает строго по уставу. Он хороший специалист.

— Оно, может, и так...

Проехали через долину и вновь нырнули в устье, словно прорубленную между сопками неведомыми силами. Дорога начала описывать плавную кривую, и на ее окончании показался тягач с прицепом. Тягач стоял, загораживая дорогу.

— Что-то снова случилось у этого лихача? — недовольно проговорил Морозов.

К ним бежал, размахивая рукой, солдат.

— Стой! Стой!

— Что случилось? — открыл дверцу Морозов.

— Там стреляют. Микиту убили! — солдат показал рукой на тягач.

Морозов и Подсосенко вышли из кабины, из кузова выскочили остальные.

Тишину нарушало только урчание мотора тягача, казалось, здесь не могло быть никакой опасности.

— Давай рассказывай подробнее, как все случилось?

— Дак как, только тягач вышел из-за поворота — они и зачали в нас стрелять. Микиту сразу же. Как он остановил тягач, не знаю.

— А почему вы не вытащили его из кабины?

— Так стреляют же, товарищ старший лейтенант. Снайперы. Мы хотели, так они и близко к кабине не дают подойти.

Солдат был совсем юн и, по всему видно, это были первые вражеские пули, направленные в него. Он волновался, чувствовал себя виноватым и с надеждой смотрел на офицера.

— Положеньице, — протянул озадаченно Морозов. — Ни вперед объехать, ни назад повернуть. Что будем делать, капитан? — обратился он к Марсину.

— Я думаю...

— Разрешите, я вытащу водителя, — прервал капитана Королев. — Может, он жив.

— Возможно, — сжал губы Морозов. — Да только ты дорогу не освободишь. Управлять тягачом умеешь?

— Нет.

— А я, наверное, смогу. Автомашину вожу, и с тягачом как-нибудь справлюсь, — сказал Морозов.

— Ну нет, — вмешался Подсосенко. — Я не как-нибудь. И на тягачах и на всех тракторах приходилось. Ежели што, сам пове-зешь этот граммофон, — хлопнул он рукой по кабине МГУ, достал каску, надел ее на потные с проседью волосы, потом, пригнувшись, пошел к прицепу.

Морозов не стал задерживать его — солдат решил правильно.

— Будь осторожнее! — только и успел сказать он.

Затаив дыхание, они следили за тем, как Подсосенко подошел к прицепу с невидимой для диверсантов стороны и присел за передним колесом. Вот он, рывком, очутился уже за кабиной тягача, немного обождал и, быстро открыв дверцу, одним прыжком оказался в кабине.

Откуда-то сбоку раздался выстрел, второй, но мотор тягача продолжал работать на холостых оборотах. Вдруг мотор буквально взревел и прицеп попятился назад. Морозов сел за руль и сдал МГУ, но тягач с прицепом уже остановился. Открылась дверца, и Подсосенко начал вытаскивать из кабины водителя.

Гаврилович бросился помогать ему. Они положили водителя в тень. Лицо его было бледным, на гимнастерке, уже запекаясь, расплылось кровавое пятно.

Морозов нагнулся над ним и стал ножом вспарывать гимнастерку.

— Якуб, быстро пакет, он еще жив!

С помощью Гавриловича Морозов туго забинтовал грудь водителя и влил ему в рот несколько глотков воды.

— Ничего, должен жить. В плечо они его. Жаль, крови много потерял. Его бы в медсанбат сейчас, да ведь задом не доберешься, — кивнул он на МГУ. — Ладно, чуть обождем, может, кто еще покажется.

Потом он протянул руку Подсосенко.

— Молодец, ну, молодец! Воин! Да смотрите, — показал он на каску Подсосенко, — они, оказывается, по голове ему врезали.

— О вашем подвиге я доложу командованию! — внушительно произнес капитан Марсин.

— Да чево там, — отмахнулся Подсосенко. — Простое дело. Ехать-то надо, и человека завсегда выручать положено.

Николай Королев в этот момент остро завидовал Подсосенко. Пусть не подвиг, но поступок геройский совершил самый пожилой из них. Ну пусть не геройский, а мужественный. А он оказался в стороне. Еще в разведчики хотел вернуться.

Капитан Марсин к поступку Подсосенко отнесся спокойно. На то и есть солдат. Не ему же, капитану, самому старшему по званию, надо было лезть под пули диверсантов. Неразумно и нецелесообразно. Да и тягачом управлять он не умеет. Так что все было правильно.

Он со странным чувством смотрел на раненого водителя, на бинты, сквозь которые все еще проступала кровь, на его обнаженную грудь с выпирающими от худобы костями. Он вспомнил, как дома малейший порез или царапина были настоящим событием, поводом обратиться к врачу. Ведь даже при порезе никто не гарантирован от столбняка. Осторожность никогда никому не вредила.

И вдруг он представил себе, что это не водитель, а он, капитан Марсин, лежит вот так, простреленный на этой земле. И, может быть, без надежды остаться живым. И не станет молодого еще, подающего надежды, научного работника. Им Марсин был до армии и станет после демобилизации. Пропадет почти готовая диссертация, которую, вполне возможно, используют другие.

Конечно, капитан Марсин не трус. И если надо, он тоже готов на подвиг. Но и цель подвига должна быть соответственной — не случайная пуля диверсанта. Это было бы действительно не по-государственному.

— Откуда стреляли, заметил? — прервал мысли капитана голос Морозова.

— Так точно! Там, за поворотом падь небольшая, метров сто двадцать, сто пятьдесят. А на той стороне, на взгорбке кумирня старая, как будка. Оттуда. Двое или трое там.

— Когда ты успел заметить? — удивился Морозов таким подробностям.

— Так охотник же я. Когда на зверя идешь, все враз надо замечать. Как же иначе. Только прямо к ним нельзя. Место открытое и вроде топкое.

— Понятно, — обвел всех взглядом Морозов. — Дольше ждать нельзя — человек может умереть. На машине вперед тоже нельзя — насквозь прошьют. Будем выбивать самураев — другого выхода я не вижу.

— Товарищ старший лейтенант, — обратился к нему официально Королев. — Давайте так: вы отсюда огнем их отвлекать будете, а я с тыла им зайду. Вернее и быстрее.

В его глазах была такая решимость и отчаянная просьба, что Морозов не мог не согласиться. «Парень сильный, ловкий, разведчиком был. Да и дельно решил», — подумал он.

— Согласен! Гаврилович, дай ему автомат и пару гранат. Только смотри, Николай, не торопись. Без лишней лихости. Самураи тоже не дураки, может, кто-то из них и за тылом посматривает. Подсосенко, отдай карабин Гавриловичу. Я приказываю! — повысил он голос. — Вы тоже с нами, — приказал он солдатам с прищипа. Только зря не высовывайтесь и в белый свет не пуляйте.

Морозов вопросительно посмотрел на капитана.

— Согласен, — ответил тот. — Действуйте. Я останусь и пройду назад, чтобы предупредить, если кто появится. И раненого попробую отправить.

— Пошли! — скомандовал Морозов, и они скрылись в зарослях.

Капитан Марсин остался, не зная, что же теперь делать. Идти

назад до поворота не имело смысла — любая машина могла остановиться и здесь. Кроме того, неизвестно, что там сейчас на повороте. Ведь диверсанты могли сменить позицию, и он окажется совершенно беззащитным со своим пистолетом. Мишень № 1, как в тире. Может, лучше было бы пойти со всеми? Но ведь винтовок на всех не хватало, а от пистолета толку мало. Отобрать винтовку у солдата — глупо. Ведь солдат определенно лучше стреляет, чем он. Его этому специально обучали.

И где-то в душе капитан Марсин завидовал Морозову. Его спокойствию, решимости, тому, как тот просто, с автоматом в руке, пошел выбивать диверсантов.

«Но я решил правильно, правильно! — убеждал он сам себя. — Морозов фронтовик, он знает, как в таких случаях надо действовать».

Внезапно раздалась автоматная очередь, заставившая капитана вздрогнуть. Потом начали стрелять винтовки. Даже слышно было, как откуда-то спереди и сбоку доносились ответные выстрелы «арисак». Капитан с неприязнью посмотрел на Подсосенко. Как тот мог спокойно сидеть около раненого, посасывая козью ножку. Ведь рядом идет бой. Он нервно расхаживал вдоль МГУ и тягача, с нетерпением ожидая, когда все кончится и они смогут отправиться дальше. Он даже прозевал, как сзади подкатил, заскрипев тормозами, «виллис». В машине сидели полковник и два автоматчика, они держали оружие наготове, оглядываясь по сторонам. В полковнике капитан узнал заместителя начальника политотдела. Тот, задержавшись, в политуправлении фронта, догонял войска армии.

— Что случилось, капитан? — спросил он.

— Дальше ехать нельзя, товарищ полковник, — вытянулся перед машиной Марсин. — Диверсанты ранили водителя тягача.

— А кто с ними ведет бой?

— Командир МГУ, старший лейтенант Морозов с экипажем и два солдата с тягача.

— А ты руководишь? — В голосе полковника послышалась ирония.

— Я, товарищ полковник, — густо покраснел капитан, — жду кого-нибудь, чтобы эвакуировать раненого. Иначе он может...

— Понятно. Как старший по званию взял самое трудное на себя. Где раненый?

— Там, за тягачом, — упавшим голосом ответил капитан.

Полковник вышел из машины и подошел к вытянувшемуся у раненого Подсосенко.

— Как он?

— Пока жив, — тревожно ответил Подсосенко. — Без сознания. Его бы быстрее в медсанбат, а наша МГУ здесь не развернется.

— Понятно. Ну-ка давай его в мою машину, — нагнулся он к ногам водителя тягача.

Вдвоем они перенесли его в «виллис», уложили на заднее сиденье.

— Капитан, отправляйся с раненым, раз ты для этого оставался. Отвезешь в медсанбат хозяйства Попова. Тут недалеко — шофер знает. Дождись операции и результаты потом доложишь мне. Нас догонишь на попутных. Все!

— Слушаюсь!

«Виллис» круто развернулся и скрылся за поворотом.

— Специалист! — процедил сквозь зубы полковник. — Да что они там возятся, на одном месте топчутся? — недовольно спросил он у Подсосенко. — Так до вечера могут пулять.

— Так что они, товарищ полковник, — степенно ответил Подсосенко, — самураев на себя притягивают, а в обход им младший лейтенант Королев пошел. Скоро прикончат.

— Ты так уверен?

— Ну! Што старший лейтенант, што младший, што сержант Гаврилович — боевые мужики. Солдатики, те, конечно, еще зеленые.

— Значит, боевые мужики? — улыбнулся полковник.

— Так точно!

— А сам чего не пошел?

— Так старший лейтенант карабин отобрал, — пожаловался Подсосенко, — а так бы я завсегда.

— Отобрал?

— Ей-богу, отобрал.

— Вот я ему задам, как у солдата карабин отбирать.

— Так, ежели рассудить, товарищ полковник, он по справедливости.

Полковник не выдержал и рассмеялся.

— Защищаешь своего командира? Так и поступай всегда.

Раздался взрыв гранаты, за ним тотчас же другой.

— Ну вот их младший лейтенант и прикончил, — удовлетворенно сказал Подсосенко. — Значит, скоро и тронемся.

Через минут пять к МГУ вышли Морозов и два солдата. Увидев полковника, Морозов быстро подошел к нему и доложил:

— Товарищ полковник, командир МГУ старший лейтенант Морозов...

— Сражаешься? — прервал его полковник.

— Иначе нельзя было, — слегка пожал плечами Морозов. — Нашу машину любая пуля из строя может вывести. Нельзя было рисковать.

— А людьми рисковать можно?

— Война, товарищ полковник.

— Ладно, шучу. Молодец, старший лейтенант. Правильно решил. А где остальные?

— Сержант Гаврилович пошел навстречу младшему лейтенанту Королеву. Ловко тот их. Они засели в какой-то развалине, только осколки в стороны полетели. Он нам просигналил — все в порядке.

Минут через десять на дорогу вышли Королев и Гаврилович. Они несли две японские винтовки, подсумки, свертки. Заметив полковника, остановились.

— Давайте без доклада. Ну-ка рассказывай, младший лейтенант.

Королев смутился:

— Так, ничего особенного, товарищ полковник. Они отвлекали, а я зашел с тыла и гранатами их.

— Значит, ничего особенного, — чуть улыбнулся полковник. — А не боялся, если откровенно?

— Если честно, боялся, — поднял глаза Королев. — Их боялся, — показал он на остальных. — Метко били. Я от их пуль почище самурайских хоронился. Да и самураи там оказались плюгавые, — он протянул японские солдатские книжки, — юнцы и в армию полгода как призваны. А в смертники подались...

— Черт их знает, может, и не по своей воле подались, сейчас уже их не спросишь. Старший лейтенант, построь всех!

И после команды «смирно» полковник торжественно произнес:

— От имени командования выражаю всем благодарность!

— Служим Советскому Союзу! — дружно гаркнули все в ответ.

Когда «официальная» часть закончилась, Подсосенко, кашлянув, вытянулся по стойке смирно:

— Разрешите обратиться, товарищ полковник!

— Слушаю.

— Как там наши наступают? Очень интересуемся.

Полковник улыбнулся:

— Побыстрее, чем вы здесь двигаетесь. Наша 39-я за сорок два часа на сорок семь километров продвинулась. А ведь вы сами видели, каким путем шли. Вам-то дорогу уже приготовили. Да ведь не просто прошли, доты штурмовали, японцев гнали... В общем, хорошо наступаем. Даже здорово. Забайкальский фронт прорвал Халун-Аршанский укрепрайон, перевалил через Большой Хинган и овладел городами Салунь и Ванэмю. Наш фронт занял города Хулин, Дуин, Линькоу. Вот так! — закончил полковник, обведя всех повеселевшими глазами.

— Понятно! — Подсосенко, конечно, не представлял, где находятся эти маньчжурские города, но главное уяснил: наступление всех трех наших фронтов идет хорошо.

— Товарищ полковник! Вы с нами или как прикажете? — спросил Морозов.

— Я обожду свою машину, да и им надо помочь, — показал полковник на солдат с тягача. — Скоро здесь пройдет одно хозяйство, вот я у них и заберу водителя.

— Извините еще раз. А капитана Марсина прикажете подождать?

— Сам доберется, — жестко ответил полковник. — Вы намного отстали от второго эшелона?

— Часа на три, — посмотрел Морозов на часы.

— Да... Может, подождете попутчиков?

— Если разрешите — мы поедем.

— Добро. Только сражений лишних не затевайте. Я бы, например, младшего лейтенанта одного в обход не послал.

— Виноват, товарищ полковник. Но он же разведчиком был. И мы знали — там только двое самураев было.

— Ну-ну, в добрый путь.

Экипаж МГУ занял свои места, и она, набирая ход, снова покатилась по узкой дороге, навстречу новым перевалам, падам, лощинам, зарослям гаоляна и всего того, что тут росло, возделанное руками трудолюбивых китайцев. На полях мелькали согбенные спины крестьян. Видно, жизнь уже вошла здесь в нормальную колею, да и поля ждали, пропадал результат тяжких трудов. Разве может допустить это труженик земли?

— Эй, — постучал в стенку Морозов, — дверцу открытой оставил?

— Так точно! — отозвался Королев.

— Ты тоже, Федотович, — посоветовал Морозов, — будь всегда готов из кабины на дорогу скатиться. На одних напоролись, могут и другие встретиться.

— Оно, конечно, — согласился тот, — так с какой стороны они стрельнут? А то прямо под пули и попадешь.

— Сориентируемся.

Подсосенко по примеру командира положил карабин на колени.

В это время Гаврилович дотошно расспрашивал Королева, как ему удалось зайти в тыл к самураям и бросить гранаты.

Тот посмеивался и отделялся шутками.

Но сам вспоминал и удивлялся, что некоторые подробности не запомнил, они как бы прошли мимо его сознания, и если бы он должен был проделать вновь тот же путь, то, возможно, шел бы не по своим следам. Тогда им владела одна мысль: поскорее пробраться в тыл диверсантам, пока они не сменили позицию. Могло получиться и так, что он нарвался бы на них. Но японцы оказались вояками неопытными, увлеклись перестрелкой.

Зато, когда он подбирался на бросок гранаты, этот момент он запомнил хорошо. Он заранее наметил, где ляжет, делая перебежки, когда японцы открывали огонь. И только уверившись, что не промахнется, бросил одну за другой гранаты и ворвался в развалины, когда еще не осела пыль от взрывов. Думал застать врасплох тех, кому удалось остаться в живых. Чуда не было, оба японца были убиты на месте. После этого Королев помахал автоматом, и из леса появился Гаврилович.

Впервые он воевал по-настоящему, сразив тех, кто хотел убить его друзей. И пусть в дальнейшем ему, находясь с МГУ, не придется больше сделать ни одного выстрела, он был доволен и благодарен командиру МГУ за то, что тот разрешил ему пойти в обход. Понятно, что Морозов рисковал и брал на себя большую ответственность. Королев еще больше стал уважать Морозова, так спокойно и решительно он приказал уничтожить диверсантов. А ведь мог дожидаться подхода какой-либо части с оружием. Но раненый водитель тягача тем временем мог умереть. Командир МГУ правильно решил, вряд ли японцы стали бы ожидать, пока против них выставят пушку или миномет. Они могли покинуть эти развалины и на каком-нибудь повороте дороги исподтишка убить еще кого-либо.

Все было сделано правильно.

Об этом бое он когда-нибудь расскажет Лене и о том, с какими славными парнями свела его воинская судьба. И непременно расскажет о Подсосенко.

— Переживаешь? — догадался Гаврилович. — Так со всеми бывает. Первый бой — он на всю жизнь запомнича. О, погляди, полковник нас догоняет. А капитана с ним нет. Подзадержался, видать.

Мимо них промчался «виллис». Оба солдата держали автоматы наготове, вглядываясь в мелькавшие заросли.

— Правильный полковник, — снова заметил Гаврилович. — Вон как жмут, не бойца. Рисковый. А вдруг опереди ишо какая сволочь засела.

— Значит, надо ему торопиться.

— Не дело это, — не согласился Гаврилович. — Конечно, на-

чальники — тоже люди. Только, думаю, их дело командовать, а напередки солдата не лезть.

— Вот и сказал бы об этом полковнику. Мол, я, сержант Гаврилович, считаю, что вы неправильно делаете, когда вот так ка машине наяриваете по дороге. Тут и диверсанты могут быть. А он бы тебе еще одну благодарность.

— Да... Он бы объявил... — рассмеялся Якуб.

3

Нечто подобное подумал о полковнике и Морозов.

— Постарайся не очень от них отстать, — сказал он Подсосенко.

— От «виллиса», — удивился тот, но прибавил ходу.

Однако пыль, поднятая машиной полковника, все удалялась, удалялась, и Морозов убедился в безнадежности своей попытки следовать за машиной полковника. Через час гонки у перекрестка дорог, рядом с железобетонным мостом, они увидели регулировщиков:

— Кажись, к жилому месту скоро попадем. Значит, полковник проскочил в безопасности, — удовлетворенно заметил Подсосенко и убрал карабин с колен.

Они проехали по мосту, под которым бурлила быстрая горная речка, усеянная каменными глыбами. Вокруг камней пенилась, завихрилась вода. Речка была неглубокой, неподалеку от моста в ней с гогогом обливали себя водой голые солдаты. Судя по всему, вода была холодная, и купающиеся быстро выскакивали из реки, отогревшись, снова лезли в воду.

— Ишь, жеребцы, — завистливо произнес Подсосенко. — Было бы время машину помыть, — закончил он с надеждой.

— Сам знаешь — нет времени, — недовольно ответил Морозов. Ему самому захотелось побарахтаться в холодной воде вместе с солдатами. — Что ты все про машину, о себе подумал бы. Не водитель, а кавалерист какой-то. Те прежде чем самим умыться, поесть, сначала коней чистят, поят, кормят.

— Правильно делают.

— Так у них лошади, живые существа. А то машина. Сравнил.

— Не скажи, старшой, — возразил Подсосенко. — Машина, она тоже понимает. Как ты к ней, так и она к тебе. Очень даже понимает, — убежденно закончил он.

— Да ну тебя, Федотович, — рассмеялся Морозов. — Прямо метафизика какая-то.

— Насчет физики не знаю, а про машину точно, — не сдавался Подсосенко.

— Ладно тебе. Вон и Мулин показался. Наконец-то добрались. Отдохнет твой конь.

Скоро они въехали в город, одноэтажные строения которого на окраинах составляли те же фанзы, только в центре дома вырастали на два, редко на три этажа. Всюду множество красных флагов. Улицы заполнены людьми, жители спокойно отнеслись к появлению МГУ, не проявляя к ней особого любопытства.

На перекрестке притормозили у регулировщицы, плотной, загорелой девушки, строгой и деловой. Ей, видно, надоели шутки и заигрывания тех, кто проезжал мимо в автомашинах. Она довольно сухо объяснила, что политотдел на противоположной окраине города, где находился японский военный городок, и махнула повелительно флажком: «Проезжайте, не задерживайтесь!»

— Серьезный товарищ, — заметил Морозов.

— При деле стоит. Я так думаю, не место бабам на войне. Баба, она — женщина, ее оберегать надо.

— Ты прав, старина. Но такая война была с фашистами: все воевали.

— А я што, без понятия? А на эту войну вряд ли брать надо было. Обошлись бы.

— Может, ты и прав. Обошлись бы, — согласился Морозов.

— Погляди-ка, ну дают славяне! — покрутил головой Подсосенко.

По улице бегом тащил коляску рикши солдат, а в коляске уселся его товарищ и брэнчал на гитаре: на лице сплошное блаженство. Докатив до перекрестка, солдат с гитарой встал, отдал ее товарищу и занял его место в оглоблях.

Навстречу им катил настоящий рикша. Высокий худой китаец, запрягшись в оглобли ярко окрашенной коляски с высокими колесами, размеренно бежал, шлепая по земле босыми ногами. В коляске спокойно развальясь, сидела полная китаянка. Даже по одежде было видно: у одного удел лошади, а у другой роль седока.

За рикшей медленно проехали нагруженные мешками повозки, в которые впряглось по несколько китайцев.

— М-да, — произнес Морозов. — Эти «коки» сами должны себя прокормить.

— Голодный здесь народ, — подтвердил Подсосенко.

Регулировщица оказалась точна: вскоре они въехали в покинутый японцами военный городок. Развалины на месте двух казарм свидетельствовали, что японцы не отдали городок без боя.

— А вон и наши! — показал Подсосенко на машины походной типографии, стоявшие около одного из одноэтажных каменных зданий.

— Давай к ним!

Походная типография работала на полный ход, и у машины печатного цеха на ящике громоздилась изрядная кipa готовых листовок.

— А, приехали, герои! — приветствовал их начальник типографии лейтенант Коль. Он был в майке, мокрой от пота, капельки пота сверкали и на его крупном горбатом носу. — Говорят, кучу смертников набили?

— Откуда такие слухи? — спросил, здороваясь с ним, Морозов. — По радио, в сводке командования передали?

— В сводке потом будет, сами слушайте. А пока об этом шофер полковника рассказал. Чуть не до рукопашной, говорит, дошло.

Морозов улыбнулся.

— Вот же звонарь. Постреляли немного, и все.

— Немного? Ну-ну. То-то полковник майора Марштейна вызывал. Иди, он там, — лейтенант кивнул на дом, — с капитана Зотова стружку снимает. Тот под Муданьцзяном в бой ввязался, чем-то там командовал. Явился с перевязанной рукой.

— На то и начальство, чтобы на подчиненных гневаться, — спокойно ответил Морозов и зашагал к дому.

Посреди просторной комнаты стоял капитан Зотов, а мимо него прохаживался майор, словно рассматривал подчиненного с разных сторон. Увидев Морозова, он, не давая ему слова сказать, со злобством в голосе произнес:

— А-а... Еще один вояка явился. Тоже охотник в атаки ходить. Да садитесь вы, — недовольно бросил он капитану и снова повер-

нулся к Морозову. — Может, вы на МГУ и на таран пойдете, амбразуры закрывать будете? Или больше в нашей армии некому дороги от диверсантов очищать? Мы ждем вас, каждую минуту считаем, а вы.... Как вы оба не поймете, вот расколошматим японцев, все: танкисты, артиллеристы, летчики отдыхать будут, заслуженно отдыхать, а мы станем захлебываться от работы. Так с кем же я буду работать? Кто мне даст другую МГУ?

Майор прошел за стол, сел и уже совершенно спокойно произнес:

— Садитесь и рассказывайте.

Вопросами он уточнил скупой доклад командира МГУ, улыбнулся и покрутил головой:

— Прошу вас в другой раз не ввязываться. Да... В общем, полковник приказал мне представить ваш экипаж для награждения. Поздравляю. Только почему-то не упомянул капитана Марсина. Ведь он был с вами.

— Не могу знать, товарищ майор.

— Как у вас с рукой? Может, в медсанбат отправитесь? — снова обратился майор к капитану Зотову.

— Ну, что вы! Пуля чуть задела. Сделаю одну-две перевязки — и все. Слово даю, — закончил капитан, заметив сомнение на лице начальника.

— Ну ладно, орлы. На сегодня все. Завтра, капитан, съездите с младшим лейтенантом Королевым к разведчикам, там есть пленные. Опросите и, может быть, найдется кто подходящий для МГУ. Нашелся бы такой, кто собственное мнение о войне имеет. А вы, — приказал он Морозову, — напишите рапорт о бое с диверсантами. Все! Можете идти. Да, тут вам, старший лейтенант, письмо передала. Подкатывает санитарная машина, я подумал, не случилось ли чего, но, оказывается, шофер завез вам письмо.

Морозов густо покраснел. Шоферская фельдсвязь явно перестаралась.

— Спасибо, товарищ майор! — пробормотал он.

— Какой там бой у вас случился? — спросил капитан, когда они вышли из кабинета.

— Больше разговоров, чем дела. Мы немного популяли, а вот младший лейтенант Королев, тот в тыл к диверсантам забрался и гранатами. Мы действительно не могли ждать, у нас ранен был водитель тягача. А у вас что? — показал Морозов на перебинтованную руку капитана.

— Это под Муданьцзяном. Тяжело пришлось там, до рукопашной доходило. Самураи лезут, невзирая ни на какие потери. И смертников до черта. Извини, схожу перевязку сделаю.

Глава шестая

1

С утра МГУ, прихватив в качестве диктора старшего лейтенанта Анисимова, колесила по окрестным селам. Митинги проводились по одной и той же программе. И везде однотипная бедность. Стандарт, которому безжалостно следовали оккупанты на маньчжурской земле. На первых митингах было интересно всем: восторженные толпы жителей, их открытое ликование, раскованность, гул одобрений на слова, которые произносил диктор. Все, кто слушал МГУ, уже

разобрались, что к ним пришли настоящие друзья, освободители, это русские избавили их от гнета японцев. Крестьяне еще не знали, как будет складываться жизнь дальше, но главное поняли хорошо — с господством самураев покончено. Естественно, радовало их и то, что впервые за много лет они соберут урожай для себя. До зернышка. Даже рис, который их обязывали выращивать и запрещали есть. В их фанзы не будут врываться в любой час люди в ненавистной форме с винтовками, на которых примкнуты плоские штыки. Как же им не ликовать, не прерывать слова советского офицера восторженным: «Ваньсуй!»

После митинга в третьей по счету деревне сквозь толпу, окружавшую МГУ, протискался старик. Годы согнули его, выбелили голову. Старика под локоть осторожно вела отчаянно смущавшаяся девушка. Старик, кланяясь, что-то проговорил, достал маленький узелок из тряпицы, осторожно развернул его и протянул Морозову.

Морозов растерялся. На тряпочке лежала горстка каких-то серомутных кристаллов.

— Анисимов, — позвал он. — Объясни, что собирается подарить нам этот дед.

Старший лейтенант подошел, взглянул на ладони старика и посерьезнел.

— Он тебе, командир, дарит самое дорогое, что у него есть — соль!

— Соль? Нашел чего, — удивился Подсосенко.

— Понимать надо, — упрекнул Гаврилович. — Когда наши под немцем были, дак соль дороже всего была. А у партизан — золу за место соли в еду подмешивали.

— Скажи ему, Анисимов: я от души благодарю за подарок, — Морозов осторожно взял тряпочку с солью из рук старика. — Якуб, у нас соли не найдется?

— Есть.

— Тащи сюда. И сахара, пачку чая.

Якуб быстро метнулся в машину.

— Скажи этому деду, Анисимов, что мы тоже дарим ему свою пищу от души!

Морозов протянул старику продукты. Тот не брал их, вежливо кланяясь. Тогда Морозов вложил пакеты в руки девушки, она тоже начала отвешивать поклоны.

Старик выпрямился.

— Наши предки, наши отцы и мы всегда жили с русскими, как добрые соседи, — сказал он окрепшим голосом. — У нас издревле говорят: «Чтобы убить тигра, непременно нужны родные братья». Сейчас русские, как братья, уничтожают японского тигра. Мы не забудем этого. Очень плохо будет, если забудем.

Анисимов перевел речь старика, поблагодарил его за теплые слова.

— Да, — сказал Подсосенко, когда они тронулись дальше из деревни. — Ну до чего же японцы народ довели.

Они не проронили больше ни слова, каждый занятый своими мыслями. Морозов перечитал письмо Вероники. Та писала, что с тревогой встречает каждую партию раненых. «Очень прошу — береги себя». И он почувствовал, как это приятно, когда кто-то волнуется за тебя. Он теперь уже не мог не думать о Веронике.

МГУ поравнялась со стоящей автоколонной.

— Должно, автобат какой-то, — нарушил молчание Подсосенко, сбавляя ход.

Вдруг от машины, мимо которой проезжала МГУ, к ним бросился солдат: «Батя! Батя!»

Подсосенко резко затормозил:

— Парень мой, меньшей, — растерянно проговорил он.

— Вот славно как, — обрадовался Морозов за него. — Сдавай на обочину, Федотович, постоим. Эй, мужики! — стукнул он в сторону кузова. — Федотович сына встретил.

Они деликатно постояли в стороне, наблюдая, как Подсосенко торопливо перебрасывался словами с сыном. Что это его сын — сомнения не было. Солдат был удивительно похож на отца, только ростом повыше да уже в плечах. И без отцовской сдержанности в движениях, речи.

— Пошли знакомиться, — предложил Морозов.

Подсосенко, немного гордясь, представил сына:

— Мой младший. Андреем зовут.

Парень застеснялся, сильно пожимая протянутые руки.

Отец спросил, кивнув на ЗИЛ за спиной сына:

— Твоя?

— Моя.

— Ну-ну, — протянул Подсосенко, пошел к машине и начал осматривать ее, не обращая внимания на подходивших к ним сослуживцев сына, между которых быстро распространилась весть, что их товарищ — Андрей Подсосенко — неожиданно встретил отца.

Отец возвратился от машины, и легкая тень легла на его лицо.

— Заводи! — приказал он сыну.

— Батя, неудобно! — взмолился тот.

— Заводи, говорю!

Отец стоял и внимательно слушал мотор.

— Прибавь газу! — подал он голос, потом махнул рукой. — Глуши!

Все с любопытством ожидали, что произойдет дальше. На лице сына, который медленно вылез из кабины, было явно виноватое выражение.

— Та-ак, — медленно протянул отец, — значит, такому я тебя учил?

— На войне же, батя. Машина эта, знаешь, уже сколько намотала, — начал оправдываться сын.

— А до армии у тебя новая была, прямо с завода?..

— Мы, батя, скоро получим «студебеккеры». Нам уже сказали, — еще более заволновался сын.

— Та-ак! — снова протянул отец. — А эту куда? На слом, што ли?

— Не знаю. В «гражданку», наверно, передадут. Начальство решит. Наше дело солдатское.

— Солдатское, говоришь, — голос отца посуровел. — А кто ж тебя, солдата, кормит? А знать ли тебе, как твой хлеб на «гражданке» достается? Вон у них, в Белоруссии, — показал он на Гавриловича, — фашист все огнем спалил, голым-голо оставил. Бабы на коровах пашут, у кого они сбереглись, а то землю лопатят. На поле, с поля все на плечах. В телеги сами впрягаются вместо коней. Так вот, может, им в «гражданку» твоя машина достанется — обрадуются бабы до плачу. А потом на ходу ее попробуют и головами закачают: «Да какой же это обалдуй до видимости такой ее довел?» А это мой сынок Андрей такую ее в «гражданку» послал. На тебе, боже, что нам негоже!

Сын стоял и даже сквозь пыль и загар было видно, как он побледнел, как задрожали его стиснутые губы. Морозову даже жаль стало парня.

— Правильно говорите, отец!

Сзади них стоял высокий капитан.

— Наш замполит! — пояснил сын отцу.

— Только вы на сына не очень нажимайте, — продолжал капитан. — Он хороший солдат. Без награды не останется. У нас действительно запарка была, поесть времени не хватало, про сон забыли.

— Все одно, — голос Подсосенко смягчился. — Вы поостроже с ними, товарищ капитан. Кавалеристы те сами не попьют, не поедят, а коня в исправность приведут. Пусть и они так. Хочешь, — обернулся он к сыну, — мою послушаешь.

— Не, — отказался тот. — Разве у тебя что заметишь.

— То-то, — гнев отца прошел, и голос его стал мягче. — Пиши матери почаще. А вам, — повернулся он к капитану, — за доброе слово про сына, спасибо. Такое отцу всегда приятно.

— Ну дает, отец, — не выдержал кто-то из шоферов.

— Тебе, видать, мало давали, — спокойно отпаривовал Подсосенко. — А в пользу бы пошло. Хочешь, твою послушаю. Всю правду тебе выложу. Настоящий ты шофер или только за баранку держишься.

— Нет уж, хватит тебе Андрея! — под общий смех отказался тот.

— Ну, бывай, сын! — по-мужски протянул сыну руку Подсосенко. — Некогда разговоры разговаривать. Прощайте все!

И он первым двинулся к МГУ.

Автобат уже скрылся, оставшись позади. Морозов сказал:

— Напрасно ты, Федотович, напустился на сына. Такая редкая встреча.

Подсосенко помолчал, ответил:

— Я Андрюху очень даже люблю. Меньшой он. Только баловать их негоже. Он при деле, службе солдатской, так должен исправно ее делать. — Хлопнул рукой по баранке: ну не могу стерпеть, когда машину мучают. Хоть кому в глаза скажу. Характер у меня. Даже баба моя и та попрекает: промолчал бы ты в каком случае.

В характере водителя МГУ Морозов подмечал много такого, что есть и у его отца. Основательность, преданность делу, привычку оценивать человека по его отношению к работе, прямота и шепетильная честность. А мог ли он сам «хоть кому в глаза»? Конечно, армия не завод или колхоз, профсоюзная дискуссия здесь не возможна. Особенно в дни войны. Беспрекословное подчинение, выполнение приказа — святая святых армейской дисциплины, и нарушать их не позволено никому. Но все же... — Он припоминал случаи, когда вроде бы покривил душой, поделикатничал вместо того, чтобы сказать «в глаза». Почему?.. Приходилось же встречаться с нахальством, лицемерием и с подлостью, но всегда ли давал он им отпор? Подлости — да. А вот сталкиваясь с лицемерием, нахальством, когда порою стыдно становилось за человека? Иногда просто отходил в сторону. Да, он хорошо понял Подсосенко. Это действительно по-настоящему, по-мужски, надо любить сына, чтобы вот так при всех... Отец боролся за лучшее в сыне — сейчас Морозов понял это.

— Знаешь, старшой, — нарушил его молчание Подсосенко, — раз сегодня такой разговор пошел, я тебе тоже, как сыну, совет дам.

— В глаза?

— Ага.

— Давай.

— Совет простой да верный — держись за Веронику.

Морозов даже закашлялся. Чего-чего, а этого он не ожидал.

— Федотович, — не скрыл он удивления, — да ты ее всего два раза видел.

Подсосенко серьезно посмотрел на него и снова перевел взгляд на дорогу.

— То правда — видеть два раза видал. Только вот послушай. Встречал я начальников, которых на легковушках возят. Только они тоже разные. Попадались такие: речугу развернет, аж в теле у тебя размягчение... И баба его им не нахвалица: и хозяин, и мужик верный. А какой он на самом деле есть — только шофер знает, который возит его.

— Но Вероника-то на легковушке не раскатывает, шофера у нее персонального нет.

Подсосенко улыбнулся не разжимая губ.

— У ее нет, а в госпитале машин сколько. Есть там сурьезные мужики, говорили: блюдет себя она очень. А вокруг таких всегда любители крыльями хлопают. Потом человек она справедливый. Очень даже ее уважают.

— Спасибо, Федотович. Но ведь твой батька советовал: на красивой не женись.

— Так то, когда как, — невозмутимо ответил Подсосенко. — Ежели красивая баба на войне верной осталась, то в «гражданке» и подавно. Не прогадаешь, держись.

— Спасибо, — посерьезнел Морозов. — Приму твой совет. Только война еще не кончилась. После победы напомним.

— Хитришь, старшой, — крутанул головой Подсосенко. — Про такое не напоминают.

— Хитрю, — признался Морозов. — Сам с собой хитрю.

— Так вот сам себя и не обхитри. Я как свою Дашку повстречал, так сразу ухватился обеими руками. Сколько за нее, по правде сказать, синяков получил, — хохотнул он. — С парнями до драки доходило. Знаешь, как раньше? К нашим девкам не ходи, на нашей улице шток духу твоего не было. Только я в драке лихой был. Бокса не знал, а одним ударом человека завалить свободно мог.

— Ну это дикость.

— Это, старшой, как посмотреть. Тут тоже свой резон есть. Ежели тебя один раз кулаками встретили и ты отступился, значаца, сурьезного у тебя ничего и не было. Так, баловство одно в голове. А ежели на своем стоишь, не сдрейфил, то думки у тебя сурьезные, без обмана. Я потом с теми хлопцами мир положил. И на свадьбу позвал. Друзьями стали. Да... Так, может, в госпиталь подвернем? Я разведал, тут неподалеку.

— Спасибо! — снова посерьезнел Морозов. — В другой раз как-нибудь. Сейчас в редакцию газеты надо заскочить. Газет свежих возьмем, и лейтенанта Доронина повидать надо. А в госпиталь всем экипажем ни к чему.

— И то правда.

2

Уже под вечер они, уставшие, разомлевшие от жары и духоты, подкатили к редакции армейской газеты, занявшей дом какой-то японской торговой компании. Рядом стояли машины походной ти-

пографии. Подсосенко сразу же отправился к водителям. Гаврилович пошел поискать свежей воды, и только старший лейтенант Анисимов выразил неудовольствие:

— Сюда-то зачем, ясно-море? Жрать хочется — сил нет.

— Да на пару минут. Лейтенанта Доронина надо повидать, — успокоил его Морозов.

Доронин уже спешил к МГУ. Морозов впервые видел его без неизменной, туго набитой сумки.

— Вот молодцы, что заехали, — сказал Доронин, пожимая руку Морозову. — Значит, все-таки передали?

— Что передали?

— Я вас разыскиваю. Полковник приказал сфотографировать экипаж и дать заметку. Известнейшие истребители диверсантов...

— Писать вам больше нечего?

— Есть. Но приказ начальника — закон для подчиненных. А вообще, я рад за вас, чертей. Сейчас вас сфотографируют и попрошу дать интервью.

— Не выйдет с интервью! — решительно отказался Морозов. — Рассказать расскажу, а пиши сам. Побольше о Подсосенко и Королеве. Мы с Якубом на подхвате были... Да там и было всего два самурая.

— Но-но, не ставь условия прессе. С нами даже крупные военачальники весьма деликатно обращаются.

— У меня человек с голоду умирает, — показал Морозов на Анисимова. — А между прочим, специалист по китайскому. Познакомься.

— С удовольствием. Вы как относитесь к колбасе? — делая озабоченное выражение лица, спросил Доронин.

— Очень положительно, — заверил его старший лейтенант. — Колбаса, ясно-море, моя мечта. От нее у меня дикция лучше становится.

— Вместо гоголя-моголя? Прелестно, сейчас проверим. Ой, братцы, — спохватился Доронин. — А где же Королев? Без ножа режете.

— Его куда-то к пленным послали с утра. Не выйдет с фото, — посочувствовал Морозов.

— Не выйдет? Такого не может быть в нашей редакции. Ты мне расскажешь, вы, старший лейтенант, пожуете колбасы, потом прихватите с собой фотографа. Быстро, пока свет еще! А вечером я к вам подверну, посвободнее будет...

Младшего лейтенанта Королева они увидели возле машины печатного цеха. Он начал торопливо надевать гимнастерку.

— Боролся с кем? С Колем? — участливо спросил его Морозов.

Тот, просовывая руки в рукава, пробурчал:

— Хуже. С Колем бы я быстро справился. С «американкой» часа два надрывался. У, эксплуататор! — погрозил он кулаком начальнику типографии.

Тот на полном серьезе обратился к Морозову:

— Я, товарищ старший лейтенант, буду просить майора о переводе младшего лейтенанта в типографию. Он прирожденный печатник.

— У, хунхуз, позвал честного человека помочь на пять минут. И воспользовался его беззащитностью, — сказал, уже причесываясь, Королев. — Чтобы я к нему еще хоть раз...

— Ай-ай, губите свой талант, дорогой товарищ, — продолжал начальник типографии. — С такими физическими данными... Только к нам.

— Ему нельзя, — продолжил шутку Морозов. — Артистам физический труд противопоказан, а он у нас солист. Без него мы ни одного концерта дать не сможем. Механизируйте производство. При способе какого-нибудь осла колесо вертеть.

— Да вот попался один случайно. И тот больше двух часов не выдержал, — расплылся в улыбке Коль.

— Так... Значит, я еще и осел, — начал подступать к нему Королев. — Я был ослом, когда среди пленных типографов выискивал.

— Беру слова обратно, — попятился Коль. — Ты же, святая душа, за идею страдал. Отец родной, если найдешь печатника, а еще лучше наборщика, на всех листовках твой портрет печатать будем. Спирта из НЗ не пожалею.

— Ты, ясно-море, аванс давай сейчас, — вмешался Анисимов. — Раз такое дело, я тоже кадры искать буду.

— Товарищ старший лейтенант, — взмолился старшина фотографа. — Свет скоро кончится. Давайте прямо здесь.

— Согласен. Ну-ка, становитесь у машины. Приказано сфотографировать экипаж. Быстро! Показывай, как нам стать.

— Так, чтобы типографию не было видно. Не хочу память иметь о самой мрачной странице моей биографии, — взмолился Королев.

— Эх, вот она благодарность, — Коль махнул рукой.

Королев порядком устал около «американки», но был доволен. Сам вызвался помочь и размялся по-настоящему. После стычки с диверсантами он чувствовал себя приподнято и испытывал желание сделать что-то, требующее максимального напряжения сил. Был он доволен и поездкой с Зотовым к пленным. Хотя их было немного, опрос он проводил самостоятельно и уверовал в свое знание японского языка. Это уже не то, что читать через микрофон заранее отрепетированный текст листовки или обращения.

— Ну, удалось какого-нибудь интересного самурая откопать? — спросил его Морозов, когда они остались вдвоем.

— Какие-то они запуганные. Все из разгромленных частей, от которых и названия теперь не осталось. На вопросы отвечают, только им мало что известно. Большая часть из резервистов, бывшие колонисты. Что у них в Японии происходит, они сами толком не знают. Но есть один любопытный тип. Ефрейтор, — он заглянул в записную книжку, — Сэнда Васиро. Токиец, с высшим образованием. Служил в большой фирме на солидном посту. Он заявил, что с самого начала был уверен, что Япония войну проиграет. Рано начали, говорит. Слишком велика разница в экономическом потенциале Японии и союзников. Понимаешь, он не против войны вообще, а только против преждевременного срока ее. Поторопились, мол.

— Сам в плен сдался?

— Трудно разобраться. По нашим данным — сам. Не поверишь, его военторг в плен взял. Одни женщины на машине да старшина. Японец был без оружия. Сам он говорит, что плохо помнит обстоятельства, при которых в плен попал, куда и зачем шел. Он один из всей роты жив остался.

— Такое может случиться, — подтвердил Морозов.

— Может быть, и так, — согласился Королев. — Но рассуждает здраво. Я попытался поговорить с ним, раз он, дескать, уже давно считал войну проигранной, то пусть поможет теперь быстрее ее закончить. Зачем лишние жертвы, раз война безнадежна для них. Да... Уперся: я верноподданный его величества, я совершил преступление,

оставшись живым, и прочую муру. Я, признаться, капитану Зотову его передал, тот поопытнее меня. Но все равно результат — нуль. Только, полагаю, на прицеле нам этого ефрейтора держать надо. Я так и майору доложил.

— Ничего. В первые месяцы фрицы тоже упирались. А когда мы их погнали, они сговорчивее стали. «Гитлер капут» быстро заучили. А здесь мы наступаем с самого начала. Уверен, найдутся среди них неглупые.

— Я думаю, этот Сэнда уже задумывается.

3

Младший лейтенант Королев не ошибся. Сэнда Васиро думал. Думал. Он действительно смутно помнил, как оказался в плену. Отдельными кадрами вспоминалось: он едет в машине с русскими женщинами. Те что-то говорят ему, дружно смеются. Смеются без насмешки. В их добродушных лицах нет ненависти к нему. Ему даже что-то предлагали. Но как он оказался в этой машине? Он помнил только то, как она заскрипела тормозами за его спиной.

Потом его передали другим русским военным. Те его о чем-то спрашивали на своем языке и на английском. И только позднее к нему обратился русский офицер, поручик, как он понял, на японском языке.

О чем его спрашивали, тоже вспоминается с трудом. Да и какую военную тайну он мог разгласить? Что рота капитана Сато уничтожена? Или в какой батальон, полк, дивизию она входила, какое оружие имела? Русские это знали сами. Ни роты, ни батальона, ни полка, ни дивизии уже не существовало. Разве это теперь тайна?

Он очнулся по-настоящему только в этом кирпичном доме, где раньше располагалась какая-то часть Квантунской армии. Пленных соотечественников здесь немного: рядовые, он — ефрейтор и еще один унтер-офицер. Незнакомые, из разных частей. Может, среди них были и солдаты его дивизии. Они об этом не разговаривали. Каждый стыдился, что оказался в плену. Ведь это величайший позор для воина императорской армии.

А может, кто-нибудь из них в душе был и рад, что оказался в плену. Остался жить в то время, когда другие, кого он знал, стали трупами. Но боится показать эту радость? Может быть, именно поэтому многие из них не поднимают глаз.

Их вызывали для допроса по одному, и никто не сказал другим ни слова, о чем его спрашивали и что он отвечал. Проклятые вопросы, которые невозможно задать другим и невозможно ответить самому себе.

Ну, а он, ефрейтор Сэнда Васиро? Разве он думал сдаваться в плен? Даже после разговора с поручиком Накамура он не думал о плене. Да, наверное, и поручик тогда не думал о таком выходе. А может быть, не решился подсказать? Думал так поручик или нет — теперь не узнать. Сумеет ли ловкий Накамура остаться в живых? Для этого ему тоже надо оказаться в плену. У русских, у американцев — у кого угодно. Даже бежать куда-нибудь в нейтральную страну невозможно. Где эти страны? За сколько тысяч ри океана и суши их искать? И есть ли они? Против Японии теперь весь мир.

Так что же получается? Такая война — поголовная гибель.

Япония, ее народ могут исчезнуть с лица земли. Как исчезла рота капитана Сато. Словно ее и не было. Кто, кроме него, вспомнит об этой роте? Жены, матери, если кто из них уцелеет, вспомнят мужа, сына, отца, брата. А роту? Никто!

Что русские продолжают наступать, Сэнда понятно. Хотя бы потому, что его держат в Мулине и давно он не слышит звуков боя; русские все так спокойны, уверены. А сколько может продлиться битва, точнее, планомерное и неумолимое уничтожение Квантунской армии? Ради чего?

Эти вопросы сверлили Сэнда голову, не давали спать. А тут еще сегодняшней разговор с русскими офицерами. Они хорошо знают японский язык. Разведчики, наверное. Но с ним они говорили вежливо, и в их словах была логика. Ее нельзя не признать. Конечно, в первую очередь, они заботятся о своих, чтобы было меньше жертв среди русских. Но ведь и его соотечественников больше останется в живых, если скорее закончится война.

Предложили они ему сказать только правду, ничего не добавляя: русские не убивают, не пытаются пленных. Да, это правда. Его и всех, кто тут с ним, не избивали, не угрожали им расстрелом. Легкораненых лечат здесь, других отправили в госпиталь. Сэнда им в этом верит.

Но обращаться к соотечественникам через микрофон он не станет. Зачем? Ну, спасет кому-то жизнь. Кто-то поверит ему и сдастся в плен. Что изменится от того, что еще несколько человек останутся живыми? Если гибнет вся страна, весь народ?

Что он, ефрейтор Сэнда, может сделать против воли тех, кому его величество доверил править страной в эти черные дни? Хотя он и имеет высшее образование и Накамура считает его дальновидным. Но кому сегодня нужна его дальновидность? «Кровать даже, подпрыгивая, остается на дне», — гласит мудрая поговорка. Так зачем ему «подпрыгивать»?

Сэнда ненавидел сейчас всех, кто спал с ним рядом в этом доме. Безмозглые быки, им бы только поесть, да поспать, переваривая пищу. А он вот должен помогать русским спасать таких? Тех, которые могут спокойно спать?

Ефрейтор Сэнда вставал, пил воду, снова ложился. Даже себе он никак не мог признаться, что где-то в глубине, как мышонок в глубокой норе, попискивала подленькая мысль: «А все-таки я жив, а все-таки жив...»

Как обращалась с пленными императорская армия, для Сэнды не было секретом. Об этом он многое узнал еще до армейской службы. В Токио на банкетах подвыпившие офицеры показывали такие фотографии, что пища в горло не лезла. Ходили слухи, что кое-кто из военных возродил средневековый обычай «киматори» — ели сырую печень, вырезанную у живого врага. И его, Сэнды, тогда ни сколько не возмущало это. Он просто считал это делом совести самих военных.

Может быть, русские гуманны с ними потому, что никто из них не попадал в плен к воинам императорской армии?!

Безвестный ефрейтор Сэнды Васиро, как и миллионы японцев на всех фронтах, не мог знать, что думали тогда и что собирались предпринять правители их страны, пославшие их в огонь войны. А те еще рассчитывали, что, устранившись неизбежными потерями, американцы пойдут на выгодные для генеральской клики условия

капитуляции, надеялись на раздоры между союзниками. Главная их цель была удержать власть над своим народом, остаться его господами. Они страшились собственного народа. Станет ли он терпеть их власть после поражения? В Токио прекрасно помнили, что после первой мировой войны в России был свергнут царь, а в Германии — кайзер. Еще в феврале 1943 года принц Коноэ, который после капитуляции покончил с собой, докладывал императору: «Дальнейшее обострение напряженности во внутренней обстановке должно неизбежно привести к усилению красного движения».

10 августа военный министр Японии обратился ко всем генералам, офицерам и солдатам армии с требованием «довести до конца священную войну».

Безнадежная для японских милитаристов война продолжалась.

4

Майор Марштейн в эти дни был очень занят: хлынул поток информации из всех соединений, инструктора слали донесения, сообщали о политико-моральном состоянии японских войск, о пленных и их показаниях. По новым данным писались листовки и программы звукопередач через МГУ и окопные звуковые установки. Листовки доставляли в войска. Коменданты занятых нашими войсками городов тоже настоятельно требовали помощи в разъяснительной работе среди китайского населения.

Марштейн, как и его подчиненные, не высыпался, уставал смертельно. Сейчас каждый человек на счету.

...Капитан Марсин докладывал майору о причинах своей задержки. Он только сейчас добрался до политотдела армии.

— Да вы садитесь, Дмитрий Яковлевич, — сказал Марштейн капитану, отрываясь от бумаг. Худощавое его лицо еще больше истончилось, под серыми глазами мешки усталости.

— Почему вы задержались, я знаю. Полковник поставил меня в известность. Но я ожидал, что вы вернетесь быстрее.

— Я должен был узнать про результат операции водителя тягача. Так приказал полковник. А в госпитале... Туда много раненых поступило, товарищ майор.

Майор внимательно посмотрел на Марсина. Исчезла у него самоуверенно-бодрая осанка, голос стал глуше.

— Вы не заболели ли? — спросил он.

— Я здоров. Переутомился, наверное. На перекладных добирался не очень удачно. Три машины сменил.

— Ночь отдохните, а с утра прошу ко мне. Дел неуворот.

Майор еще раз внимательно взглянул на капитана: «Похоже, не одна усталость. Что у них там произошло?» Но разбираться ему было некогда.

— Идите отдыхайте, капитан. Там наши душ соорудили, воспользуйтесь.

— Спасибо...

Марсин спросил у капитана Гагаркина, где его чемодан и где можно отдохнуть. Затем устало присел на койку и, сняв пилотку, глубоко задумался. Последние двое суток внесли в его внутренний мир, с давно устоявшимися представлениями, много такого, что заставляло теперь думать, размышлять над тем, что недавно казалось совершенно бесспорным и ясным, само собой разумеющимся.

В самом начале войны Марсин был призван и направлен на

Дальний Восток, семья уехала из Москвы к родственникам жены в Уфу и вернулась в столицу в сорок четвертом году — в квартиру, которую охраняла тетка. Да и среди его близких родственников не оказалось жертв войны — хотя и редко, но попадались такие счастливые семьи.

Армейская служба для Марсина началась хорошо, ему присвоили звание интенданта третьего ранга, а позднее он стал капитаном. На службе занимался в основном привычным делом и даже считал, что кое-что накопил полезного для будущей диссертации. И не сомневался, что в случае войны он тоже покажет себя достойно. А как же иначе?

И вдруг этот случай с диверсантами, раненый водитель... Выстрелы заранее приготовившихся убийц.

Если бы не внезапное появление полковника, Марсин, может быть, так и остался бы в убеждении собственной правоты и с сознанием своей повышенной ценности по сравнению с другими. Но до сих пор в ушах его звучала нескрываемая ирония в голосе полковника: «Как старший по званию, взял самое трудное на себя?..»

Всю дорогу до медсанбата эта фраза стучала как телеграфный ключ в его голове. Он сидел на заднем сиденье «виллиса», придерживая раненого, чувствуя, как затекает его рука, которой он старался смягчить толчки. Он почему-то боялся посмотреть в лицо этого полуживого человека, от которого несло потом, маслом, соляжкой.

Он довез водителя тягача живым и искренне обрадовался, когда мчавшийся с большой скоростью «виллис» круто завернул в распадок, где стояли палатки медсанбата.

Появление капитана ничем не нарушило установленного порядка в медсанбате, к нему отнеслись так же, как и ко всем остальным. Ему даже не удалось поговорить с врачами. Раненого переложили на носилки и два пожилых солдата-санитара подняли его и понесли в большую зеленую палатку. Больше его капитан не увидел.

К медсанбату подъезжали новые машины, доставляя раненых. Легкораненые слезали сами, поддерживаемые руками санитаров и двух медсестер с серыми от усталости лицами. Тяжелораненых укладывали на носилки. И не все они молча переносили боль. Некоторые стонали, другие матерились.

В медсанбате шла напряженная борьба за каждую жизнь. Очередь к хирургическому столу определяло только одно обстоятельство: кому хирург в данную минуту был наиболее необходим. Все звания здесь были уравнены.

Капитан Марсин сидел под деревом, жалея, что не курит и не может, хотя бы этим заполнить часы ожидания. Ему захотелось есть, но он не мог представить себе, где его накормили бы, как он съест то, что предназначалось раненым.

Здесь, где столько страданий и боли, он начал понимать, почему полковник так говорил с ним. И начал испытывать чувство стыда, неловкости. Марсин, откинувшись на спину, улегся прямо на траву, чего прежде никогда себе не позволял, заботясь о здоровье. Он задремал.

Проснувшись, пошел узнать, как дела с его раненым. Старшая медсестра, отлучившись на минуту, сообщила ему, что жизнь солдата вне опасности, сегодня вечером его эвакуируют в госпиталь. Капитан горячо поблагодарил пожилую медичку, словно это она сделала все, чтобы спасти жизнь водителю тягача.

Он еще постоял около группы легкораненых, которые уселись на гробе и дожидались своей очереди. Если бы Марсин был опыт-

ным служакой, он мог бы легко различить между ними тех, кому уже не раз приходилось обращаться за помощью к медикам, и тех, с кем такое случилось впервые. Первые были сдержанны, относились к случившемуся с философским спокойствием, вторые — охотно рассказывали, как и где их «зацепило». Но настроение у всех было бодрое. Опытный фронтовик мог бы объяснить Марсину, что так бывает, когда идет успешное наступление, когда наши войска громят противника, не давая ему передышки. И другое дело, когда раненные попадают в медсанбаты во время длительной, изнурительной обороны или отступления.

Голод давал себя знать все сильнее, и капитан Марсин пошел искать попутную машину. Вначале ему удалось сесть в попутную санитарную машину. В кузове было душно, остро пахло лекарствами, и он обрадовался, когда машина остановилась и голос фельдшера, сидевшего рядом с водителем, проговорил: «Нам налево, капитан».

Долго пришлось стоять у поворота. Машины с боеприпасами, какими-то ящиками проходили мимо колоннами, не останавливаясь. Никто не стал задерживать их ради капитана и старшины, который тоже добирался до части на попутных. Марсин, привыкший, чтобы в частях его встречали как представителя политотдела армии, вдруг остро почувствовал себя обезличенным, всего лишь деталью сложенного и огромного армейского механизма — механизма, в котором тысячи таких же, как ты, капитанов: все они представляют несомненную ценность главным образом тогда, когда находятся на отведенном им месте, на предназначенном им посту. Сам же по себе он, Марсин, не имеет права на какую-либо исключительность, ради него ни одна из колонн не остановится: и какое шоферам дело до диссертации, которую в будущем напишет безвестный для них капитан.

Старшина огорченно матюгнулся, снял вещевой мешок, развязал его, достал полбуханки хлеба и кусок желтоватого сала. Ножом с самодельной рукояткой, набранной из кружков пластмассы, он отрезал здоровенный кусок, положил на него кусок сала в палец толщиной и протянул его Марсину:

— Угощайтесь, капитан. Как бы нам долгонько не пришлось загорать тут. Жмут славяне, не до нас.

Марсин, пробормотав слова благодарности, взял хлеб с салом и стал торопливо жевать, глотая большими кусками. Старшина предложил еще, но он деликатно отказался. Старшина — человек явно немолодой — завязал мешок, вытерев тщательно лезвие, спрятал нож, закурил. Видно, он настроился поговорить, но тут из-за поворота показалась грузовая машина, и они дружно подняли руки. Машина остановилась, из кабины высунулась до невозможности веснушчатая физиономия молоденького шофера: «Подбросить?»

Старшина, перебросив вещмешок в кузов, стал карабкаться туда, а капитану шофер открыл дверцу кабины. Едва машина тронулась, шофер начал проклинать карбюратор, который ни с того ни с сего забарахлил, и он вынужден теперь догонять свою часть. Опять помпотех устроит ему втыкаж, а он-то и ни при чем, машину эту получил позавчера, поскольку ее прежний шофер, хороший мужик Афанасьев, был убит самураями.

Занятый своими мыслями, капитан Марсин не слушал словоохотливого шофера. Так они домчались до злополучного моста, где все началось. Перед мостом стояла длинная колонна автомашин, и Марсин, чтобы размяться, вылез из кабины и пошел к мосту. От

конструкции, сооруженной под руководством Подсосенко, ничего не осталось. Вместо нее стоял добротно сколоченный новый деревянный мост, в настил которого саперы вбивали последние гвозди. Двое из них пучками веток сметали мусор, стружку и щепки.

Марсин пошел к машине, но тут из «доджа» с накрытым брезентом кузовом послышался голос: «Капитан Марсин! Капитан!»

Марсин узнал пропагандиста артиллерийской бригады, с которым он встречался на совещаниях в политотделе.

Майор-артиллерист подошел.

— Куда направляетесь?

— Догоняю своих.

— Один?

— Да. На попутных.

— Что так?

— Выполнял одно задание, — туманно ответил Марсин.

— Понятно. Тогда пошли к нам. У нас будет удобнее.

Марсин вновь почувствовал себя представителем политотдела, которого знают, с которым считаются. Он вроде бы снова занял полагающееся ему место.

В кузове «доджа» сидели четыре офицера. Посредине, на перевернутом ящике, застланном плащ-палаткой, стояли банки консервов «второй фронт», две железных кружки и фляга. Марсина встретили приветливо, даже радушно, тут же налили полкружки из фляги, и он лихо выпил, плотно закусил. Но надежды собеседников на интересный разговор с ним не оправдал: едва машина тронулась, как он вдруг уснул и проспал до самого конца пути.

Сейчас он вспоминал в деталях свой последний разговор с майором Марштейном. Выходило, что ни полковник и никто из экипажа МГУ не сказали ничего обидного о нем, Марсине. Все они проявили деликатность, которую сам Марсин никогда не подозревал в них. Оказывается, они могли и уметь делать многое такое, в чем он, Марсин, увы, пасовал, оказался «не на высоте». Это было обидно сознавать, но и никуда не денешься. На первом экзамене он явно срезался.

Марсин решил никуда не ходить. Потом все же разыскал душ, который освежил его и немного взбодрил. Вернулся, быстро разделся и лег. Он еще не спал, когда кто-то появился и сказал: «О, Марсин вернулся». Но капитан сделал вид, что спит, и вскоре действительно уснул.

Капитан Марсин не знал, что в это же время разговор о нем шел между Морозовым и Королевым.

— Капитан Марсин вернулся, — сказал Королев. — Послушай, старшой, хочу тебя спросить и неудобно как-то. Капитан, он тогда немного не того? Случаем не сробел?

Морозов помолчал немного.

— Не думаю. Скорее растерялся. Его можно понять: кабинетный ученый, даже армия мало что изменила в его привычках. А тут чужая земля, в тебя стреляют, и надо быстро решать.

— Я понимаю. А знаешь, моя Лена что придумала? Добровольцем на фронт просилась. Представляешь? Мы без нее с самураями не справимся. Я ей такое напишу...

— Трепач ты, — прервал его Морозов. — Ты же хвастаешься ею. А где газетный ас? Обещал зайти и носа не кажет.

— Придет, Доронин — мужик обязательный.

И тут же из дверей раздался голос лейтенанта.

— Кто здесь дает мне такую высокую оценку? Конечно, не

Морозов. Значит, ты? — обратился он к Королеву. — В награду попрошу ретушера, чтобы он тебя на снимке красавцем сделал. Родная мать удивится, а невеста до дыр расцелует.

Морозов тут же крикнул:

— Якуб, гони чай. Кутить будем. Ну как ты? Рассказывай. Мы, кроме сводок, ничего не знаем. Даже ваша газетка не всегда к нам попадает.

— Газетка? Так о боевом органе? А мы-то стараемся, из кожи вылазим. Огорчил, брат, меня.

Доронин присел, снял пилотку и пальцами расчесал русые волосы. Потом снял очки, протер их.

— Да не тяни!

— А что я могу сказать особенного? Здорово воюют. Герои. Такой подъем в войсках — чудо. Раненые отказываются в медсанбаты идти. Солдат Попов закрыл собою амбразуру дота. Завтра публикуем указ о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Признаться, события развиваются так стремительно, что устаревают сама свежая информация. Из набора снимаем что-нибудь и заменяем последними материалами. В общем, в корзину уходит больше, чем на полосы. Это у нас так. А что же центральным газетам делать? Там информация еще больше отстает.

— Ну твое-то в корзину не пойдет, — усомнился Морозов.

— Спасибо еще за один комплимент. Увы, у меня не лучше других.

— Да ты меня не понял, — улыбнулся командир МГУ. — Разве ты писанину свою в корзину выбросишь? В сумку затолкаешь. Ну, признайся!

— Угадал! — честно признался Доронин. — Это же факты, события, люди. Потом можно забыть.

— Что написано пером — не вырубишь топором?

— Бывает и иначе: что написано топором, не исправишь и пером. Ну, а вы все митингуете?

— Митингуем, — подтвердил Морозов. — Скоро я обращение командования сам по-китайски смогу прочесть. Вон как забайкальцы жмут, темп у них выше, чем в Белоруссии был. А ведь шли через пустыню и горы. А вот мы по-настоящему можем работать, только когда фронт стоит. Королев от рук отбил. По-китайски он — ни бе ни ме.

— Вряд ли из-за меня наступление будут останавливать, — отшутился младший лейтенант.

— Под Муданьцзяном самураи крепко уперлись, — сказал Доронин. — Час назад наш офицер приехал оттуда, говорит, до рукопашных доходит там. Я просился туда, редактор ни в какую. Не знаю, как подступиться к нему. По виду мужик мягкий, а на деле — надолб противотанковый, — пожаловался Доронин.

— Не жадничай, — возразил Морозов. — Дальневосточники годами ждали, когда и до них очередь дойдет, а ты им дорогу перебегать хочешь. — Морозов допил чай и поставил на стол пустую кружку. — Вон Николай рвет и мечет, что его дальше пункта сбора военнопленных не пускают. Якуб тот спокойнее, хватил достаточно войны.

— Правильно, — согласился Гаврилович. — Человеку войну шукать не нада, она сама его найдет.

— А если энергию девать некуда, рекомендую к нашему начальнику типографии Колю обратиться, тот поможет. Вон Николай может опытом поделиться, — улыбнулся Морозов.

Гаврилович прыснул в блюдце, широко улыбнулся и Королев.

— Разыгрываете? — сказал Доронин. — Ладно, я злом на зло не отвечаю. Завтра утром завезу газету с вашей героической шарманкой. Тебе сколько экземпляров, Федотович? Ты здесь самый положительный.

Тот спокойно отставил чашку:

— Значит, так: одну Дарье моей, две парням моим — пусть батьку знают, одну в гараж, где работал, ну и одну мне. Всего получица пять.

— Остальных не спрашиваю, сам знаю — по три.

Глава седьмая

1

Юрий Доронин оказался прав. Именно у города Муданьцзян, который японцы переименовали в Ботанко, командующий первым фронтом Квантунской армии решил остановить наступление войск Первого Дальневосточного фронта. Японское командование пыталось не допустить прорыва советских частей к центральным городам Маньчжурии — Харбину и Гирину. Подступы к Муданьцзяну прикрывали реки Мулихэ и Муданьцзян, и, таким образом, здесь была удобная позиция для обороны. Здесь японцы сосредоточили пять дивизий и два отряда смертников. Группировку войск возглавлял командующий пятой японской армией генерал-лейтенант Симидзу.

Пожалуй, именно здесь произошли самые ожесточенные бои, переходившие в рукопашные схватки. Здесь японцы широко применяли смертников. Оставленные в тылу советских войск, смертники — одиночками или по два, по три — охотились за отдельными автомашинами, мотоциклистами, всадниками. Некоторые подкрадывались к группам наших воинов и подрывали себя вместе с ними. Скрываясь в густом гаоляне, они выскакивали на дороги и бросались под танки. Когда наши танковые части наступали на Муданьцзян, против них в качестве живого минного поля было брошено одновременно двести смертников, обвязанных минами и толовыми шашками...

Номер армейской газеты был почти целиком посвящен борьбе с диверсантами. Заметка о бое экипажа МГУ в самом экипаже вызвала, как говорят, «большой читательский интерес». Уже рано утром солдат принес пачку газет. Подсосенко, медленно шевеля губами, прочитал заметку, хмыкнул: «Малость перегнули», — и тут же принялся запечатывать газету без каких-либо дополнительных приписок.

— Ты, Николай, прямо как настоящий герой, — улыбнулся Королеву Морозов.

Младший лейтенант действительно выглядел на фотоснимке лихо. Набок сдвинутая пилотка, чуб из-под нее, широко развернутые плечи и выпяченная грудь. Смотрел он победоносно.

— Фотоаппарат только действительность запечатляет, — отпарировал Королев, не скрывая, впрочем, что рад. Он представлял себе, как мать прослезится, а отец промолчит и довольно расправит усы, когда они развернут газету. Ну, а Лена... Она, конечно, познакомит с газетой весь цех.

Морозов и Гаврилович спокойно засунули свои экземпляры в карманы. Подсосенко, закончив надписывать адреса, поднялся, чтобы идти завтракать.

— На спор — сегодня почта из госпиталя будет, — убежденно произнес он.

— Федотович! От тебя не ожидал, — сказал Морозов.

— На што спорить будем?

Но тут все враз поднялись: вошел майор Марштейн.

— Ну, поздравляю, орлы! МГУ не танк или самолет. Заметка, правду сказать, хорошая, и на снимке вы богатыри, но ведь не своим делом тогда занялись. Не так?

— Не согласен, — твердо возразил Морозов. — Диверсанты могли сменить позицию и расстрелять нас. Другого выхода не было!

— Не будем спорить, — примирительно сказал майор и тихо добавил: — Погиб лейтенант Ивашенко, инструктор политотдела дивизии. Снайпер его — наповал. Жаль парня, кажется, он один у родителей был. А кем я его заменю?

В наступившее молчание ворвался голос Анисимова. Старший лейтенант вбежал в комнату, потрясая газетой и не замечая майора.

— С вас, ясно-море, положено. Меньше литра не отделаетесь! Виноват, товарищ майор, — тут же понизил он голос, увидев начальника.

— Вы-то мне и нужны. Сегодня пойдете в распоряжение старшего лейтенанта Коля, у него заболел наборщик.

— Товарищ майор?! — просительно протянул Анисимов.

— Что? — майор поднялся. — Самому мне к наборным кассам становиться? А с вами, — продолжал он, обернувшись к Морозову, — поедет капитан Марсин. Маршрут у него. Младший лейтенант Королев в распоряжение капитана Зотова. Желаю успеха!

Королев, надевая пилотку, сказал Анисимову:

— Попросись в печатный цех. У тебя туда больше данных. Останешься доволен на всю жизнь, ясно-море!

Капитан Марсин сознавал, что волнуется, когда шел к экипажу МГУ. Как-то они его встретят?

Подсосенко уже завел мотор. Марсин медленно подошел к стоявшему группой экипажу, старший лейтенант Анисимов что-то горячо говорил им. Заметив капитана, все примолкли.

— Здравствуйте, товарищи! — проговорил капитан. — От души поздравляю, читал. Сегодня я опять с вами.

— Спасибо, — Морозов сердечно пожал протянутую ему руку. — Поработаем вместе. С таким диктором мы всегда готовы.

У капитана легче стало на душе. Уже бодрее он предложил:

— Давайте посмотрим по карте наш сегодняшний маршрут.

Согласно приказу, они должны побывать в трех деревнях: одна из них находилась рядом с тем уездным городком, где состоялся их первый митинг.

Капитан Марсин проводил митинги энергично, каждый раз по долгу отвечал на вопросы жителей. За деревней они остановились у небольшого ручья, перекусили, попили студеной воды.

— Скажите, товарищ капитан, — полюбопытствовал Подсосенко. — Я в толпе китайцев видел с винтовками. Кто такие? Не знаете, случаем?

— Здесь бесчинствует банда из отставших японцев. Поскольку гарнизоны в каждой деревне мы держать не можем, комендант уезда разрешил создать небольшие дружины самообороны из местного китайского населения. Их вооружили трофейными винтовками. В состав дружины людей выбирали на собраниях крестьян. Это те, кому они сами доверили оружие.

— Понятно, — протянул Морозов. — Ну тогда, воины, оружие опять держите наготове и дверцу не закрывайте.

— Ну как? Еще отдохнем или поедем, чтобы засветло вернуться? — спросил Марсин.

— Решайте сами, капитан. Работаете вы, мы только условия создаем.

— Тогда поехали!

На этот раз Марсин определенно нравился экипажу. Держался он не так официально, как раньше, мягче, но не панибратствовал, как делают некоторые. Спрашивал сам и охотно отвечал на вопросы.

— А капитан-то ничего, головастый, — неожиданно сказал Подсосенко, когда машина выехала на дорогу.

— Но-но. — с шутливой строгостью заметил Морозов. — Забываетесь, товарищ рядовой, старших по званию начинаете обсуждать.

— Так я ничего такого не сказал, — серьезно ответил водитель. — Я понимаю...

— То-то. Капитан в своем деле — большой специалист.

Через минут двадцать они въехали на увал, с которого видна была та деревня, куда они теперь направлялись. Она стояла почти у самой дороги. Дорога проходила у ее окраины, а сама деревня занимала излучину, образованную узкой с обрывистыми берегами речкой.

— Останови! Глуши! — вдруг резко приказал Морозов. Он открыл дверцу и прислушался — со стороны деревни доносились выстрелы, потом раздался взрыв гранаты. — Осади чуть! — Подсосенко отжал тормоз, и МГУ немного откатилась назад. — Хватит! Выходите, — крикнул он в кузов. — Опять в какую-то заваруху попали.

Вместе они поднялись на гребень увала и залегли. Было видно, как группа японцев атаковала деревню с ближней к ним стороны, с противоположного конца деревни убегали ее жители. Одна фанза уже дымилась. Японцы, перебегая, вели огонь. Вот один снова бросил гранату и еще одна фанза загорелась. Из деревни отвечали редкие выстрелы. Было понятно, что малочисленные и неопытные дружинники не смогут остановить японцев.

— Вот бы их отсюда, сзади, гадов! — произнес Подсосенко.

— Мало нас, — с досадой ответил Морозов. — Опять стружку снимать будут. Ишь, бандиты проклятые. Побьют людей.

— А может, все же мы... — предложил Марсин.

— Послухай, старшой, — вмешался Гаврилович. — Може, так, как под Боровичами? Помнишь?

— А запись цела?

— А как же.

— Давай! Подсосенко, заводи! Быстро!

— Какая запись? — взволнованно спросил Марсин.

— Обожди минутку. Сейчас посмотрим, крепче ли у самураев нервы, чем у фрицев.

МГУ загудела, и вдруг капитан услышал звуки приближающейся колонны танков. Звук усиливался, становился громче, лязг гусениц нарастал.

— Теперь смотри! — проговорил Морозов.

Японцы стали выскакивать на дорогу, тревожно оглядываясь, старались понять, откуда идут танки с длинными пушками и звез-

дами на башнях. Они было бросились в ту сторону, куда убегали жители деревни, но оттуда, со стороны уездного городка, показалась грузовая автомашина, полная советских солдат. Они прямо на ходу вели огонь из автоматов и ручных пулеметов. А звук танковой колонны постепенно стал стихать, слабеть и утих — танки прошли где-то мимо.

Японцы повернули и мчались, низко пригибаясь, прямо на МГУ.

— Теперь деваться некуда. Или, может, развернемся и драпака? Как капитан?

— Беру ответственность на себя! — возбужденно ответил Марсин.

— Очень благородно. Только за МГУ отвечает ее командир. Подсосенко, давай машину в укрытие. Гаврилович, сколько у нас гранат? Две? Не густо. Одну — мне! Ты, Якуб, давай вон к тем камням, а я с капитаном слева. Мы тут и взвод не пропустим. Только не подпускай их на гранатный бросок.

Якуб с неожиданной ловкостью вскарабкался по осыпи и залег между двух обломков скалы так, что только был виден кончик ствола автомата. Морозов с капитаном залегли по другую сторону дороги.

— Теперь мы их встретим, — удовлетворенно проговорил Морозов. — Смотри, капитан, как резво бегут. Проворные.

Огонь с автомашины начал достигать японцев, и они еще прибавили ходу. Вот, подкошенный огнем, упал один из них, второй, некоторые пытались отстреливаться на ходу. Машина остановилась, и солдаты посыпались из нее, разворачиваясь в цепь.

— Японцы бегут быстрее, чем наши, — нервно проговорил Марсин.

— От смерти бегут, — ответил Морозов и, повернув голову, крикнул: — Подсосенко! Куда? Вернись к машине!

Но Подсосенко уже добрался до Гавриловича. Теперь рядом с дулом автомата показался ствол карабина.

Японцы уже начали взбираться на подъем, как раздался выстрел, и один из солдат ткнулся лицом в землю.

— Подсосенко его, — пробормотал Морозов. — Охотник!

Капитан Марсин начал целиться из пистолета.

— Рано, не достать, — сказал Морозов. — Поберегите патроны. Вот сейчас мы их с Якубом, — он поудобнее стал прилаживаться к прикладу автомата. Снова раздался выстрел карабина, и еще один японец рухнул навзничь. Морозов дал длинную очередь, подхваченную автоматом Гавриловича. Начал стрелять и Марсин. Японцы остановились, растерявшись, не зная, куда податься. И это решило их судьбу — огонь автоматов клал их одного за другим. Только один японец, припав к земле, быстрее ящерицы юркнул и скрылся среди камней. Морозов поднялся и швырнул туда гранату...

Они успели закурить, когда цепь солдат, подбирая оружие японцев, приблизилась к ним. Во главе ее шел лейтенант.

— Это ж комендант! — узнал его Подсосенко.

— Он, — подтвердил Морозов. — А ты, охотник, стреляешь здорово. Но учти, в следующий раз не выполнишь приказаний, пойдешь под арест. Вот так. Бой не охота в тайге, слово командира — закон!

— Слушаюсь, — не скрыл своего недовольства Подсосенко. — Што ж, я опять вместо сторожа.

— Разговорчики! — еще суше произнес Морозов. — Повторять не буду.

— Понятно!..

Заметив капитана, подходивший к ним лейтенант принял официальный вид, но тут же заулыбался:

— Здравия желаю, товарищ капитан! Я думаю, кто там нам в помощь, а оказывается, знакомые. Хорошо вы самураев встретили. Пожалуй, мы бы их не догнали, в машине лопнул скат. Эти бандюги здорово нам мешали. Теперь с ними все.

— Один убег, — возразил Гаврилович. — То ли раненный в ногу, то ли просто хромой.

— Один не страшен. Я сообщу командованию о вашей помощи.

— А может, не надо? — поскущел Морозов. — Что тут особенного. Вы сами их, а остаток на нас нагнали. У них уже языки были на плечах.

— Извините, не понимаю вас, — удивился лейтенант.

— Ну тогда специально укажи, что мы были вынуждены защищаться.

Марсин улыбнулся.

— Понимаете, лейтенант, наше начальство не очень любит, когда они в бой ввязываются. Пока так получается — танк легче заменить, чем МГУ.

— Вон оно что, — крутнул головой лейтенант. — Ничего поделывать не могу, — официально закончил он. — Бой все мои подчиненные видели.

— Докладывай! — махнул рукой Морозов. — Семь бед — один ответ. Что будем делать, капитан?

Капитан вытер потное лицо и с досадой сказал:

— Какой может быть митинг сейчас. Поехали домой! До свидания, лейтенант. Нашел себе наконец переводчика?

— Нашел. Тоже китайца с дореволюционным стажем. Чуть не рассыпается старик, но по-русски бойко лопочет. Счастливого вам пути!

Марсин сегодня был доволен собой. Не уронил себя в глазах экипажа. Он как бы смыл теперь все сомнения, которые могли высказать в его адрес те, кто ехал сейчас с ним в машине.

Подсосенко же был явно не в духе. Двух самураев он уложил. Да он бы и еще сразил кого-нибудь, если бы старший лейтенант и Якуб не скосили их автоматами. И правильно сделал, начав первым, — в суматохе самураи не могли разобраться, откуда в них стреляют. А командир на него при всех нашумел, да еще арестом грозил.

Морозов сидел рядом и спокойно потягивал сигарету. Выбросив окурок в приоткрытую дверцу, строго проговорил:

— Ты, Федотович, человек пожилой, можно сказать, в отцы годишься. Водитель классный, охотник действительно меткий, а солдат еще молодой. Не ожидал я такого от тебя. В экипаже мой приказ — закон для всех. Раз я тебе приказал быть у МГУ, то сам ты не имел права ни шагу сделать. Если хочешь знать, ты боевой пост самовольно покинул. А если бы сзади оказался еще какой-нибудь одичавший самурай, да в нашу машину гранатой?

До самого возвращения Подсосенко раздумывал над словами командира МГУ. Он вынужден был признать: прав старший лейтенант, а он дал маху. Но ведь удержаться было нельзя. Ладно, хоть и выговор при всех схлопотал, зато двух самураев уложил. Будет что дома рассказать.

— А все-таки, старшой, тот самурай, который убег, хромой был, а не раненый. Ловкай, сволочь!..

2

Наблюдательный Подсосенко верно заметил: единственный оставшийся живым бандит был хромым. Им оказался бывший староста японских колонистов Араки. После разгрома советскими танками японской колонны он сутки скитался, как одинокий волк, готовый стрелять во все живое. Но к вечеру сам оказался в роли дичи. Грозное «Стой! Руки вверх!» — пригвоздило его к месту. «Повернись! Иди сюда!» — Араки послушно выполнил команду. И только тут до его сознания дошло, что команду отдавали его соотечественники. Он облегченно перевел дух.

Из-за куста показался унтер-офицер в жандармской форме, за ним еще несколько человек.

— Са... Кого я вижу? Араки-сан! Да опустите вы руки.

Перед Араки стоял его сослуживец по жандармерии Цумура.

— Вот неожиданность, — ухмыляясь, продолжал тот. — Значит, вы тоже застряли? Или решили сражаться в одиночку? Ладно, потом расскажете. Пошли!

В глубине леса прятались еще человек пятнадцать, расположившись под высоким кедром. При их появлении они вяло поднялись.

— Вот мои воины, — показал на них Цумура. — Двое моих, остальных подобрал. Познакомьтесь, это бывший мой сослуживец господин Араки, — представил он бывшего старосту. — Опытный воин, не вам чета. Назначаю его своим помощником. Его приказ — мой приказ.

Араки стал усиленно благодарить. Он обрадовался, что теперь он не один — теперь они сила.

— Не стоит благодарности, — явно рисуясь, продолжал Цумура. — Тут несколько человек настоящие воины, а остальные только форму надели. Садитесь, поужинаем.

Араки понял, что отряд Цумура не бездействовал. Они уже обстреляли несколько русских автомашин, подорвали мост и грабили окружающие китайские деревни.

— Пока русским не до нас, мы их здесь еще пошупаем, — делился своими планами Цумура. — Поблизости они уже перестали ездить одиночными машинами. Двоих и мы потеряли, одного я сам пристрелил — оказался слаб духом. Вы нам будете особенно полезны. Вы знаете здесь все ходы и выходы. Не так ли?

— Да. Гонялся не раз здесь за бандитами, — подтвердил Араки.

— А где ваш знаменитый меч? Я еще раз с удовольствием посмотрел бы на ваш мастерский удар.

— Спасибо. Вы преувеличиваете мои достоинства. Меч я вынужден был запрятать в тайник. Ведь мы еще вернемся?

— Несомненно. Но если русские возьмутся за нас, будем пробиваться на Тунхуа. Я слышал, что наши войска стягиваются туда. А где ваша достойная семья?

— Я облегчил их страдания, — выпрямился Араки.

— Вы мужественный человек, — Цумура с уважением посмотрел на него. Свою семью он давно отправил в Дайрен.

— Я был вынужден. Командование забыло о нас.

— Понимаю! Неразберихи действительно было предостаточно. Ну, давайте отдыхать. Завтра утром мы прогуляемся еще в одну деревню. Надо запастись едой. Много с собой не возмешь — жара. Хорошо бы раздобыть консервов. Ну да с новым утром новые заботы...

Утром они совершили удачный набег: застрелили несколько ки-

тайцев, не успевших убежать. Араки стал помогать пристреливать свиней и ловить кур, но тут его позвал Цумура. Он стоял в дверях ближайшей фанзы:

— Сюда, Араки-сан. Здесь есть дичь понежнее.

Араки торопливо шагнул за ним в дверь. На кане, испуганно прижавшись друг к другу, сидели две молодые китайки.

— Выбирайте! — великодушно предложил Цумура...

Потом они их пристрелили.

Днем они обстреляли грузовую машину, но получилось это не совсем удачно. На дне ее кузова оказались русские солдаты, они встретили банду таким плотным огнем, что ей пришлось отступить. Потеряли двоих: один был убит, второй ранен. Раненого добил, поставив ему к уху пистолет, сам Цумура. «Мы не можем связывать себя. Ему не повезло», — пояснил он остальным.

На второй день при очередном налете на деревню их встретили выстрелы. Подчиненные Цумуры явно осторожничали, помня о судьбе их раненого вчера соотечественника.

Пришлось опять отступить.

— Похоже, что русские вооружили китайцев, — поделился своими мыслями Цумура с помощником. — Весьма огорчительно. Придется перебазироваться поближе к Тунхуа. Но надо запастись продуктами для дальнего перехода. Завтра займемся этим. Только надо сначала хорошо разведать. Поспешность, увы, не принесла нам успеха.

Следующий налет оказался роковым.

Каким-то чудом Араки заметил тропинку, на которую и уполз под огнем русских. Возбравшись повыше, он залег, готовясь защищаться до конца. Дальше днем идти было нельзя, его сразу бы заметили. Но, хвала богам, за ним никто не бросился в погоню. Тяжело дыша, он наблюдал, как русские солдаты наклоняются над трупами подчиненных Цумуры, над самым унтер-офицером, собирая оружие.

Неподалеку послышался звук мотора. Араки рискнул приподняться.

К автомашине со странным высоким кузовом шло трое русских. Их трое и шофер в машине. Значит, всего четверо. И это они скопили огнем пытавшихся отступить его соотечественников.

Араки приподнял было ствол «арисаки», но тут же опустил его. Нельзя стрелять, близко остальные солдаты, и они станут преследовать его до конца. А далеко ли он, хромой, может уйти от молодых и здоровых? Араки скрипнул от злости зубами. Пока надо зайти, стать ниже травы, незаметнее муравья.

Он просидел в укрытии до вечера и уже в сумерках двинулся на базу банды, надеясь, что кто-нибудь еще мог спастись. Трупов на дороге не было. Видно, китайцы успели их убрать.

Уже в полной темноте Араки добрался до базы, но там никого не оказалось.

Опять один, опять как одинокий волк.

Он устало прилег и, забыв о всякой опасности, уснул...

3

Когда МГУ остановилась на обычном месте рядом с типографией, Морозов и Марсин задержались.

— Не знаю, как поаккуратнее доложить майору, — признался старший лейтенант.

— Ничего. Я сам доложу. Не на прогулку ездили. Война. Все будет в порядке, — заверил капитан. — Да, про какие это Боровичи вам Гаврилович напомнил?

— В Белоруссии это было. Тогда нечто похожее произошло, мы тоже запись движения танковой колонны запустили.

— А-а, понятно. — И, уже отходя, капитан добавил: — Не везет вам со мной — второй раз поехал с вами и снова в передрагу попали.

— Ну что вы, товарищ капитан. Как раз повезло нам. Все живы и машина цела. Мы с вами всегда готовы, как пионеры.

— Спасибо! — искренне проговорил Марсин и пошел докладывать начальству.

А Боровичи Морозов запомнил. Ловко тогда обманули фрицев. Когда наши войска стремительно ринулись в глубь Белоруссии, сокрушив оборону гитлеровцев, позади наступающих войск создался настоящий слоеный пирог: многочисленные «котлы» окруженных немецких соединений, частей. Некоторые из них пытались пробиться на запад, собирались в лесах мелкими и крупными группами разбитые батальоны и полки немцев и тоже ломились на запад.

Они тогда довольно беспечно катили на МГУ — фронт передвинулся вперед на пятьдесят километров. Иван Лотяну всю дорогу пел песни на молдавском языке. Да и у всех было приподнятое настроение: наступали! Гнали фрицев с белорусской земли. Особенно волновался Гаврилович: его деревня была километрах в тридцати от их маршрута, но свернуть к ней они не имели права.

Да и как можно было остаться равнодушным, когда весь путь полон свидетельств разгрома немцев: сожженные танки, самоходки, раздавленные или брошенные орудия, сожженные или раздавленные автомашины, мощные дизельные грузовики, штабные автобусы, офицерские легковые...

На выезде из леса к МГУ неожиданно бросился ефрейтор:

— Куда прете? Фрицы там! Давайте назад!

— Какие фрицы? — открыл дверцу Морозов.

— Много, товарищ старший лейтенант, — сбавил голос ефрейтор. — На нас идут. Вертайте, пока не поздно. С километр им осталось.

— Ну, время еще есть, тем более в лесу, — успокоительно проговорил Морозов, вылезая из машины. — Вас-то много тут.

— Рота, человек пятьдесят, не боле. — Ефрейтор топтался на месте, не зная, как быть с упрямым старшим лейтенантом.

— А командир где?

— Тут рядом!

Рота залегла, поспешно роя окопчики на самой кромке леса. Ее командир — неторопливый, основательный человек лет под пятьдесят — встретил Морозова не очень приветливо.

— Чего не послушался ефрейтора? — недовольно спросил он. — Был бы на танке, в ноги бы тебе поклонился. Или хоть заваливающую пушчонку бы имел. Смотри, сколько их? — показал он рукой. — А пропустить не могу, сзади медсанбат. Послал уже к ним, чтобы подальше убирались.

Действительно, в километре от окраины леса впереди них на дорогу выдавливалась нестройная колонна гитлеровцев.

— До батальона уже, а еще не конец колонне, — утрюмо проговорил командир роты. — Так что давай, старший лейтенант, вместе с медсанбатом.

Морозов не удивился готовности командира роты принять неравный и определенно тяжкий бой.

Он уже пошел к МГУ, увидев, что Иван Лотяну развернул ее, и вдруг остановился, снова вернулся к командиру роты:

— Знаешь что, командир, я попробую фрицев на испуг взять.

— Ты? Как?

— В общем, через пару минут услышите наши танки, фрицы тоже услышат. Не вздумайте в атаку идти. Ну, а если на фрицев не подействует, тогда извини.

Он бегом вернулся к машине и крикнул Гавриловичу:

— Якуб, запускай запись танковой колонны! — и пошел назад посмотреть, что из этого получится.

Через несколько минут сзади него так естественно раздались звуки подходящей к ним танковой колонны. Они нарастали — громче и громче, казалось, еще немного, и танки вырвутся из леса позади навстречу гитлеровцам.

Передние ряды немцев остановились. Вот вся их колонна затопталась на месте, и потом они ринулись снова под спасительный покров леса. Они уже испытали на себе, что такое советские танки. Скоро вся орда исчезла в лесу.

— Ну, молодец! — восторженно закричал командир роты. — Прямо гора с плеч. Не имел я, понимаешь, прав пропустить их. А теперь скоро батальон подойдет, тогда мы сами на них двинемся. Но все-таки пока ты обожди!..

В МГУ были записи движения танков, самоходок, артиллерии и пехоты, когда ясно слышалось дружное шарканье сотен ног, позвякивание котелков и прочей солдатской амуниции. Эти записи не раз использовали, чтобы ввести немцев и их разведку в заблуждение при передислокации наших войск, создать видимость сосредоточения наших частей в стороне от направления главного удара.

Вот об этой записи движения танковой колонны и припомнил Гаврилович здесь в Маньчжурии. К месту припомнил.

4

Из типографии вышел начальник ее Коль.

— А, Морозов, здорово! Ну, скажу тебе, сачка сегодня мне подбросили.

— Кого?

— Да Анисимова, старшего лейтенанта. Не стал ничего делать, пока я ему сто граммов из НЗ не поставил. Я как-то при нем проговорился. Правда, потом он старался. Но к «американке» его так и не затащил. У меня, говорит, уши короче, чем у Королева.

— Какие уши?

— Я же тогда насчет осла пошутил, — с досадой продолжал Коль. — Памятливый товарищ. Да! Тебе пакет из госпиталя завезли. Такая курносенькая симпатичная сестрица сидела, Анисимов чуть под колеса санитарки не бросился.

— Давай письмо, — прервал его Морозов.

— Фу, черт, забыл! А, «ясно-море», сейчас принесу.

Николай Королев, узнав от Морозова о стычке экипажа МГУ с бандой, расстроился чуть не до слез.

— А я все с пленными возжусь, — сокрушался он. — Ну что за народ? Как из-под одного штампа сделаны. Поговоришь с кем — жили хуже некуда, а в ту же дуду: «Воля его величества...», «Плен—».

величайший позор...», «Не могу знать...», «Господин унтер-офицер, господин поручик приказал...» Правда, кое-какие полезные факты получаем, но мало. Вон капитан Зотов с железными нервами человека, так и он иногда скучным становится.

— Так никого интересного и не встретили?

— Есть там один, тайным коммунистом представился. А когда я его спросил, кто такие коммунисты, только и ответил: «Это те, кто против его величества». Представляешь? Ну еще ефрейтор Сэн-да, о котором я тебе говорил. По всему он самый умный среди них. И человек думающий.

— Ничего, Николай, война еще не кончилась. А вообще-то мы не штурмовая группа, по штату нам бой не положен.

— А капитан Марсин как?

— Представь себе, держался молодцом. А митингует вообще здорово.

— Против японцев он меня не заменит.

— Ладно, не ревнуй. Мы еще и с тобой поедем.

— Спасибо на добром слове. Пойду переводить трофейные документы. Тоже, скажу тебе, занятие не из веселых. Да и в письменном языке я не силен, — поскуцнев, закончил Королев.

Подсосенко все мялся, вроде что-то хотел сказать и не решался. Он все-таки чувствовал себя виноватым.

— Ну что у тебя, Федотович? — спросил Морозов.

— Да я тут узнал, — чуть помялся он, — госпиталь теперь всего в пяти километрах от нас.

— Вас понял... — Морозов решительно поднялся. — Пойду к майору, отпрошусь на часик.

— Так я обожду.

Майор Марштейн возражать не стал.

Капитан Марсин уже рассказал ему о стычке с бандой и особенно отметил действия командира МГУ.

— Поезжайте. Сколько времени вам надо?

— Примерно час, — несколько смущенно ответил Морозов.

— Час?.. Пока доедете да разыщите. Думаю, два часа вам хватит?

— Спасибо, товарищ майор.

— Только на этот раз без стрельбы. Вы вроде специально са-мураев ищите.

— Это не мы, — отшутился Морозов, — это капитан Марсин.

— Да? Ну как он?

— Воин!

— Вот не подозревал. А я, признаюсь, считал его кабинетным ученым. Тем лучше. Теперь пошлю его поближе к фронту. Да, извините, конечно, но как старший по возрасту: у вас в госпитале серьезно или увлечение?

— Серьезно! — убежденно ответил Морозов.

— Тогда желаю успеха!

Гаврилович засобиравался по привычке с ними, но Морозов оставил его. Он даже хотел оставить и Подсосенко, сам сесть за руль, но водитель категорически запротестовал:

— Не обижайся, старшой, но я в жизни никому руля не отдавал. Машина, как и жена, на прокат не сдается. Невелик труд.

— Тогда поехали. Думал, чтобы отдохнул ты побольше.

— Я солдат, к тому же молодой, — подчеркнул Подсосенко. — А молодому чего отдыхать?

Веронику разыскивать на этот раз не пришлось. Едва МГУ оста-

новились неподалеку от санитарных машин, как она выскочила из палатки и бегом помчалась к ним.

— Але-ша! — крикнула она, ни на кого не обращая внимания. — Але-еша! — Рывком открыла дверцу и припала лицом к его коленям: — Я знала, что ты приедешь. Знала! Знала!

— Ну что ты, Ника, — растерялся Морозов. — Успокойся. Видишь, жив-здоров.

— Вижу! — она подняла на него глаза, полные слез. — Вижу! Пойдем! — потащила она его за руку.

Подсосенко тоже вышел из кабины.

— Разрешите, товарищ старший лейтенант, — официально обратился он, — я к шоферам знакомым схожу.

— К агентам своим? Давай. Ника, познакомься: Подсосенко Степан Федотович, — представил шофера Веронике Морозов. — Мастер вождения, меткий стрелок и твой поклонник. Вчера он рекомендовал мне держаться за тебя обеими руками.

— Вот как? — Вероника подошла к Подсосенко и поцеловала его в щеку. — Спасибо, вы хороший человек.

— Да чего уж там. Правду сказал. — Подсосенко растерялся, хмыкнул: — Я пошел!..

Вероника прижалась лицом к плечу Алексея.

— Я вправду, Алеша, знала, что ты приедешь. Знала, и все. С обеда на дорогу посматривала. У нас сейчас всех тяжелых эвакуировали, остались легкораненые. У тебя много времени?

Морозов посмотрел на часы:

— Час и двадцать минут.

— Опять так мало? — огорченно проговорила она.

— Служба.

— Я понимаю. А почему ты мне не написал про бой с диверсантами? И вообще почти не пишешь? Мне медсестра Тося приносит газету и говорит: «По-моему, это твой!» Я как увидела, даже голова закружилась. У-у, противный! Я в тот же день газету маме твоей послала. На снимке ты сердитый. А вот ваш младший лейтенант — тот геройски получился. Алеша, я так соскучилась...

К машине приближался пожилой, плотного телосложения майор.

— Наш главный хирург, — шепотом сказала Вероника. — В хирургии бог, умница.

— Извините, старший лейтенант, — протянул Алексею руку майор в ответ на его приветствие. — Очень любопытная у вас машина. В первый раз вижу. Надо полагать, с радио связана?

— Мощная громкоговорящая установка. Для агитации на войска и население противника.

— Весьма любопытно.

— Познакомьтесь, Олег Владимирович, это мой самый большой и единственный друг.

— Алексей Морозов!

Майор внимательно посмотрел на него из-под густых с проседью бровей.

— Единственный друг... Раньше я полагал, что в госпитале у вас тоже есть друзья. Я понимаю, что вы хотели сказать. Сейчас забыли или стесняются произносить хорошие русские слова: суженый, нареченный, жених... Последнее наиболее категоричное. Вам какое из них больше нравится, старший лейтенант?

— Я за категоричность, — ответил Морозов, чувствуя, как Вероника сжала его руку.

Поздравляю. Вы сделали хороший выбор. Вероника Сергеев-

на прекрасный специалист. Мы все ее любим, а я, признаться, без нее как без рук. Не вздумайте умыкнуть ее до конца войны. Ни за что не отпущу. Сегодня у нас полегче. Госпиталь, особенно медсанбат, лучше всякого барометра реагируют на перемену погоды на фронте. Могу смело утверждать — наши взяли Муданьцзян; основной поток раненых шел оттуда. Судя по отметине на вашем лице, вы фронтовик.

— Да, довелось.

— Древние говорили: шрамы—украшение воина, свидетельство его доблести. Немецкие бурши в свое время гордились шрамами от рапир. Но вам, видно, операцию сделали в спешке.

— Да, — неохотно ответил Морозов. — Длинная очередь тогда была к хирургам. Не до красоты было.

— После войны прошу к нам, сделаем пластическую операцию. Гарантирую, почти никаких следов не останется на лице.

— Спасибо, — поблагодарил Морозов, — но меня шрам не беспокоит.

— Все равно приходите. Да, скажите, ваша машина музыку тоже передает?

— Она все может.

— Очень прошу, сообразите что-нибудь для раненых. Это же лучшая психотерапия. Да вы ведь сами были госпитальным пациентом. Я понимаю, вам сейчас не до этого, но...

— Сейчас сообразим, — со вздохом согласился Морозов. — Репертуар у нас ограниченный. С чего начать?..

— «На сопках Маньчжурии», — подсказал подошедший Подсосенко.

— Очень будет к месту, — согласился главный хирург.

— Пойдем, Ника, будешь у меня за оператора. Поработаем немного.

Они зашли в машину. Подсосенко развернул ее динамиками в сторону палаток. Морозов включил и прогрел аппаратуру. Разыскав пластинку, он поставил ее и опустил адаптер.

— Ну вот послушаем, — сказал он Веронике, усаживая ее рядом и тут же стал целовать ее.

— Обожди, Алеша, — мягко отстранилась она. — Давай послушаем.

Над госпитальными палатками и дальше по долине понеслись мягкие грустные звуки старинного вальса. И всем в госпитале, всем, кто высыпал из палаток наружу, вальс напомнил, что они пролили кровь не зря. Они сейчас находятся на той земле, где когда-то сражались и умирали их деды.

Морозов, чувствуя тепло прижавшейся к нему Вероники, тоже унесся мыслями к безвестным героям Цусимы и Порт-Артура.

Теперь что-нибудь веселое, — сказала Вероника, когда пластинка закончилась.

— Найдем!

Из репродукторов понеслась веселая шутливая песенка о молдаванке-партизанке.

Вероника счастливо улыбалась.

— Спасибо тебе, Алеша!

— За что?

— За категоричность. Я такая счастливая сейчас. Не отпустила бы тебя до утра. Но хочу не так. Я не девочка, но хочу, чтобы все было торжественно и на всю жизнь запомнилось. Так хочется быть с тобой — уже жалобным тоном закончила она.

Снова закончилась пластинка...

Когда они вышли из машины, Вероника пожаловалась:

— Голова кружится и ноги не идут.

Около палаток прямо на земле сидели раненые.

— Дорогие товарищи, — шутливо раскланялся с ними Морозов. — Концерт окончен. Главные номера программы у нас только для самураев.

— Приезжайте еще. Я бы на вашем месте вовсе не уезжал отсюда, — под общий смех сказал из толпы чей-то густой бас.

— Пойдемте, поужинаете с нами, — пригласил Морозова главный хирург.

— Ладно, — махнул рукой Морозов. — Только не обижайтесь — ненадолго. Пошли, Федотович, пожужим, раз приглашают.

— То можно, — Подсосенко заглушил мотор.

В штабной палатке за накрытым столом старшим был главный хирург.

— Сегодня, друзья, — сказал он, — мы можем разрешить себе один тост. В старину это называли бы помолвкой нашей Вероники Сергеевны. За нареченных!..

Вероника долго стояла у дороги и смотрела им вслед, пока МГУ не скрылась за поворотом.

Глава восьмая

1

Первым во дворе их встретил Коль.

— Все, Морозов, кончаются мои муки, — сказал он. — Завтра с утра переезжаем в Муданьцзян. Там типография есть. Разбили наши самураев вдрызг. До самого Харбина теперь не остановятся.

Дорога на Муданьцзян являла собой картину полного разгрома японцев. Николай Королев и Подсосенко впервые видели такое. Раздавленные танками орудия, сожженные, опрокинутые или просто брошенные автомашины. Штабные автобусы и вокруг них, точно опавшие листья, землю густо устилали желтоватые листы штабных документов с непонятными письменами. Тут же какое-то тряпье, разбитые ящики, мешки, банки, рассыпанные снаряды. И вдоль обочин еще лежали трупы японцев, в галяне видны были раздувшиеся павшие лошади, над ними роились мухи.

— Ну, ну! — протянул Подсосенко. — Здорово их тут, а?

— Танкисты по их колонне ударили, — определил Морозов.

Такое видеть ему уже доводилось. Только в Белоруссии у поверженного врага была другая форма, и техники побитой побольше.

— А вот этих, — показал он рукой, — что кучнее лежат, — наверное, «катушей» накрыли. Знакомая картина.

— Да... — крутанул головой Подсосенко. — Это не в гражданскую. За все поживаемся.

Муданьцзян оказался городом, разделенным на две части: в одной жили китайцы, и тут лишь в центре немного домов выглядело современно, а остальные — море лачуг, фанз — типичное пристанище бедноты. В японской части города, где жили оккупанты, аккуратные каменные дома, чистые улицы. К городу прилегал большой железнодорожный узел, который наша авиация вывела из строя в первый же день войны. Вообще целой оказалась лишь китайская часть города. Мост через реку Муданьцзян тоже носил следы боев.

В последний день боев смертники пытались уничтожить мост, одновременно подорвав себя.

Капитан Зотов уже подобрал помещение — какое-то конторское здание. А хозяйство лейтенанта Коля сразу направилось к городской типографии, которая действительно оказалась почти не поврежденной. Майор Марштейн ушел докладывать начальству. Вернувшись, он собрал подчиненных, рассказал об успешных действиях армии, продолжавшей стремительно развигивать наступление.

— Работы у нас прибавилось, — сказал он. — Надо помочь командованию наладить жизнь в городе. Предстоит провести разъяснительную работу среди жителей города. Командование озабочено и судьбой японской части населения. Японцев в городе не осталось — все бежали. Женщины, старики, дети. Японские воики бросили их на произвол судьбы. Если мы им не поможем — они погибнут. Надо составить листовки, обращенные к гражданским лицам японской национальности. Мы попросим авиаторов разбросать их вдоль дорог, в сопках. Далеко беженцы уйти не могли. Уточним обстановку с разведчиками, и тогда, старший лейтенант Морозов, поработает ваш экипаж. Мы обязаны спасти беженцев, — подчеркнул он. — К тому же будем откровенны: китайцы их ненавидят. Эта естественная ненависть может принять довольно уродливые формы. Пока все на обед. Старший лейтенант Морозов, задержитесь.

Майор поднялся из-за стола, подошел к Морозову.

— Вы были друзья с лейтенантом Дорониным?

— Так точно.

— Он погиб. Вчера.

— Не может быть! — побледнел Морозов.

— К сожалению, правда. Полчаса назад позвонил старшина фотограф. Они были вместе. Может рассказать подробнее.

— Но, ведь, Доронин... Он должен был написать книгу. Ему нельзя было...

Майор помолчал и раздумчиво-сочувственно сказал:

— Сколько задуманного погубила война, сколько планов разрушила. Понимаете, Алексей Михайлович, каждый, кто погиб на войне, должен был что-то свершить. Один написать книгу, другой построить дом, третий вспахать и засеять поле. Каждый... Максим Горький еще в тридцатые годы писал, не ручаюсь за точность, но смысл его мысли такой — хотя и утверждают, что война рождает героев, но она еще больше уничтожает их.

— Доронин действительно был геройский парень, — горестно проговорил Морозов.

Майор устало вздохнул и прошел к столу.

— А сами вы будьте поосторожнее. Этой ночью диверсанты напали на медсанбат. Убили врача-хирурга, несколько медсестер ранены. Это в тылу. Дикие звери — напали на медиков, раненых... Может быть, попросить автоматчиков для охраны? Розыск беженцев — задание небезопасное.

— Не надо, — ответил Морозов. — Обойдемся сами. Разрешите идти?..

Майор как-то спокойно рассуждал о гибели Доронина. Но он же его почти не знал. А знал ли Алексей своего друга по-настоящему? Ну хотя бы о его прошлой, довоенной жизни. Почти ничего. Доронин умел дотошно расспрашивать других, но был скуп на рассказы о себе. Как же это случилось?

Морозов отправился в редакцию газеты. Убитый горем фотограф был занят печальным делом — паковал вещи лейтенанта.

— Лейтенант упрости редактора послать его в Муданьцзян. И меня с собой взял, — рассказывал сержант. — Там жарко пришлось. Я так оробел поначалу, хотя виду старался не показывать. А лейтенант... Он отчаянный был. Все вперед. Наши уже мост через речку взяли, в самом городе бой шел. Ну и мы туда... Он мне говорил: «Ты, Максим, не пистолет в руках держи, а камеру. Стрелять и без тебя кому есть. Ты воинов увековечить должен». Ну вот так и добрались до взвода, который дом штурмовал. Самураи там крепко засели, никак к ним не подойти... Тут вскорости командира взвода ранили. Да... А Доронин мне: «Работай, Максим, работай!»

Потом из двери палка с белым флагом показалась. Наши перестали стрелять, раз самураи сдаваться решили. В дверях японский офицер появился, палку с белым флагом он держал. Стоит и ждет. Наши тоже. Тогда лейтенант поднялся и говорит: «Ну раз никто, так я пойду. Давай, Максим, увековечь и меня!»

И пошел. А тот гад улыбается. А когда лейтенант подошел, выхватил пистолет и в упор его... Только и наши его сразу изрешетили... А тут самоходки подошли, и самураев тех под развалинами погребли. Вот так! — закончил он и с минуту молчал. — Я успел его снять. До смерти за секунду...

Морозов тяжело вздохнул, посмотрел на туго набитую сумку Доронина и пошел к редактору. Тот сидел, наклонясь над еще сырыми полосами.

— Разрешите, товарищ подполковник?

— Если коротко, пожалуйста. А если разговор долгий, то прошу чуть позже, — показал он рукой на полосы.

— Я был другом лейтенанта Доронина. Мы вместе с ним были.

Подполковник поднялся.

— Понятно. Первая потеря в нашей редакции, — тяжело проговорил он. — У нас общее горе. И ведь не хотел я посылать его.

— Война, товарищ подполковник, а лейтенант всегда стремился быть впереди. Я не задержу вас. У меня небольшая просьба.

— Я слушаю.

— Лейтенант Доронин вел записи. Не о себе — о других. Он собирался написать книгу.

— Признаюсь, не знал. Он недавно ведь у нас.

— Я очень прошу вас, — стараясь говорить убедительнее, продолжал Морозов. — Отправьте домой только личные бумаги, письма, публикации. А остальные его записи передайте тому, кто может писать. Или сохраните для архива. Поверьте, они потом очень пригодятся. И... когда и где его похоронят?

Подполковник внимательно посмотрел на Морозова.

— Спасибо вам, старший лейтенант, — твердо проговорил он. — Мы ведь не знали, что он собирается книгу писать. Что-нибудь придумаем. Похоронили его здесь, в Муданьцзяне, сегодня. Я посылал туда своего заместителя.

«Даже на похоронах не сумел быть», — горько подумал Морозов.

2

Как ни парадоксально, но пока майор Марштейн и его подчиненные ломали головы над тем, как спасти от гибели бежавших в сопки жителей японской части Муданьцзяна, в Токио были озабо-

чены другим. Уже в первый день вступления Советского Союза в войну против Японии в Токио стало ясно, что Квантунская армия не оправдает возложенных на нее надежд. Ее командование быстро утеряло управление войсками.

12 августа американское правительство ответило на заявление японского премьера Судзуки о том, что Япония готова обсудить требования Потсдамской декларации при условии, что «эта декларация не содержит требований, ущемляющих прерогативы императора как суверенного правителя Японии». В американском ответе сообщалось: «С момента капитуляции власть императора будет подчинена верховному командующему союзных держав. Конечная форма правления в Японии будет установлена свободно выраженной волей народа».

Японские правящие круги поняли: американцы вовсе не против сохранения императорского строя. Но военщина, боясь возмездия, требовала продолжать войну до последнего солдата. Заговорщики из военного министерства и офицеры штаба первой гвардейской дивизии при помощи подложного приказа, заняли императорский дворец. К утру 15 августа заговор был подавлен, а его зачинщикам военное командование рекомендовало покончить самоубийством. В тот же день правительство сообщило о капитуляции империи. В эдикте императора говорилось о том, что Япония капитулирует «вынеся невыносимое», но народ должен утешиться тем, что «удалось сохранить и защитить национальный государственный строй».

— Официально, майор, нам ничего не известно. Война продолжается. Будем ждать указаний, — сказал майору Марштейну член Военного совета, когда тот доложил о радиоперехвате императорского эдикта. Да и приказа им официального, как я полагаю, не было еще?

— Судя по радиоперехвату, в Токио была попытка военного путча. Не исключено, что и среди квантунских вояк могут найтись такие же ретивые. Но для агитации среди противника это сообщение мы пустим в ход, — ответил майор.

— Добро. А наступать будем продолжать. Завтра двинется мощный подвижной отряд на Харбин. В этот город первой должна войти наша армия. Прикомандируйте двух офицеров порасторопнее, они могут понадобиться.

Приказ отправиться в подвижной отряд капитан Зотов принял спокойно, а младший лейтенант Королев откровенно обрадовался.

Он и Зотов вместе с другими политотдельцами ехали в середине колонны. Танки, самоходки, бронетранспортеры, реактивные минометы, артиллерия на механической тяге — все двигалось, неудержимо стремилось вперед. Колонне не было ни конца ни края. Непрерывно поддерживалась связь с авиацией, готовой расчистить путь колонне сокрушающими ударами с воздуха.

Колонна подняла такое облако густой пыли, что водитель машины Зотова был вынужден включить фары: нарушать дистанцию никому права не было дано. Уже через час одежда стала серой, на лицах живым блеском сверкали только глаза.

— Хоть противогаз надевай, — сказал Николай.

— Терпи, казак, — невозмутимо ответил Зотов.

Колонна вкатывалась на перевал, и стало немного чище. Впереди лежала такая же падь, как и те, которых они немало уже встретили на маньчжурской земле. Разве что особенностью этой

пади была железнодорожная колея на невысокой насыпи, она то шла почти рядом с дорогой, то отдалялась от нее.

— Перекусить бы не мешало, — сказал майор из политотдела, когда их «виллис», следуя за идущей впереди машиной, спустился со склона. — Да и умыться. О, вроде бы мои моления услышаны.

Было видно, как впереди машины уже остановились, скоро стала и вся колонна. От головных машин понеслась, как эстафета, команда: «Глуши моторы!» Прижимаясь к обочине, оттуда вдоль колонны шла легковая открытая автомашина. Ее пассажир — офицер, держась за ветровое стекло, передавал какой-то приказ или о чем-то спрашивал. Вскоре машина поравнялась с ними.

— Где тут офицеры майора Марштейна? — спросил офицер.

— Здесь, — крикнул капитан Зотов.

— Быстрее ко мне в машину!

Зотов и Королев пересели к нему, машина развернулась и помчалась к голове колонны.

— Что случилось? — спросил Зотов.

— Ха! Парламентеры японские заявили. С белыми флагами.

Действительно, в голове колонны стоял японский штабной «ниссан» с двумя белыми полотнищами, укрепленными по бокам ветрового стекла. Поблизости находилась группа наших офицеров, и рядом с ними японский полковник, еще два японских офицера и какой-то японец в полувоенной форме. Капитан Зотов поискал глазами командира подвижного отряда генерала Максимова. Около него находился и начальник политотдела армии.

— Значит, так, капитан, — нетерпеливо сказал генерал, пресекая попытку Зотова представиться по всей форме. — Насколько мы разобрались, это офицеры из штаба пятой японской армии. Той, которую мы расколошматили в Муданьцзяне. Их штаб сейчас в Хэньдаохэцзы. Мне с ними разговоры разводить некогда. Возьмите с собой четырех офицеров и отправляйтесь в их штаб. Пусть складывают оружие; в помощь вам подошлем роту. Договоритесь и их официальных представителей доставьте в Муданьцзян. Капитуляцию от них примет командующий.

В мгновение ока у капитана Зотова оказался «додж» и в нем четыре офицера. Полугражданский японец перевел слова советского генерала своим начальникам. Те молча поклонились, выражая согласие. «Ниссан» с трудом развернулся и покатил к Хэньдаохэцзы.

— Держись за ними, — приказал капитан Зотов водителю. — Только в самую пыль не лезь. Ну как, славяне, — обернулся он к офицерам, вместе с которыми сидел и Королев, — приходилось быть парламентарями? Нет? Мне тоже. Но держитесь так, будто это для вас обычное дело. И запомните этот день — внукам потом рассказывать будете.

А колонна, загудев моторами, снова двинулась вперед. На Харбин!

3

Минут через сорок показалась станция. Два состава пустых товарных вагонов, замерший паровоз. Потянулись нищие хибары китайцев, затем подкатили к приземистому серому зданию японского штаба.

Королев с любопытством смотрел на все вокруг. Все здесь виде-

лось ему чужим, даже небо показалось не таким, каким оно было, когда они ехали в общей колонне. Было странно видеть так много людей в чужой форме и с оружием в руках. Заметно, что и японцы испытывали острое любопытство к советским офицерам, но старались этого не показать.

— Шарахнет какой-нибудь сумасшедший самурай гранатой и прощай молодая жизнь, — невесело пошутил один из прикомандированных офицеров.

— Неудачная у вас шутка, — не оборачиваясь, прервал его капитан Зотов. — Самое лучшее, если вы помолчите.

К ним подошел японец-переводчик и, поклонившись, сказал:

— Просим любезно пройти в этот садик, — показал он на сквер около штаба. — Вам подадут умыться. Сейчас доложат его превосходительству генерал-майору Ковагоэ, и он примет вас.

— Пошли! — сказал Зотов и пояснил: — Генерал — начальник штаба их пятой армии.

В садике два японских солдата с неподвижно-каменными лицами подали им кувшины с водой и полотенца. Когда все умылись и сели на скамью, Зотов, посмотрев на серьезные лица остальных, сказал: «Закуривай!»

Не успели они докурить, как к ним подошел тот полковник, что сидел в «ниссане», а с ним еще один. Полковники представились: один из них был начальником оперативного, другой — разведывательного отделов.

— Его превосходительство скоро примет вас, — произнес оперативник. Разведчик молча и внимательно рассматривал их, словно хотел запомнить на всю жизнь.

— Присаживайтесь с нами! — пригласил капитан и переводчик передал его слова полковникам. Те охотно присели.

«О чем капитан будет с ними говорить, — думал Королев. — Что он им скажет?»

К его удивлению, капитан начал жаловаться на жару, на пыльные дороги, и японцы вежливо поддерживали этот нейтральный разговор. Одну из фраз переводчик передал неточно, и полковник-разведчик буркнул: «Переводи точнее!»

— Тогда, господин полковник, может быть, мы обойдемся без него, — произнес по-японски капитан Зотов. — Вы на каком языке предпочитаете говорить — на русском или японском?

— Са... — не скрыв удивления японец. — Я это... говорю по-русски плохо.

— Не скромничайте, полковник, в школе Накано русский язык поставлен хорошо.

А... понимаю, вы мой коллега. Разведчик?

— Да нет.

— Вы... — протянул полковник, растягивая русские слова, — что... политический работнику, да? Коммунист?

Николай Королев слушал разговор, не замечая даже, — по-русски или по-японски произносились фразы. Остальные офицеры не знали, чему тут следует удивляться: тому, что японец говорит по-русски, или тому, как их капитан ловко шпарит по-японски.

Капитан заметил поблизости офицеров и солдат, прислушивающихся к разговору, повысил голос:

Надо было раньше капитулировать, сколько ваших подчиненных сохранили бы жизни. Признайтесь, вы уже через два дня потеряли управление своими частями.

Полковник резко выпрямился:

— Мы не капитулировали. Мы сложили оружие по приказу его величества.

— Не вижу никакой разницы, — с улыбкой заметил капитан Зотов.

— Воля его величества — закон для каждого подданного. Никто из нас не имеет права обсуждать его действия.

— Пусть так, — возразил капитан, — но те обстоятельства, в которых находится ваша армия...

— Его превосходительство приглашает вас! — прервал капитана японский поручик, незаметно появившийся перед ними.

— Пошли! — поднялся Зотов.

Генерал-майор Ковагоэ оказался щуплым человеком, похожим чем-то на подростка, если бы не седая щетина волос и потемневшее лицо с резкими морщинами. Он встретил советских представителей в просторной комнате, вдоль стен которой стояли столы. За ними плотно уселись офицеры штаба. Капитана Зотова и других советских офицеров усадили за отдельный стол напротив генерала.

Капитан решил не тянуть время. Едва все уселись за стол, он поднялся и произнес:

— Господин генерал! Господа офицеры! Я не уполномочен обсуждать какие-либо дополнительные условия капитуляции вашего штаба и гарнизона. Мне приказано доставить командование вашей армии к нашему командующему в Муданьцзян. Могу подтвердить еще раз заявление советского командования, что всем сдавшимся в плен гарантирована жизнь, безопасность, раненым будет оказана медицинская помощь. Офицеры могут сохранить холодное оружие. Что касается местного гарнизона, то оружие должно быть сдано организованно нашей воинской части, которая скоро прибудет сюда. Части вашего гарнизона должны находиться в казармах и ожидать дальнейшего распоряжения советского командования. У меня все!

Заявление капитана было категорическим. Невозмутимый вид японцев не мог скрыть, как тяжело им было, какой это удар по их самолюбию.

Генерал встал и чуть напыщенно произнес:

— Офицеры и все воины нашей армии выполняют свой долг, предписанный волей его величества. Но должен заметить, господин советский капитан заблуждается, когда говорит о капитуляции. Такого термина нет в императорской армии. Мы сложили оружие по приказу его величества. Господина командующего его превосходительства генерал-лейтенанта Симидзу сейчас в гарнизоне нет. К вашему командующему поеду я.

Капитан Зотов снова поднялся:

— Извините, господин генерал, но не будем обсуждать тонкости лексики. Очень желательно отправиться к нашему командующему возможно быстрее. И захватите оперативную карту с дислокацией вашей армии на сегодня. Чтобы сложить оружие можно было оперативно. Надо исключить любые эксцессы.

Генерал-майор Ковагоэ, пошевелив губами, с извинительной ноткой в голосе ответил:

— К сожалению, мы не имеем связи с некоторыми частями и не знаем их местоположения. Со мной поедет мой заместитель, начальник оперативного отдела и переводчик. С остальными предложениями господина капитана я согласен. Прошу только немного задержаться. Попробуйте нашей пищи перед отъездом.

— Генерал предлагает нам перекусить, — тихо сказал своим офицерам Зотов. — Отказаться — невежливо будет. Согласны?

Все дружно закивали головами, любопытствуя, что же едят японцы.

Мгновенно в комнате появились солдаты с подносами, уставленными тарелками и маленькими чашечками. Николай Королев и остальные недоуменно смотрели на то, что лежало перед ними. Знаком им был только рис. И с не меньшим недоумением вертели в руках хаши — палочки для еды; на всех пятерых оказалась только одна вилка, ее, ухмыльнувшись, захватил пожилой старший лейтенант.

«За что же будут пить? — попытался догадаться Королев, когда солдаты стали наливать сакэ в чашечки. — Вот ребус. Как капитан решит его?»

Неприятно было чувствовать за своей спиной японского солдата, который наливал сакэ. Королев бросал взгляды на японских офицеров, на их генерала, которые еще, очевидно, не вполне осознали, что это последние минуты их власти. Сама их императорская армия — уже бывшая армия, переставшая существовать.

Его мысли прервал голос генерала:

— Я предлагаю тост за здоровье наших гостей — доблестных офицеров Советской Армии.

Все молча выпили. Королев пытался подцепить палочками что-либо из тарелки, получилось плохо, и он не без зависти смотрел на то, как его сосед японец ловко орудовал хаши. Трое наших мучались, как и он, и только старший лейтенант деловито орудовал вилок. Но капитан Зотов управлялся палочками не хуже, чем вилок.

Капитан поднялся и поднял чашечку:

— Я предлагаю тост за то, чтобы ваша страна быстрее прекратила бессмысленное сопротивление и тем уменьшила количество ненужных жертв!

Едва японцы опорожнили чашечки, как с места вскочил полковник и закричал:

— Если бы не эдикт его величества, мы бы сражались до конца!

Капитан Зотов спокойно прервал японца:

— Господин генерал, — проговорил он твердо. — Пора ехать. Каждый час промедления приносит новые жертвы.

— Да, да, — буркнул генерал. — Господа офицеры, вы свободны. Надеюсь, вы выполните свой долг!

4

Они снова вышли в садик, ожидая генерала.

— Чего они так боятся слова «капитуляция», ведь капитулировали же, — спросил капитана Королев. — Какая разница?

— Соображать надо, — сказал Зотов. — Хитро задумано. Императорская армия непобедима, на этом они своих солдат оболванивали. А тут вдруг капитуляция непобедимой. Вот они и подсовывают вариант: армия не капитулировала, а сложила оружие по приказу императора. Уже сейчас в будущее смотрят. Хитрецы! Но мы поможем пленным разобраться, капитулировала их армия или нет.

— Фу, черт, — поскреб в затылке Королев, — а я, признаться, не разобрался. А где вы так с хаши научились управляться? В Японии?

Капитан улыбнулся:

— Дома тренировался. Раз изучаешь страну, язык ее народа, надо и этому учиться. О, уже генерал показался. Поехали!

До Муданьцзяна они добирались долго. Встречный поток советских войск отжимал «ниссан» на обочину. Генерал и его спутники вынуждены были глотать пыль, поднятую советскими машинами. Но они сидели с каменными лицами, положив руки на эфесы сабель. Казалось, они не видели потока могучей техники и боевых машин, который двигался им навстречу.

Когда «ниссан» остановился у штаба армии, Зотов командовал Королеву:

— Лейтенант, доложи майору Марштейну. Я их сам доставлю к командующему.

Королеву очень не хотелось уходить, хотя бы краем уха услышать ход переговоров. Но...

— Значит, начали капитулировать, — довольно хмыкнул майор Марштейн, с интересом слушая Королеву. — Очень хорошо, у капитана Зотова вам есть чему поучиться. В лагерях они разберутся, капитулировали они или нет. И прав капитан — мы им в этом поможем. Поможем... Ну, теперь самое время взяться за беженцев. Морозов сейчас уточняет у оперативников и разведчиков обстановку, а вы, кровь из носу, добудьте диктора-японца. У вас, несомненно, токийское произношение, но... В общем, действуйте! Завтра утром начнете, — и он пожал руку Королеву.

Королев с нетерпением ждал капитана Зотова. Было обидно, что не пришлось присутствовать при таких важных переговорах. Когда капитан Зотов появился, он бросился к нему:

— Ну, как там, товарищ капитан?

Зотов довольно улыбался.

— Полный порядок. Вскоре доставили и командующего их армии генерал-лейтенанта Симидзу. Поначалу он тоже бубнил насчет того, что они не капитулировали. Но генерал Белобородов так логично его прижал, что как не вертелся Симидзу, а вынужден был признать: капитулировали.

А потом разоткровенничался. Оказывается, они никак не ожидали, что наша армия столь быстро пройдет через горы, тайгу и болота. Они считали их непроходимыми. Поэтому их штаб вскоре потерял управление войсками. Симидзу сообщил, что его армия потеряла две трети личного состава, около сорока тысяч человек. Сопrotивляться они были уже не в состоянии, хотя надеялись удержать Муданьцзян. Вот тебе и «не капитулировали».

— Да, какую силу сломили! — горячо проговорил Королев. — Теперь они долго приходиться в себя будут.

— Поживем — увидим. Пошли спать, пока есть возможность. Боюсь, что дальше недосып у нас будет большой, — рассмеялся капитан...

5

Ефрейтор Сэнда Васиро мучительно раздумывал все эти дни. Пленных прибавилось изрядно, но во взаимоотношениях между ними ничего не изменилось. Плен оказался не страшен, не так ужасен, как об этом предупреждали солдат в армии. Сэнда даже удивляло добродушие солдат охраны. Никто из них не ударил ни одного пленного, голоса не поднял до крика. Ничего оскорбительного. Просто удивительно. Ведь в императорской армии безнаказанно били даже своих: старшие по званию младших, старослужащие новобранцев. И никто этим не возмущался — так было всегда. А здесь,

в плену, никто их пальцем не тронул. Чем это объяснить? В чем причина? Значит, их обманывали, когда говорили, что русские пытаются и расстреливают пленных. Да, обманывали. А если бы солдаты знали правду, возможно, их было бы в плену гораздо больше...

Но они ничего не знают и все полягут. Все! Тайфун смерти пройдет по его стране, оставляя трупы. Япония исчезнет, острова постепенно заселят пришельцы из других стран — не пустовать же благодатной, прекрасной земле. Пройдут годы и постепенно люди забудут, что жил такой народ — японцы. Ведь в истории так бывало. Ну кто сейчас помнит, как до прихода испанцев назывались Филиппинские острова? А ведь на них веками жил народ, который дал этим островам свое название.

Почему божественные предки отвернулись от нас? Очевидно, в тех, кому его величество поручил править страной, вселились магацухи — злые духи, населяющие мир тьмы. Ведь даже сам бог Идзанаги был вынужден спастись от сонма ведьм.

Подобные рассуждения доводили ефрейтора бывшей императорской армии до того, что он был готов покончить с собой.

Поэтому и к появлению Королева ефрейтор отнесся безразлично. Он покорно пошел за советским офицером в кабинет, в котором беседовали с ним уже не раз.

«Странный человек этот офицер, — размышлял Сэнда, садясь на стул. — Неужели ему не понятно, что мне абсолютно безразлично — останутся в живых еще несколько сот моих соотечественников или нет. Почему это его так заботит? А, понятно... Японские солдаты сопротивляются, и русские несут потери. Он беспокоится о своих. Никуда я с ним не поеду, пусть делает, что хочет — не поеду».

— Значит, вы, ефрейтор, не желаете поехать с нами? — спросил Королев.

— Нет, господин офицер.

— Вы плохой верноподданный своего императора, хотя раньше считали себя таким.

— Да. Я оказался недостойным — попал в плен.

— Я не об этом. Скажите, если бы предоставилась возможность исполнить волю вашего императора, вы бы сделали это?

— Да, — ни секунды не медля, ответил Сэнда.

— Мы предоставим вам такую возможность.

— Извините, — растерялся ефрейтор, — я не понимаю вас. Что мы имеем в виду?

Королев поднялся из-за стола, за ним вскочил и Сэнда, лихорадочно соображая, что именно потребует от него этот офицер.

— Слушайте меня внимательно, — проговорил Королев. — 15 августа ваш император издал эдикт о принятии условия Потсдамской декларации, другими словами о капитуляции Японии.

— Этого не может быть! — хрипло вымолвил Сэнда.

— Так и есть. Капитулировал уже штаб вашей пятой армии, и сам привез сюда, к командующему генерал-майора Ковагоэ и других офицеров штаба. Я был в вашем штабе.

Голова у Сэнды закружилась, он схватился руками за край стола..

Значит... Значит, война закончилась. Простите, вы не обманываете меня, господин офицер?

— Повторяю, формально война закончилась.

— Са... — выпрямился Сэнда. — Тогда зачем же я вам нужен.

Садитесь! — присел и сам Королев. — Да, эдикт император издал. Некоторые ваши генералы и офицеры начали выполнять его

волю, но нашлись и такие, которые продолжают бессмысленное сопротивление. Губят своих солдат. Понимаете — губят ваших соотечественников. У Советской Армии достаточно сил, чтобы огнем разгромить их... Понимаете?

Королев помолчал, давая возможность собеседнику осмыслить сказанное им.

— Но не это главное, — продолжал он. — Из Муданьцзяна и поселков колонистов в сопки бежали все японцы: старики, дети, женщины. Они там уже несколько дней, наверное, без еды. Ваше командование покинуло их на произвол судьбы. Но мы не можем допустить гибели этих людей. Может быть, вам это непонятно, но мы не можем отнестись равнодушно к их судьбе.

Ваш долг: вместе с нами спасти их. Вашему голосу, голосу их соотечественника, они поверят. Подумайте, я зайду сюда через полчаса. А пока вот вам эдикт вашего императора.

Королев положил на стол запись императорского эдикта и вышел.

Сэнда впился глазами в листы, быстро пробежал глазами текст до конца, затем начал перечитывать вновь медленно, стараясь осмыслить каждую фразу и каждое слово,

Совершенно правильно: продолжение войны — это гибель всей нации. Только надо было раньше, раньше. Очевидно, его советники убеждали, что могут выиграть войну. Безумцы! Безумцы, начавшие эту войну слишком рано, не развив промышленного потенциала, не покончив с Китаем. Понадеялись на Гитлера. Обманулись сами...

«...Мы предостерегаем вас от опасности... ущерба, который может быть нанесен безрассудной горячностью или благодаря разобщению среди наших соотечественников». А разве не об этом говорил ему советский офицер? Но почему они не хотят подчиниться? Возможно, боятся ответственности? Боятся достойно уйти из жизни?

Тупые и недалекие вояки. Они опаснее бешеных собак.

Как странно. Советский офицер беспокоится о судьбе японских женщин и детей. Разве может теперь Сэнда отказаться от его предложения? Каждая спасенная жизнь ребенка — жизнь будущего верноподданного его величества. Каждая женщина — мать будущих верноподданных. Тех, кто сможет позже возродить величие империи в еще большем блеске...

Когда Королев вошел в комнату, Сэнда Васиро вытянулся по стойке смирно:

— Я готов ехать с вами, господин офицер! Я понял, это мой долг.

Королев внимательно посмотрел на него. Невысокого роста, худощавый, в кургузом кителе с узкими погончиками поперек плечей японец держался торжественно.

— Мне безразличны ваши побуждения: важно спасти женщин и детей. Учтите, возможно, придется обратиться и к солдатам: ваше командование потеряло связь с некоторыми частями и подразделениями. Будьте готовы и к этому.

— Слушаюсь!

— И еще одно запомните: читать будете по текстам. Ни одного своего слова, или я сразу же выключу микрофон. Вы поняли?

— Так точно!

— Выезжаем завтра утром. Наш маршрут Муданьцзян — Хэнь-даохэцзы. Там капитулировал штаб вашей армии, он имеет связь с частями, которые находятся западнее. Сайонара!

Сэнда Васиро согнулся в почтительном поклоне. Он впервые за

много дней чувствовал сейчас себя уверенно. Наконец забрезжил луч надежды. Его величество поступил мудро.

Сэнда теперь смотрел на других военнопленных снисходительно, с чувством превосходства. Тупые, недалекие люди. Но они нужны. Кто-то должен же стоять у станков, доменных печей, водить железнодорожные составы, плавать на кораблях, выращивать рис. Их руки необходимы. И они — отцы будущих солдат; солдат, которые в свое время сотрут позор поражения. Сэнда вернется в Токио на свое место и, возможно, займет более высокий пост. С его выводами и анализами придется считаться. Ведь он оказался прав, теперь все в этом убедились. Да, он имеет возможность сделать карьеру. Помогут ему и те гонения, которым он подвергся. Хвала богам — он остался жив.

Глава девятая

1

Утром Королев представил Сэнда майору Марштейну. Тот задал пленному несколько вопросов, сказал:

— Ну что ж, раз он сам добровольно согласился, попробуйте. Лучше, конечно бы, офицера, но, как говорят, на безголорье... Найдем кого получше — пришлем. Счастливого пути, — подал Королеву руку.

Командир МГУ довольно скептически посмотрел на щуплого японца.

— Это тот «неподдающийся»? — спросил он с сомнением. — Чем же ты его убедил?

— Дал прочесть эдикт их императора.

— А-а... Значит, волю своего бога исполняет. Ничего, в плену безбожником еще станет. С немцами такое бывало. Давай его в машину. Точек у нас много, за день вряд ли управимся. Гаврилович! Продукты взял? Тогда тронулись!..

Через час, когда солнце уже начало изрядно пригревать, Морозов, посмотрев на карту, приказал остановиться.

— Начнем! Развернуть машину динамиками вон на ту падь, — показал он рукой.

Сэнда, волнуясь, взял в руки текст эдикта. Рядом с такой же бумагой сидел советский офицер. Вот он махнул рукой, и Сэнда начал:

— Чуи! Чуи! — Внимание! Внимание! Офицеры и солдаты императорской армии! Гражданские японцы! Прослушайте эдикт императора Японии о капитуляции!..

Японец старался читать четко, медленно, и его голос понесся в сопки, порождая эхо. Закончив читать эдикт, Сэнда прочитал обращение советского командования. Если бы он мог сам что-нибудь добавить, то сказал бы, что обещание сохранить всем жизнь, гуманное обращение, он, ефрейтор императорской армии, может засвидетельствовать.

Сделав перерыв, они повторили передачу и вышли из машины. Королев протянул японцу сигарету.

— Вы хорошо читаете. Только в конце торопитесь.

— Спасибо. Я исправлюсь.

Они прождали с полчаса, но ни из пади, ни из поросших лесом сопки никто не вышел на их призыв.

— Пустой номер, — решил Морозов. — Это как рыбу из реки ловить. Поехали дальше.

— Да... — разочарованно согласился Королев. — Начало неважное.

— Не расстраивайся. Они, конечно, все ушли далеко. Тут мы для контроля поработали, — успокоил его Морозов. — Еще нахлопочемся с ними.

И действительно, на третьей точке из лесу показались четыре солдата и унтер-офицер. Они вышли только тогда, когда весь экипаж показался из машины,

— Ну вот, — удовлетворенно проговорил Морозов. — Первые ласточки.

Подсосенко хмыкнул и полез в кабину, было слышно, как он клацнул затвором карабина. Морозов кивнул в его сторону:

— Страхуетя Федотович. Чудак, они из-за деревьев с большим успехом нас перещелкали бы.

Как выяснил Королев, двое солдат были оставлены в засаде, трое остальных пристали к ним позже. Они уже видели японский «ниссан» с белыми флагами, но к нашим колоннам выйти побоялись, а одиночные машины здесь не останавливались.

— Что делать будем с ними? — недоумевал Королев.

— Что делать? — Морозов посмотрел на японцев. — Проще простого. Пусть винтовки оставят, повесят на палку полотенце и идут прямо в Муданьцзян. Не катать же их с собой.

— А может,ждемся попуток?

— Много времени потеряем. Командуй!

Сэнда удивленно смотрел, как русские отправили пленных одних, без конвоя, и его соотечественники словно обрадовались, оставив винтовки. Они получили ясный и четкий приказ. И если бы Сэнда знал русский язык, то понял бы слова водителя машины, созвучные его собственным мыслям:

— Определенно обрадовались самураи. Живыми остались...

Только на шестой остановке они нашли то, что искали. Из узкой ложины показалась толпа человек в пятьдесят; женщины медленно шли, неся детишек за спиной, вели их за руки. Некоторые мужчины опирались на палки.

— Ну, наконец-то. Теперь дело пойдет.

Морозов удовлетворенно взъерошил волосы, потом поправил фуражку и застегнул воротничок.

Вдруг со склона сопки у самого начала ложины раздался выстрел, и толпа мгновенно исчезла в зарослях, словно растворилась. Это произошло неожиданно, и было настолько нелепо, что какое-то мгновение все молчали, продолжая смотреть туда, где недавно были видны люди.

— Да кто же это в них? — спросил Королев.

— Какой-то сумасшедший самурай, не иначе! — отозвался Морозов.

— А может, и китаец. У них люди всякие есть, — подал голос Подсосенко.

Со склона сопки снова раздался выстрел.

— Надо им объяснить, — быстро проговорил Королев. — Заводите, я сам. Надо им сказать, что это не мы стреляем, не русские. Пусть осторожнее идут к нам,

— Давай! — согласился начальник МГУ.

Из динамиков понесся взволнованный голос Королева. Только сейчас Сэнда понял, какой огромной мощью обладает эта машина, в

кузове он этого не ощущал. Сэнда все еще не мог толком разобраться, что же там произошло, кто стреляет.

Королев вышел из кузова, вытирая потное лицо.

— Та-ак! — протянул Морозов. — Что делать будем, славяне?

— Надо его встретить. Пропустить беженок и встретить! — ответил за всех Королев.

— Я тоже так думаю! — согласился Морозов. — Подсосенко, сдай машину назад. Ты остаешься в машине. Николай, объясни японцу, чтобы он встретил здесь беженок и успокоил их. И вперед сам не рвись. Замаскируйся и жди, пока самурай не покажется. Бей наверняка, иначе он снова скроется. Не появится, через полчаса иди назад. В тайге его все равно не найдешь. Пошли!..

Сэнда наконец понял, что произошло. Стрелял по женщинам их же соотечественник. Но ведь он, как и беженки, слышал эдикт императора. Значит, воля его величества для этого безумца не закон? Преступник! И тут до него дошло: русские офицеры пошли защищать японок от японца. А он, японец, вынужден только наблюдать. Гнев и ярость охватили ефрейтора. В неизвестном бандите для него воплотились сейчас все зло, все виновники этой войны.

Он подбежал к кузову, схватил «арисаку», передернул затвор, загал патрон в патронник и, пригнувшись, ринулся к сопке, маскируясь за кустами.

— Стой! Куда ты! — только и успел крикнуть Гаврилович.

Начавший сдавать машину Подсосенко притормозил.

— Самурай убег!

Водитель, схватив карабин, стал на подножку и начал ловить о прицел фигурку Сэнды. Но задержался с выстрелом. Японец бежал не туда, куда пошли Морозов и Королев, он свернул в сторону от этого направления. Выстрел от машины напугал бы беженок да и Морозову с Королевым мог помешать.

Подсосенко снова сел в кабину. На этот раз ослушаться приказа командира он не посмел. «Черт с ним, с японцем, — подумал он, — вместо одного полный кузов можем привезти...»

2

После разгрома банды Цумуры Араки скитался один. По ночам он прокрадывался к деревням, ломал початки кукурузы, воровал овощи — голод донимал его днем и ночью. Он петлял в одном и том же районе, все еще не теряя надежды на контрнаступление Квантунской армии. Да и уйти в неизвестный район он не мог, рискуя напороться на русских или на китайскую самоохрану деревень. И чувствовал, как слабеют его силы. Временами ему стало казаться, что он теряет рассудок, живет в каком-то нереальном мире, полном разных видений.

Но вчера слабая надежда на возвращение японских войск рухнула окончательно: по дороге, за которой он временами наблюдал, навстречу колонне русских войск проехала японская штабная автомашина с белыми флагами у ветрового стекла. В машине сидели какие-то важные военные чины.

Сердце у него оборвалось: свершилось невероятное, невозможное — императорская армия сдается русским в плен. Араки даже протер глаза, думая, что это какое-то видение, но «ниссан», держась обочины, все так же неспешно катил по дороге. И боги не испепелили их, не поразили молниями. Солнце светило, как обычно, и соп-

ки не сдвинулись с места, не раздавили тех, кто ехал под белыми флагами. Он даже поднял винтовку, чтобы поразить хоть одного отступника, стать для них карающим мечом, но одумался. За любого из этих в «ниссане» ему могли отомстить русские, он, Араки, не в силах уйти от их гнева. Он долго смотрел вслед машине с белыми флагами, пока та не скрылась в облаках пыли.

Потом Араки, не таясь, спустился в лощину, где тек говорливый ручеек, и долго, жадно пил студеную, до ломоты в зубах, воду.

Вытерев лицо полой рубахи, он увидел свое отражение в воде и отшатнулся: на него смотрело заросшее, с запавшими щеками и с полубезумными глазами лицо, усеянное следами комариных укусов. «Значит, это я такой стал», — вяло подумал он.

Поднявшись с трудом на склон, Араки залег под деревом, на подстилке из листьев. Она служила ему постелью уже несколько дней. Он устал бояться зверя или человека и поэтому заснул долгим непробудным сном. Поздним утром Араки поел печеной кукурузы и лежал, не имея желания что-либо делать и куда-то идти. Просто лежал, стараясь не думать ни о чем. Да и мысли были какие-то вялые и незначительные. Почему-то ему вспомнилась лошадь, которую у него отобрал унтер-офицер. А чтобы он сделал с ней сейчас? Его бы задержали и снова отобрали лошадь.

Вдруг Араки явственно услышал человеческий голос, словно кто-то громко обращался к нему из-за ближайших кустов. Он вскочил на ноги, и голос стал еще яснее: «Внимание! Внимание!..»

Прислонившись к стволу ясеня, Араки прослушал эдикт императора и обращение русского командования. Потом этот же голос начал читать их снова. Араки стоял оглушенный, в висках стучали молотки, сплющивая его голову. Все рухнуло! Все! Значит, вчера на «ниссане» те ехали сдаваться не самовольно. Они останутся жить, ссылаясь на эдикт императора. А он, Араки? Ему подсчитают, сколько голов китайцев он срубил. До последней подсчитают, хотя он и сам уже не помнит, сколько их скатилось в могилы. А жена и дочери?! Все зачтут. Его не расстреляют, а повесят. Те же китайцы.

Эдикт его величества? Да нет, такого не может быть. Просто злые духи этих чужих гор наслали на него видение, очередной кошмар. Да и кто мог так громко говорить в лесу? Нечеловеческой силы голос. Такой голос может быть только у демонов.

Араки немного спустился по склону, чтобы увидеть дорогу и убедиться, что она пуста. Цепляясь за сук, он поднял голову. Ну вот, никого. Хотя нет, стоит какая-то машина с высоким кузовом и на ней трубы. Радио, — догадался он. Вот откуда такая сила голоса. Говорил кто-то из тех, кто стоит у машины. Жаль далеко, стрелять бессмысленно. Но, может, они подъедут ближе? К кому же они обращались? Неужели к нему, Араки?

Он повернул голову и тут увидел, что с противоположного склона лощины спускаются люди, направляясь к машине. Значит, вот к кому обращались те — из машины. Это не его, Араки, а беженцев они выманивают из сопки. И те покорно идут. Они тоже будут оправдываться эдиктом императора. И будут жить. Жить! А он — Араки? А его жена, дочери?..

Отчаяние и злоба неудержимо охватили Араки. Он поднял винтовку, положил ее на сук, прицелился и нажал на спусковой крючок.

Беженцев словно смыла волна. Напрасно он водил стволом винтовки, стараясь поймать новую цель. Вот что-то мелькнуло в кус-

тах, и снова грохнула «арисака» в его руках. Араки готов был перестрелять их всех. Он решил подойти поближе...

Сэнда Васиро крался в кустах, как кошка. Где-то здесь, между беженцами и бандитом, должны были пересечься их пути. Ярость придавала ему такую силу, что он мог бы, не переводя дыхания, перемахнуть через сопку. Послышался хруст валежника, и Сэнда затаился, держа винтовку наготове. Сверху горы по склону, не маскируясь, напролом через кустарник, пробирался какой-то оборванный мужчина с винтовкой в руке. Он опирался на нее, как на палку.

«Са... — удивился ефрейтор, — не солдат. Может, тоже беженец». Сэнда хотел окликнуть его, но тут неизвестный остановился, положил ствол винтовки на развилку деревца. Дуло «арисаки» чуть подрагивало, выискивая цель. Тогда ефрейтор бесшумно вскинул винтовку и выстрелил в бандита. Тот рухнул на траву, цепляясь за ветки. Винтовка его осталась висеть на ветвях.

Сэнда подошел и наклонился над убитым. «Какое страшное лицо, — подумал он, — наверное, сумасшедший». Он провел руками по трупам и нащупал на груди плотный пакет. Достав его, Сэнда не стал смотреть, что в нем; снял винтовку убитого с дерева, перебрал ее через плечо и двинулся назад.

Первым его заметил Подсосенко, когда Сэнда еще только выходил на дорогу.

— Сержант, — сказал он. — Крикни нашим, пусть возвращаются. Японец пристрелил бандита. Вон, идет с двумя винтовками.

Гаврилович вскинул бинокль к глазам:

— Точно — наш. И винтовки две. Как это он своего убить решился? Заводи мотор, я пойду покричу.

Вскоре по долине понеслось:

— Старшой! Младший лейтенант! Вертайтесь. Наш японец того ухлопал!

Сэнда подошел к машине, молча бросил винтовку в кузов и устало присел. С благодарностью принял самокрутку от Гавриловича и жадно закурил.

Почти одновременно показались Морозов и Королев.

— Это правда, что вы прикончили бандита? — спросил Королев.

Сэнда поднялся и молча протянул ему пакет. Тот развернул клеенку: в ней оказалась толстая пачка денег, какие-то бумаги и фотографии бравого унтер-офицера жандармерии с мечом в руках. На другом снимке этот же унтер-офицер, широко расставив ноги, стоял с поднятым мечом над связанным и поставленным на колени на краю ямы китайцем.

— Смотрите, — протянул он снимки Сэнды. — Хорош гусь был.

— Он был сумасшедший, — убежденно проговорил Сэнда, догадываясь, о чем идет речь. — Стрелять по своим женщинам и детям мог только сумасшедший.

— Да? — иронически переспросил Королев. — Но мы видели трупы женщин и детей, которых прикончили их мужья и отцы. Тоже сумасшедшие?

Японец промолчал. Он все еще переживал происшедшее.

— Передайте беженкам, чтобы шли к машине, опасности для них теперь нет, — скомандовал Морозов.

И они пришли, окружили машину, с опаской поглядывая на

русских. Их успокаивало то, что среди экипажа они увидели своего соотечественника — военного. Сэнда засвидетельствовал, что ничего плохого с беженками, их детьми и родителями не произойдет.

Беженок удалось отправить в Муданьцзян на попутных машинах. Когда последняя из них ушла, Морозов довольно произнес:

— Ну, братцы, на обед мы все-таки заработали. Давай, Федотович, остановимся где-нибудь на открытом месте около воды и пообедаем.

Еще дважды в этот день они находили беженцев, а когда начало темнеть, решили заночевать, подобрав подходящее место. Поездка их затягивалась.

Сэнда с острым интересом присматривался к русским. Его не переставала удивлять простота их в обращении друг к другу. Солдат-водитель запросто обращался к поручику, вступал в разговор с остальными как равный. И притом Сэнда понимал, что приказы командира машины выполняются беспрекословно. Но тот ни разу даже голоса не повысил на подчиненных, не подчеркнул ничем своего положения начальника. Даже ночью он отдежурил свои два часа, как и остальные. Станные порядки, словно это не армия, а какая-то большая семья, делающая одно дело. В душе ефрейтор признался, что это даже нравится ему. Но такое просто немыслимо было бы в императорской армии.

К концу дня Сэнда освоился, стал чувствовать себя свободнее. Он уже не напрягался, когда к нему обращался русский офицер, знающий японский язык. И ночь он проспал спокойно, только иногда просыпаясь, обычно в то время, когда очередной из экипажа становился на пост с автоматом в руках.

Утром, наспех позавтракав, они снова отправились в путь. Дорога была пустынной, ночная прохлада еще не покинула долину.

3

Навстречу им, приближаясь, показалось облачко пыли.

— Легковая бежит навстречь, — сказал Подсосенко Морозову. — А может, «санитарка». Жмет на всю железку.

Вскоре действительно на дороге показался силуэт легковой автомашины. Вот она приблизилась и стала резко замедлять ход. В машине сидели два офицера; один поднялся во весь свой рост и махал рукой, приказывая остановиться.

— Никак старший лейтенант Анисимов, — первым узнал его Подсосенко, притормаживая МГУ. — Случилось что?

Морозов открыл дверцу. Рядом с Анисимовым в машине сидел незнакомый ему капитан.

— Хорошо, что встретил вас, — проговорил обрадованно Анисимов. — Тут такое дело, ясно-море. Помочь людям надо.

— Да как ты оказался впереди нас? — удивился Морозов.

— Как, как? — нетерпеливо прервал его Анисимов. — Ночью проскочил мимо вас. А дело такое. Вот их батальон, — показал он на капитана, — японцев окружил. А те, ясно-море, не сдаются. Понимаешь?

— Пока не очень.

— Я капитан Новиков, — представился второй офицер. — Тут километров за пять мы блокировали японскую часть, примерно с батальон. Черт те знает откуда они появились. Со вчерашнего вечера друг против друга стоим. Мы бы их расколошматили, но, по-

нимаешь, старший лейтенант, не хочется людей терять. Война-то закончилась. Обидно будет. Связи у нас нет. Радист чего-то напортачил, вот еду авиацию просить — пусть их с землей смешают, А старший лейтенант...

— Да нельзя этого делать, — прервал его Анисимов. — Я бы сам к японцам пошел, только, ясно-море, я по-японски ни в зуб ногой. А тут на счастье вы... Вот я и сказал капитану — помогут... И авиацию не надо. Как думаешь?

— Понятно. Николай! — окликнул старший лейтенант Королева. — Слышал?

— Так точно.

— Поехали! Показывайте — куда!

...Командир батальона — скуластый жгуче-смуглый майор — встретил экипаж МГУ с плохо скрываемым сомнением.

— Ладно. Попробуйте уговорить их, — согласился он. — Только долго возиться с ними не будем. Наша дивизия уже, наверное, к Харбину подходит, а мы тут... Вчера они попробовали было сунуться, но мы их быстро в чувство привели. Я атаковать их не буду, — жестко продолжал майор. — Ни одного воина не отдам. Если не капитулируют, вызову авиацию, она, похоже, без работы уже.

— Скажите, товарищ майор, они ночью или утром не пытались прорваться? — спросил Королев.

— Нет!

— Мало это на них похоже.

— Возможно, и так. Ну и что? Ждать, пока они решатся на прорыв? Терять людей? За сотню их одного своего терять не хочу. Знаешь, сколько я смертей насмотрелся? До самого последнего дня каждого буду помнить.

Королев смутился. Что он по сравнению с этим майором, который — по орденским планкам видно — повоевал немало. Но все же он сказал:

— Нам командование приказало спасать беженцев и сообщать о капитуляции таким вот воякам. Они, наверное, даже не знают о капитуляции. И погибнут напрасно.

— Вот и выполняйте приказ, — угрюмо продолжал майор. — Я с сорок первого воюю, от самой границы отступал. Фрицы тоже живые были... И эти, чем лучше?.. Вон они на пупу зарылись, — показал он на сопку, одиноко торчавшую посреди пади.

— Достанем? — спросил Королев Морозова.

— Свободно, еще раза в два перекроем. Извините, — обратился Морозов к комбату, — как я понял, у вас рация из строя вышла?

— Да! — нехотя признался майор. — Такую рацию придали — до Хабаровска достает. А радист попался — олух царя небесного.

— Пусть ее мне покажут, может быть, я вам помогу.

— Вот за это спасибо! — оживился майор. — Я без связи, как в пустыне. Мы тогда быстро о поддержке договоримся. А то вот пришлось в штаб армии заместителя посылать.

— Начнем! — приказал Морозов экипажу. — Подсосенко, давай еще на метров сто влево и развернись вон на ту сопку.

Майор, офицеры и солдаты батальона с интересом смотрели, как громоздкая на вид машина осторожно разворачивалась, нацеливая раструбы динамиков в сторону засевших на сопке японцев.

«Самураев агитировать будут», — разнеслось по окопам. И комбату и всем было ясно, что, если бы он отдал приказ, как один, люди пошли бы в атаку на сумасшедших самураев, нежелающих капитулировать. И в то же время очень было бы несправедливо в такой

день умереть на жаркой маньчжурской земле. Умереть, когда судьба войны уже решена, когда советские войска уже одержали победу. Поэтому так близко к сердцу все приняли приезд этой машины.

Из МГУ понесся необыкновенной силы голос, от которого, казалось, пригибались трава и кусты.

— Сильная штука! — не удержавшись, сказал майор своему ординарцу.

Сэнда Васиро, которому Королев коротко рассказал об обстановке, старался как можно четче и яснее довести до заблуждающихся соотечественников эдикт императора. Потом он прочитал обращение советского командования.

Через пять минут МГУ повторила передачу.

— Обождем, — сказал Королев японцу, — пошли на воздух.

Около машины стоял майор и смотрел в бинокль на сопку. Рядом с ним было несколько офицеров, неподалеку Морозов копался в раскрытой панели радиации и слушал оправдания молоденького радиста.

Майор опустил бинокль и недовольно проговорил:

— Помогли нам твои речи, младший лейтенант, как мертвому припарка. Если через десять минут не появится хоть один солдат, отправляю капитана в штаб.

Прошло еще несколько минут полной тишины; тишины такой цельной, что было слышно стрекотание кузнечиков и карканье ворон, летевших над долиной. Поэтому все обернулись на резкие щелчки, с которыми Морозов закрыл панель радиации. Он повернул тумблеры, посмотрел на индикатор, повертел вариньер, и из динамика послышался свист.

— Товарищ майор, — официально доложил Морозов, — радиация в готовности!

— Вот спасибо, — обрадовался майор. — Сейчас свяжемся со штабом, раз самураи не одумались.

— Товарищ майор, — раздался голос Королева, — очень прошу, подождите еще немного. Ведь они не стреляли. Ни одного выстрела. Я сейчас сам к ним обращусь, скажу, что их ждет, если не сдадутся. Ну, пожалуйста, — почти с мольбой закончил он.

Майор посмотрел на молодое взволнованное лицо младшего лейтенанта. «А ведь этому симпатичному парню тоже не хочется помощи просить. Сам надеется справиться», — подумал он.

— Ладно! — майор махнул рукой. — Попробуй. Еще время есть, раз радиация заработала.

— Если никто из них не выйдет, я пойду к ним сам! — твердо проговорил Королев.

— Пока поговори с ними, а там посмотрим.

Королев направился в кузов машины, где Гаврилович уже подготовил аппаратуру. Он взял в руки микрофон и, сам удивляясь своему спокойствию, начал:

— Солдаты и офицеры императорской армии! К вам обращается советский офицер. Вы только что прослушали эдикт вашего императора об окончании войны. Теперь я расскажу вам, как происходит сдача в плен войск вашей армии на этом участке...

Королев рассказал о том, что в плен уже сдался штаб 5-й армии, ее командующий генерал-лейтенант Симидзу и начальник штаба генерал-майор Ковагоэ. Что часть, оказавшаяся на сопке, находится далеко в тылу советских войск и положение ее безнадежно, а сопротивление бессмысленно. Оно, это сопротивление, является теперь нарушением приказа командующего Квантунской армией

генерала Ямада. И, наконец, он сказал о том, что, если они не сдадутся в плен, вызванная авиация снесет сопку до основания. Закончил Королев тем, что предложил сам пойти к ним для переговоров. О согласии на это пусть дадут знать через пять минут двумя пулеметными очередями в воздух.

Положив микрофон, он устало вытер лоб и вышел из машины.

— Ну, что снова ждать будем? — спросил майор. — И долго ждать?

— Пять минут! — ответил Королев, не отрывая глаз от сопки.

— Ну-ну, — протянул майор.

Ровно через пять минут на сопке раздались две пулеметные очереди.

— Ну вот и дождались, — не скрывая досады, проговорил майор.

— Так точно, товарищ майор. Дождались, — облегченно вздохнул Королев. — Это они отвечают мне. Я сказал, что пойду к ним на переговоры, и, если они согласны, пусть дадут две пулеметных очереди. Пригрозить авиацией пришлось, — признался он.

— Силен! — проговорил майор.

— Младший лейтенант Королев! — официально вмешался Морозов. — Вы не имели права один принимать такое решение.

— Так получилось, командир, — виновато опустил голову Королев.

— Ладно! — примирительно сказал майор. — Теперь деваться некуда. Как же ты пойдешь и с кем? Об этом подумал?

— Да. Вот с ним, — показал Королев на японца.

— С ним? — удивился майор. — Впрочем, логично, своему они должны верить. Только вот чин у тебя, младший лейтенант, не авторитетен для парламентаря. Придется кого-нибудь из своих послать с тобой.

Вперед из группы офицеров вышел высоченный капитан.

— Я пойду, Михаил Иванович! Солидней меня по виду тут и не сыскать. Не обделила матушка-природа.

— Добро! — секунду подумав, согласился майор. — Он политработник, ты тоже. Давай! Но, если... если они хоть одного из вас... Ни одного живьем не выпущу. С этого и начинайте переговоры!

— Да уж ладно. Сами с усами, — добродушно согласился капитан. Вот уж никогда не думал, что под белым флагом придется идти.

Весь батальон напряженно следил, как трое — два советских офицера и пленный японец — с белым флагом на шесте спокойно двигались к сопке. И с еще большим напряжением следили за ними сотни глаз с поросших лесом склонов сопки. Что несут им эти трое — жизнь или смерть?

Парламентары остановились у подножия сопки; вскоре из зарослей подошли к ним трое японцев: подполковник и два поручика.

— Командир сводного отряда подполковник Исибаси! — представился старший по званию японец.

— Представитель советского командования капитан Никифоров! — прогудел капитан. — Надеюсь, вы поняли нашу передачу? Эдикт вашего императора об окончании войны и обращение советского командования?

Королев перевел его слова.

— Да! Но я не имею приказа о прекращении боевых действий. А ваша передача может оказаться просто пропагандой.

— Слово офицера! — произнес капитан.

— Вы офицер вражеской нам армии, — ответил японец.

— С нами ефрейтор вашей армии, он может подтвердить, что все это правда, — решительно вмешался Королев.

— Ефрейтор слишком мелкий чин, чтобы я считался с его мнением, — высокомерно ответил подполковник. — В императорской армии, к сожалению, тоже мог оказаться слабый духом...

— Если вы не сдадитесь — будете уничтожены все до одного. Мы вызовем авиацию и артиллерию. Наши солдаты даже из окопов не выйдут.

— Высший долг каждого воина императорской армии — умереть за его величество на поле боя, — продолжал подполковник.

Капитан весь налился краской, но сдерживался.

— Чего ему еще сказать? — спросил он у Королева.

— Господин подполковник, — Королев достал бумаги. — Вот текст эдикта вашего императора. Он точен.

Японец безразлично посмотрел на бумаги.

— Это же ваша запись? Она может быть ложной. Мне не верится, чтобы его величество...

— А все у вас так думают?

— Мои подчиненные, — снова напыжился подполковник, — думают, как я.

— О чем ты с ним говоришь? — нетерпеливо спросил капитан.

— Пытаюсь убедить его. Скажите, а можно пригласить кого-нибудь из них к рации? Пусть послушает, что в эфире тишина, ни одного японца.

— Давай!

— Господин подполковник, — произнес Королев. — Мы действуем так, чтобы сохранить жизнь ваших подчиненных, — других целей у нас нет. Есть у вас специалист по связи?

— В императорской армии есть любые специалисты, даже такие, каких в других армиях нет.

— Тем лучше, — с легкой иронией продолжал Королев. — Пошлите своего связиста с нами. Пусть он послушает по нашей рации, и, если услышит что-либо о продолжающейся войне, можете оставаться при своем мнении. Другого способа убедить вас мы не видим. Чтобы привезти сюда офицера штаба вашей армии из Муданьцзяна, потребуется значительное время. Вы согласны?

Подполковник задумался, его подчиненные напряженно следили за ним. По их бесстрастным лицам невозможно было понять, одобряют они действия своего начальника или нет.

— Согласен, — наконец выдал из себя подполковник. — Поручик, вы сумеете разобраться в русской рации? — спросил он одного из сопровождавших его.

— Так точно. Все рации мира делаются по сходному принципу,

— Пойдете вы. Я надеюсь на вас.

— Слушаюсь!

Королев переводил слова японцев капитану. Тот, выслушав их, решительным тоном сказал:

— Передай им, что, как только поручик вернется, через полчаса пусть начинают сдачу. Выходить повзводно под командой офицеров. Очередной взвод выходит, когда передний сложит оружие.

Подполковник выслушал перевод условий, изложенных капитаном, и буркнул:

— Я согласен.

Они возвращались вчетвером, и комбат с облегчением проговорил:

— Кажется, договорились до чего-то!

Узнав результат переговоров, он не стал возражать против прослушивания японцем их рации.

— Черт с ним, пусть послушает.

Морозов понял, что поручик действительно хороший специалист. Это было видно по тому, как быстро он разобрался в панели управления. Поручик напряженно прослушивал известные ему волны. Все молча смотрели на него.

— Та што он слушает! Пусть лучше на дорогу гляне! — раздался вдруг голос Гавриловича.

По дороге приближался взвод солдат под командованием подпоручика, рядом с ним шел солдат и нес палку с белым флагом. Сзади шагали два наших солдата-конвоира.

Королев тронул за плечо поручика и показал на дорогу. Японец приподнялся и, расширив глаза, смотрел на приближающихся пленных.

— Можно ему с тем офицером переговорить? — спросил Королев у майора.

— Пусть обнюхаются, — весело согласился тот. — Эти информированные, пусть выкладывают, что знают. Видал, какие смиренные идут?

— Вы можете переговорить с подпоручиком, — сказал Королев японцу и остался, чтобы не мешать их разговору.

Несколько минут между японцами шел скорый, торопливый разговор. Подпоручик кланялся, придерживая рукой эфес сабли, которую ему оставили.

Поручик вернулся подавленный. Он не стал больше подходить к рации.

— Господа офицеры, — не скрывая тяжести в голосе, проговорил он. — Вы сообщили нам правду.

— Вы так и передадите подполковнику?

— Да! — твердо ответил японец. — Наша гибель была бы бессмысленной.

Он пошел с этой вестью к своим. Такой одинокий и маленький на широком пространстве, разделявшем две враждующие стороны. Вот он подошел к сопке и скрылся в зарослях.

Через полчаса из зарослей показался первый взвод...

Когда все японцы вышли, замполит спросил Королева:

— А где тот надутый подполковник? Интересно посмотреть на него сейчас.

Королев только сейчас обратил внимание на то, что среди японских офицеров подполковника не оказалось. Он спросил о нем у поручика-связиста:

— Его благородие подполковник Исибаси, — с почтением в голосе ответил тот, — не перенес позора. Он застрелился.

— Тьфу, — плюнул, узнав об этом, капитан. — То-то он тянул, скорпион.

Построившись в длинную колонну, пленные под охраной автоматчиков вышли на жаркую пыль дороги и тронулись в путь.

— Спасибо, друзья, — жал руки экипажу МГУ комбат. — Помогли. Без единого выстрела. С меня причитается по доброй чарке. Сейчас сообразим. Пока батальон соберется, да и людей покормить надо... Прошу!

Они хорошо угостились в палатке комбата. Да и довольны все были искренне. Возня с запряжившимися было японцами окончилась благополучно.

Уже прощаясь, комбат протянул Королеву пистолет.

— Это тебе, младший лейтенант, на память. Личное оружие. Того подполковника.

— Что все хорошо кончилось — ладно, — сказал Морозов, отводя Королева в сторону. — Нашел выход. И с подарком тебя поздравляю. Но впредь помни, если ты еще раз вот так, сам... Ты мог же погибнуть запросто.

— Прости, старшой. Сам не знаю, как это получилось вот так. Честно скажу — малость растерялся, — искренне повинился Королев,

Глава десятая

1

До станции Хэньдаохэцзы добрались благополучно, но там долго ждали, пока удалось добыть платформу, на которую погрузили МГУ.

Николай Королев сводил друзей в тот скверик, где он и капитан Зотов разговаривали с японскими полковниками. Казармы японского гарнизона были пусты — пленных уже отправили в сборный лагерь под Муданьцзяном.

На станции они сдали ефрейтора Сэнда Васиро коменданту — он МГУ уже был не нужен. Королев на прощание довольно долго разговаривал с ним — благо было время. Сэнда Васиро уже убедился окончательно, что в плену с ним ничего ужасного не произойдет. Он даже жалел, что расстанется с этими русскими, к которым уже стал привыкать. ⁱ

— Должен вам сказать, Сэнда-сан, — заметил Королев, — вы допустили серьезную ошибку. Но, думаю, вы поймете ее сами. Время у вас теперь будет.

— Да, господин подпоручик, я понимаю — мне надо было раньше согласиться помочь вам. Вы оказались правы.

— Я не об этом. Ваша большая ошибка в том, что вы считали: Япония рано начала войну.

— Извините, но разве я не прав? Япония потерпела крах, она побеждена. Впервые в истории.

— Вы и сейчас ошибаетесь. Японии вообще не надо было начинать войну. Не надо было в прошлом, тем более недопустимо — в будущем. Я понимаю ход ваших мыслей: величие империи и прочее. Япония воевала долго. «Непобедимой» бывшая императорская армия считалась потому, что воевала она против слабых соседей, отсталых стран. Вы мне скажете: «А русско-японская война?» Да, Япония тогда победила. Но кого? Мы считаем, что поражение тогда понес прогнивший царский строй; русскому народу та война была не нужна и непонятна. А чем закончились попытки напасть на Советский Союз у Хасана и Халхин-Гола?..

— Извините, господин подпоручик, но... Россия в войне с немцами тоже сначала терпела поражение. Больше, чем императорская армия на Хасане...

— Вот вы как? — Королев внимательно посмотрел на японца. — Да, нам пришлось тяжело, на нас напали вероломно, как всегда поступают агрессоры. Кстати, в прошлую войну Япония тоже напала без объявления войны, вероломно. Излюбленный прием ваших милитаристов. Но я сейчас хочу сказать о другом. Ваша страна долго воевала. А результат? Ну, захватили Тайвань, Корею, оккупировали большую часть Китая. И что же? Ваш народ стал жить луч-

ше? Легче стало рабочим и крестьянам? Нет! И вы отлично знаете об этом. Разве я не прав?

— Япония, господин подпоручик, — упрямо настаивал на своем японец, — начала эту войну, чтобы создать «Великую азиатскую сферу взаимного процветания». «Взаимного», господин подпоручик. Империалисты Америки, Англии и других стран веками держали в рабстве народы Азии, и нам, японцам, богами поручено освободить их. К сожалению, мы не смогли, рано начали...

— Да... — Королев достал сигарету, закурил, предложил и японцу. — Значит, освободить народы Азии? Почему же эти народы восстали против японских «освободителей»? Увидели, что кроется за такими вот красивыми словами? Вот эту самую землю, — обвел он рукой вокруг, — вы оккупировали еще в тридцать первом году. А как живет народ этой страны? Смотреть страшно. Вот так, Сэнда-сан. Я не собираюсь вас переубеждать сейчас. Но вы сами еще над этим задумаетесь не раз. В лагерях военнопленных вы, я уверен, услышите такие же мысли от своих соотечественников. Тех, кто до армии стоял у станков, сеял рис, ткал ткани. Они вам объяснят, нужна ли им была эта война и хотят ли они новой войны. А за помощь спасибо. Желаю вам здоровым вернуться домой и встретить семью.

— Спасибо, спасибо, — закланялся японец. — Вы были ко мне добры, а я только исполнил свой долг. Я расскажу всем о том, что видел. Как вы спасли наших женщин и детей... Я никогда в жизни не возьму оружие против вас, — неожиданно для себя закончил Сэнда Васиро.

— Ну это уже кое-что, — улыбнулся Королев. — Сайонара!..

— О чем ты это дискуссировал с японцем? — спросил Королева Морозов.

— Да так... О разном. О войне и мире...

— Ну и как твоя агитация? Подействовала?

— Сомневаюсь. Мусора у него в голове под самую завязку. Но все равно рано или поздно, а и до них дойдет.

— Ты так думаешь?

— Уверен!

— Ну, ну...

Поезд, половина которого составлял порожняк, мчался мимо станций иногда с полурусскими названиями вроде «Верахэцзы». Харбин все ждали с нетерпением. Тем более что с продуктами было туговато.

На некоторых платформах ехали японцы, большей частью женщины с детьми и старики. Они собирались группами, жались один к другому. Сидели молча, безразлично поглядывая на убегающие назад леса и поля, деревушки, могильники. Даже дети вели себя настороженно, никто не решался отойти от матери.

— Интересно, зачем они-то едут в Харбин? — спросил Морозов.

Королев с готовностью откликнулся:

— Сейчас спрошу. Самому интересно узнать.

— Ты, Николай, правильно меня пойми, — продолжал Морозов, догадываясь о побудительных причинах такой готовности Королева. — Вот говорят: «Победителей не судят». Не очень верно это. Случалось и судили, если победа неоправданно большой крови стоила. И храбрость оправданной должна быть. Знаешь, по началу войны как случилось? Выскочит храбрец командир первым из окопа: «За

мной!» А так только в крайнем случае можно. Ему же боем надо руководить, а не лихость свою показывать. Его ухлопают, подчиненные останутся без командира и такие потери понесут... А в твоём случае?.. Там же комбат главным был, а не ты. Он за всех за нас головой отвечал. Так как же ты без его согласия сам все решал? Ему ведь и деваться-то некуда было.

Королев понимал справедливость слов старшего лейтенанта и стоял, краснея от ушей до затылка. Морозову Николай верил, как старшему брату, которого он хотел бы иметь.

— Учту, старшой. Ей-богу, растерялся... Запомню!

— Ладно, забудем. Ну, иди!

Вернулся Подсосенко, который ходил поискать на других платформах земляков.

— Куда это младший лейтенант подался? Там наших нет.

— Пошел узнать, куда японцы едут.

— А-а... Дело ясное. Я тут поговорил с нашими. Понимаешь, какое дело, старшой... Ну, у нас ежели кто, к примеру, чемодан с барахлом в часть приволокнет, то свободно может под трибунал пойти. Приказ-то строгий — все знают. А китайцы... Они их голыми свободно оставят. А то и прикончить могут... Вот и бегут японцы туда, где наших поболее. Под охрану, значит.

— Может, и так, — раздумчиво согласился Морозов. — Тут такая нищета кругом — смотреть страшно. Ненависть у китайцев к японцам страшная накопилась...

— Так-то оно так, — не то соглашаясь, не то возражая, продолжал Подсосенко. — Только скажу я так: у бабы или дитенка последнее отбирать неже.

— Тут ты прав, — согласился Морозов. — Чего ты еще узнал, дед-всевед?

Подсосенко пожал плечами, достал пачку коричневых японских сигарет из маньчжурского табака. Прикурив и закашлявшись до слез, тихо хохотнул:

— Тут, понимаешь, история случилась: и смех и грех. Вон там, — кивнул он в голову состава, — пятеро солдатиков деньги получили китайские. И на прошлой станции один стал колбасу торговать. Красная такая колбаса, как покрашенная. Взял солдатик колбасу и смотрит. А китайка разбитная такая, зубы скалит. Засомневался солдатик, спрашивает, из чего, дескать, они эту колбасу производят? Ну, конечно, все плечами только пожали. Солдатик ни слова по-китайски, она — по-русски ни бе ни ме. Тогда, знача, солдатик эдак громко произносит: «Му-у!» А китайка головой завертела — нет, дескать. «Мэ-э!» Тоже — нет. «Бэ-э!» — опять же никакого результата. Думал-думал солдатик и тонко так заржал: «Иго-го!», а она все — нет. «Гав! Гав!» — тут уж китайка головой закивала — да! Солдатик сунул ей колбасу назад. Даже деньги назад не вернул.

— Признайся, — улыбнулся Морозов, — насчет «Гав! Гав!» сам придумал.

— Придумал, — охотно подтвердил Подсосенко. — До «Гав! Гав!» не дошли. Только, думаю, конь, он любой скотины почище. Я бы, право слово, от конины не отказался.

— Что-то ты, Федотович, разговорчивый стал?

Подсосенко посерьезнел, несколько раз затянулся едким дымом.

— Войне конец пришел, товарищ старший лейтенант. Такой войне конец. Ведь с сорок первого... Не во мне, конечно, дело. У всех тут, — он приложил руку к своей бочкообразной груди, — отпустило.

Живыми вернемся. Да и ведь дело какое справили! Какую вражью силу наземь повергли! Неужто забудут такое?

— Нет, не забудут, — сказал Морозов, проникаясь серьезностью пожилого водителя. — А кто попытается забыть — напомним. Напомним! — жестко закончил он.

Из кузова МГУ, потягиваясь, выбрался Гаврилович:

— Где мы? — сонно спросил он.

— Если от Харбина смотреть, то чуть в стороне и левее, — ответил Морозов.

— Как левее?

— А если отсюда смотреть, то правее.

— А-а, — заулыбался сержант, — все понятно. Эх, бараболи бы раздобыть.

— Часа два потерпи, Якуб, — посоветовал Морозов. — Майор Марштейн нам такую бараболню может преподнести — больше суток опаздываем.

— Так мы разве виноватые, што столько беженцев в сопки позабылись? И опять же самураи, к которым младший лейтенант под белым флагом ходил. А платформу сколько дожидались? А где младший лейтенант? — спросил он затем у Подсосенко.

— Пошел японских гейш тебе искать, спишь много.

— Ну да? Мне гейши ни на фиг. А когда же и поспать? Вот голову под заклад отдам, запряжет нас майор, аж задубеем.

— Оно может свободно так случица, — согласился Подсосенко, кидая окурок за борт платформы. — Пойду-ка и я завалюсь до того Харбина.

Но водитель задержался, увидев Королева, который шел уже к ним.

— Ну что? — спросил у него Морозов.

— Сначала мялись, а потом признались: боятся они китайцев,

• боятся быть в малом числе. Едут в Харбин и на Чанчунь. Я спросил одну женщину посмелее, не боятся ли они русских? Знаешь, что она ответила? Русские офицеры, говорит, добрые, а солдаты хорошо поют. Вот так. Даже песня агитирует. А вообще представляешь ее положение: едет она с тремя детьми в Харбин, там у нее никого. Муж работал в депо на станции Эхо, призвали его в армию два года назад и погиб в Бирме. Муж похоронен в неведомой ей Бирме, а она с детьми на маньчжурской земле. Остальная родня в Японии, да она не знает — живы ли.

— Да... — протянул задумчиво Якуб, — чиво война прокляту-щая с людьми сделала. У нас тоже многие друг дружку искать будут. Только наш Союз поболее места на земле занимает, чем от той Бирмы до Японии.

Вот и Харбин! Состав прошел мимо вокзала и стал около грузовой площадки, отсюда была видна часть городской улицы. Туда-сюда сновали китайцы, наши военные и русские в гражданской одежде.

— Неужто белогвардейцев так много? — удивился Подсосенко.

— В Харбине русских вообще много, — пояснил Королев. — Есть белоэмигранты, есть и такие, кто еще до революции тут поселился, когда КВЖД строили. Обзавелись люди домами, хозяйством, барахлом разным, ну и свыклись.

— Все одно вроде другой народ, — возразил Подсосенко. — Да разве мыслимо родную землю на барахло променять?

— Сложное время было: революция, гражданская война. Ты что думаешь: в колчаковской армии солдатами одни буржуи да дворяне были?

— Так то ж когда было? Не все тогда до сознания дошли, темных много было, — не сдавался Подсосенко.

— А эти светлее, да? — Королев кивнул в сторону улицы. — Конечно, есть среди них такие, кто не рад нам, знает кошка, чье мясо съела. И враги есть, к нам через границу с маузерами пробивались, перед японцами выслуживались.

— Ну ладно, вы без меня тут заканчивайте дискуссию, — сказал Морозов, надевая фуражку. — Я пойду к коменданту. Отгрузитесь и ждите на перроне.

Они успели сгрузить машину, сложить имущество в кузов прежде, чем вернулся их командир. Морозов чему-то улыбался и, оглядев экипаж, сообщил:

— Разговаривал с майором. Поинтересовался, не отправили ли мы кого в госпиталь. И цела ли машина. Сейчас примчится сюда старший лейтенант Анисимов, проконвоирует нас до места.

Старший лейтенант Анисимов прибыл на трофейном мотоцикле с коляской, которым правил молодой китаец с маузером в деревянной кобуре на боку. Согнутые ноги старшего лейтенанта коленями чуть не касались подбородка. Он довольно ловко выкарабкался из тесной для него коляски и радостно загудел:

— Здорово, орлы! Где это вы, ясно-море, застряли? Майор вас еще вчера ждал.

— А кто нас самураев агитировать послал? Не твоя ли милость? — сказал, пожав ему руку, Морозов. — Почти сутки в Хэнь-даохэцзы погрузки дожидались.

— Это ты майору объяснишь. Давайте за мной. Только ты старина, — обратился он к Подсосенко, — учти: здесь левостороннее движение. А не то, ясно-море, у самого порога машину кокнешь!

— Тьфу ты, — сплюнул тот. — Все не как у людей.

* * *

Войска готовились к параду Победы в Харбине. Это был день, который все, кто участвовал в параде, запомнили на всю жизнь. Каждая часть, каждое подразделение хотело показать себя во всем блеске — тем более на параде в чужой стране.

Много хлопот в этот день было у подполковника Марштейна и его подчиненных. Чем только не пришлось заниматься им. И, пожалуй, никто в этот день не нервничал так, как они, никто не волновался столько.

Войска выстроились на прилегающих к площади улицах. За войсками стояли колонны жителей Харбина: китайцы, русские и даже японцы.

Неподалеку от трибуны, на которой находились маршал Р. Я. Малиновский, члены военных советов округа и армии, стояла МГУ капитана Морозова. Экипаж ее выстроился рядом, ожидая сигнала, чтобы начать трансляцию. Стояли плечо к плечу, торжественные, подтянутые, с наградами на груди. Капитан Морозов скосил глаза на них: «Орлы!» Лейтенант Королев, заметив его взгляд, чуть подмигнул.

— Якуб, Федотович! По местам! — скомандовал Морозов, увидев знак, поданный подполковником Марштейном.

Ровно в 11.00 командующий парадом генерал-лейтенант Козаков отдал рапорт принимающему парад генерал-полковнику Белобородову, который затем обратился с речью к войскам и населению. Отгремело «Ура!» Снова зазвучали слова команды и неподвижные до этого квадраты войск пришли в движение.

Первыми мимо трибуны двинулись воины дивизии генерал-майора Черепанова. Эта дивизия штурмовала Муданьцзян, прошла с боями пятьсот километров. Сверкая наградами, начищенными пуговицами, пряжками, сапогами, шли советские воины-победители. Шли четкими квадратами из двенадцати шеренг по двенадцать бойцов. Шли браво, даже лихо... Четкий шаг сотен ног, словно гигантский ударный инструмент, усиливал марш сводного оркестра.

За пехотой промчались пулеметные тачанки, горные орудия. Затем появилась мотопехота: за машинами на буксире противотанковые орудия, тяжелые минометы. Потом показался бог войны — артиллерия. Гигантские пушки, влекаемые мощными тягачами, катились неторопливо, важно. Те самые пушки, которые разнесли хваленые укрепрайоны, считавшиеся квантунскими войсками неприступными. За пушками промчались прославленные «катюши».

Завершали парад танки. Во главе колонны Герой Советского Союза полковник Онищик. Это его танкисты первыми ворвались в Муданьцзян и первыми вошли в Харбин.

Капитан Морозов смотрел на парад и вспоминал тех, кто не дошел до парада победителей, до этого дня. Последним из них был Юра Доронин — рядовой армейский газетчик и большой души человек.

Оболваненный самурай убил не только его, он убил в нем и книгу об этих живых: так же, как гитлеровцы убили не только Игоря Пермина, но и его исследования. Остались дела всех тех, кого забрала война. Они оставили свои незавершенные дела им — живым. И книги о войне напишут, хорошие книги, но все-таки не будет той книги, которую собирался написать Юра. Если бы Морозов мог писать, он написал бы о своих друзьях: с кем воевал, кого потерял, написал бы о своем экипаже. Конечно, это была бы книга не о всей войне — о том, что он сам пережил, что видел. И пусть его сектор обзора был узким, ограниченным тем пространством, на котором действовал его взвод или «громкоговорящая». Но все, с кем он был рядом, были воинами Великой Отечественной.

Борьба шла и сейчас. На переднем крае ее находились подполковник Марштейн и его подчиненные. Сложная, напряженная борьба. Морозов в ней участвовал, пусть его роль и не так велика. Многие из них потом займутся наукой, напишут диссертации, ученые труды. Но вряд ли из этих трудов кто-то узнает о его боевом друге белорусе Якубе Гавриловиче, прошедшем войну с самого начала, потерявшем всех родных; только о судьбе жены Надёнки пока он не знает ничего определенного. Война принесла ему столько горя, что казалось, ему ли до горя других. А Якуб прибыл сюда, в маньчжурские сопки, чтобы покончить с последней войной. А что узнают о Подсосенко, который делал на войне свое обычное шоферское дело, делал так основательно, добросовестно, как работал до этого всю жизнь. Это была трудная, но необходимая для его Родины работа. Он вернется в свой леспромхоз и снова будет работать, как и прежде, словно и не прошел дорогами войны. Написал бы и о Николае Королеве — молодом хорошем парне, каких тысячи.

А может быть, о них кто-нибудь и напишет.

Алексей Морозов смотрел на шествие участников парада и, за-

нятый своими мыслями, не заметил, как весь его экипаж снова выстроился рядом. Он еще не знал, что недолго осталось быть им вместе. Первым их покинет Подсосенко по демобилизации старших возрастов. Он долго будет уговаривать всех навестить его, ведь он может угостить их такой медовухой, которую они еще не пивали. И Якуб Гаврилович включит МГУ и специально для Федотовича проиграет «На сопках Маньчжурии».

Не знал он и того, что Ника не до конца останется с ним в Маньчжурии и, к огорчению главного хирурга, уедет. Уедет и родит ка радость двум бабушкам внуку, а не внука — продолжателя фамилии Морозовых. А сам он на целый месяц попадет в руки знакомого главного хирурга — фашистский нож все же напомнит о себе. И всерьез придется ему задуматься о своем будущем вне армии.

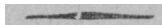
Ничего этого Морозов не знал. Он смотрел на парад.

Вот приближаются к трибуне медики. Как только они прошли мимо трибуны, нарушая все порядки, из колонны метнулась к нему Ника и стала рядом.

Эту сцену заметили на трибуне, но она вызвала только улыбки: жизнь брала свое.

Оба они — Морозов и Вероника — видели, как маршал Малиновский достал платок и вытер лицо.

— Да! Жаркий был маньчжурский август. Жаркий... — произнес взволнованно Морозов.

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

РОМАН¹

16

К апрельской ростепели база нового участка уже в какой-то мере отвечала этому понятию: во-первых, прибавилось домиков, — как кем-то просыпанные спичечные коробки заполнили они правобережье ключей Маня-Ваня (домики пока пустовали и с открытием сезона ждали рабочих); во-вторых, появились пахнущие смолой рубленые строения столовой на пятьдесят мест, здание ремонтных мастерских на шесть боксов и добротная будка для двух дизелей, что будут питать поселок электричеством и, наконец, баня. С открытием бани на участке вышел конфуз, на прииске долго надрывали животы.

Миша, ездивший с Баргузиным и двумя шурфовщиками к самым отрогам хребта, зачем-то привез на участок почти полный кузов белого мрамора. Куски мрамора вывалили на базе, словно со временем намеревались соорудить здесь памятник. Там мрамор и провалялся без дела, присыпанный снегом. Чья-то умная голова однажды вспомнила о Мишином даре. Мрамором выложили печь в парной.

Первыми, как водится, пошли мыться бульдозеристы, пригласили и начальство — Галича и Супарева. Да еще увязался с ними артист, теперь рабочий участка. Пошагали к бане веселой гурьбой. Те, кому предстояло мыться во вторую очередь, с завистью провожали их, отпуская всякие соленые шутки.

Конечно же, заядлые банщики полезли в парную с замоченными в тазаках вениками; пока сухим паром исходили камни. Панпадуло большим ковшом зачерпнул воды и вылил на раскаленные камни. И второй ковшик опорожнил. И тут-то началось: мрамор хоть и последнего сорта, однако показал свой нрав — каждый камень превратился в гранату. Началась пальба осколками. Кой-кому они и по голому задку ударили. Панпадуло закричал что есть мочи и первым выскочил из бани в чем мать родила. За ним с наименьшей прытью высыпала вся избранная компания. А в бане мрамор продолжал стрелять, и вся приисковая элита топталась босыми пятками на снегу, попав более чем в дурацкое положение: и в баню не сунешься — может не на шутку камнем припечатать, и в домики не побежишь — совестно: голяком все-таки. Правда, нашлись такие смельчаки и дунули к домикам. Остальные, как поутихло бабаханье, снова втиснулись в баньку. Галич потом крепко ругался. «Какому дураку пришлось в голову класть печь из белого мрамора!»

Так вышло, что Супарев закреплялся за ключом Маней, Галич — за Ваней. И Аркадий Григорьевич, что называется, спорол горячку.

¹ Окончание. См.: «Дальний Восток», 1975, № 10, 11.

Как только Галич выехал в поселок, он, не придавая значения их предыдущему разговору, начал перебрасывать оборудование на свой ключ. В этом не было ничего плохого. Но решено было начинать с ключа Ваня. Там и оттайка породы шла лучше, и место уже было распланировано, и четыре бульдозера юлозили по полигону, делая первый задир торфов. А ключ Маня, хотя и был рядом, являл собой совсем другую картину: на нем заплатами лежал снег и синел лед, который, казалось, не растает здесь и в разгар лета.

Вывезен был всего один промприбор. Но прикативший на следующий день вместе с новым механиком участка Никита Галич, узнав про самовольство Супарева, рассердился не на шутку. О чем уж они говорили — неизвестно, но Аркадий выскочил из домика проворнее, чем когда-то из бани. Он прогонисто пробежал по всему поселочку, круто развернулся и, всем на удивление, снова скрылся в домике, из которого так прытко выскочил.

Галич сидел за столом. Он еще не отошел от ссоры и не без удивления посмотрел на Супарева.

— Ну, что еще? — хмуро спросил он.

— Если промприбор вывезли, стоит ли тащить его назад? Поко-режим.

— А я разве сказал, чтобы возвращали его на базу? Извини, но я никак не пойму, чем ты руководствовался, когда отдавал такое распоряжение?

Галич, конечно, догадывался, почему поспешил Аркадий. Пожалуй, виноват и он сам, Галич: не стоило прежде времени разграничивать ключи на «твой» и «мой». Это следовало сделать, когда начнут промывку песков. Но Галич не думал, что Супарев так прямо поймет оброненные в разговоре слова, что ключ Маня будет закреплен за ним. Это формальное разграничение Галич предполагал сделать с единственной целью, чтобы не распылялись их силы. Но это ни в коем случае не снимало ответственности каждого из них за оба ключа. А у Супарева неожиданно проявился эгоизм, замешанный на честолюбии: во что бы то ни стало первым начать промывку, первым получить золото нынешнего сезона. Таким образом он хотел доказать, что чего-то стоит как руководитель. Вот что скрывалось за тем, что сделал Супарев, воспользовавшись временной отлучкой Галича.

Желание Аркадия отличиться и сделать первую съемку золота на «своем» ключе было понятно Галичу. Но Галич считал, что ему не стоило потакать Супареву с первых шагов работы — сделаешь одну уступку, придется делать другую, а там и третью. Неважно, кто и на каком ключе делает первую съемку: это успех всего участка, всех, кто работает здесь.

— Так я жду твоего объяснения, — повторил Галич.

Но Супарев на откровенный разговор не пошел.

— Никита Борисович, надо хотя бы два бульдозера направить на Маню. Пора начинать вскрышу. И потом... — Супарев замаялся.

— Я пока не слышу дельной мысли. Придет срок — будем делать. — Галич уже понял, что излишняя мягкость с Аркадием идет только во вред ему и себе.

— Я ознакомился с разведочными данными по ключу Маня, — начал Супарев, тоже переходя на официальный тон. — Судя по этим данным, залегание песков почти на самой поверхности.

— Почти. Но это еще не значит, что на самой, — поправил Галич, еще не понимая, куда клонит его заместитель.

— Во всяком случае, на втором ключе — глубже. И потом я осмотрел террасу левого ключа неподалеку от его впадения. Выход золо-

тоносных песков там даже обозначился на поверхности отдельными кочками. Между ними бульдозеристам трудно будет делать вскрышу, чтобы не смахнуть в отвал и эти кочки. А там золото, и, возможно, немалое.

«Когда он успел обследовать? — подумал Галич. — И говорит мне об этом только сейчас».

— Я решил, — продолжал Супарев, — что мыть надо начинать с ключа Маня. Хотя что-то да возьмем, и время не уйдет впустую.

Галич против ожидания Супарева осторожно встретил его предложение. Стоит ли овчинка выделки? Намоют граммы, пожгут горячее, а главное, на мерзлоте можно загубить бульдозеры. Потом, когда всю пойдет оттайка, работать будет нечем.

Молчание Галича затягивалось.

— Может, вы на месте посмотрите эти кочки? — не выдержал Аркадий Григорьевич.

«Если попробовать пока в одну смену, — размышлял Галич. — Пустить два бульдозера, тогда и в случае ничтожной съемки много не потеряем». Но вместо этого половинчатого решения Галич сказал, что он еще подумает.

Супарев возмущенно дернул головой. По его мнению, такая нерешительность начальника никак не характеризует его с хорошей стороны. Будь он здесь начальником, он бы сразу развернул дело, не гадал бы на кофейной гуще: стоит или не стоит пускать один из пром-приборов?

Но Супарев напрасно так плохо думал о Галиче. Его очень даже заинтересовало предложение заместителя, и он так и этак обмозговывал его. Галич не мог не поверить Аркадию, что на ключе Маня пески отдельными кочками почти выходили на поверхность. Это бывает, хотя и не так часто.

Апрельская погода стояла на дворе. Вот-вот разлитым морем зацветет на склонах сопки багульник, зелеными иглами оденется молодой пихтач, потянет из земли, присахарит соки береза... «Подсохнет земля, надо будет навести на территории порядок», — заметил для себя Галич.

Думая так, он свернул к электростанции. Конечно, это громкое название для двух дизелей, — электрик Дмитрий Краснов до сих пор не дал света. Правда, сделано уже немало: к домикам протянута проводка, пущена по стенам и потолкам, сделано все профессионально, но дизели пока молчат. Сегодня Галич спросил: «Дмитрий, когда дашь свет?» Митя пообещал, кровь из носа, а ужинать будут при электрическом освещении.

— Никита Борисович, а когда вон на той вершине снег растает? — неожиданно спросил Дмитрий.

Галич посмотрел на сопку; это был голец, продуваемый всеми ветрами с гордо поднятой конусообразной вершиной, напоминающей потухший вулкан.

— К середине лета растает, думаю, — сказал Галич.

— Жаль, я думал, раньше. Как только на вершине снег растает — подстригаюсь наголо, — сообщил Дмитрий. — Все равно тут девок нет, и лихо тряхнул своей шевелюрой.

Волосы Краснов носил по моде, сзади они завивались кольцами и красиво ложились на плечи.

— Я думаю, что ты своей прически лишишься раньше, — улыбнулся Галич. — Если сегодня не дашь света, прикажу срезать ножницами.

Через заправку, где под навесом стояли и лежали бочки, а чуть

поодаль возвышались емкости с соляром, Галич направился в столовую посмотреть, все ли готово к открытию. Здесь будет теперь и клуб: помещение позволяло демонстрировать фильмы. По другую сторону столовой пристроили магазин с отдельным входом.

Успели-таки к промывочному сезону создать базу. Теперь не подвела бы весна, не затянулись бы холода, и оттайка породы шла бы как следует. Снова мысли Галича вернулись к супаревскому предложению. «А вообще-то он мужик ничего». Придя к такому заключению, Галич повеселел и, зайдя в столовую, пошутил:

— А что, Татьяна Лазаревна, кормить будешь?

Татьяна с открытием новой столовой назначена шеф-поваром, помощниками у нее две голенастые девушки в коротеньких белых халатах. Татьяна за зиму стала поосаннее. «Обабилась», — как заметил Андрей Трушин.

— Для всех и для начальства время должно быть одно, — сказала Татьяна.

— Так-то оно так, Татьяна. Но со временем может случиться полный ералаш, когда начнем работать в три смены. Ты подумай хорошенько и составь график работы столовой. Чтобы и рабочих не обидеть, и себя. К концу недели успеешь? Договорились?

Татьяна сдержанно кивнула головой.

Галич заглянул и в стоявшую несколько на отшибе избушку, из открытых дверей которой доносились резкие и частые удары. Это святая святых участка: здесь будет взвешиваться и отдуваться золото, а возможно, даже и храниться день-два, если по каким-либо причинам не удастся его тотчас вывезти на прииск. Здесь, как и прежде на третьей, будет колдовать над драгоценным металлом Армо Григорян. А пока он старательно и тщательно обивал жестью пол, стены, стол.

— Ну, золотой бог, как дела? — спросил Галич.

— На все сто! — Армо поднял большой палец. — Пусть хоть сегодня приезжает Шапкин проверять.

— Сегодня ему приезжать рановато, а вот дней через семь-восемь нагрянет. Смотри, Армо, чтобы комар носа не подточил.

Они стояли и разговаривали на крыльце, а из избушки продолжали доноситься удары.

— А кто это у тебя в помощниках? — поинтересовался Галич.

— Наш Петушок. Валентин, а ну-ка выгляни!

— Какой же он Петушок, он теперь петух, — пошутил Галич, когда в проеме дверей показался парень. — Значит, Армо помогаешь?

— А я «принеси то, отнеси это», — сказал Валентин.

— Ха, сказал! — Армо хлопнул себя по бокам, словно собирался пуститься в пляс.

— Пойдешь на первую установку? — спросил Галич.

— Пойду.

— Сегодня у Армо еще поработаешь, а завтра — к Супареву. Будете устанавливать промприбор. На нем и работать станешь.

Галич теперь окончательно принял решение — ставить один промприбор в низовьях ключа Маня. На этом приборе Галич, кроме всего прочего, хотел поднатаскать парней, которым придется в этот сезон стоять на «пушке». Теория теорией, а практика практикой.

— Здравствуйте, мальчики. — Она поздоровалась, повела глазами по домику.

Панпадуло, трудившийся над куском сала, перестал жевать, щеки у него округло выперли. Андрей и Валентин вяло передвигали пешки и тоже не без удивления воззрились на гостью.

— Мальчики! — Панпадуло прыснул так, что непрожеванное сало пробкой вылетело из рта. — Мальчики, — повторил он и захихикал, донельзя довольный, что попал в неположенную ему возрастную группу.

— Каким ветром тебя занесло, Любка? — спросил Андрей.

— Вы бы сперва сесть предложили.

— Садись, королева Марго. — Андрей подвинул ей табуретку, сам перебрался на кровать. — С посадочными местами у нас не густо и кресел не имеем.

— Нам кресла и не надобны. Я в столовой работать буду. И девчата скоро сюда наедут — сполошицами.

— Заживем! — Андрей дурашливо потер руки.

— Заживешь, как же! — Люба сурово сжала губы. — Привет тебе от Клавы. Она ждет ребеночка, — сказала она как бы между делом.

До Андрея, видимо, не сразу дошел смысл ее слов.

— Какого ребеночка? — ошарашенно спросил он. — Ты что, Любка?

— Я тебе не Любка, а Любовь Степановна. А ребеночек от тебя будет, от кого же еще!

— Откуда известно, что от него? — Панпадуло решил прийти на помощь растерявшемуся Андрею. — Может, от кого другого, а?

— Ты, дядя, бросай трепаться, — остановила она Панпадуло.

— Влип, — вымолвил наконец Андрей. — Это что же, жениться теперь?

— А ты что думал — жениться и будешь. Всего хорошего, мальчики! — Любка посмотрела на Валентина, вздохнула. — Петушок ты мой, Петушок, в жизни вот ведь видишь как бывает! — и чинно вышла из домика.

Андрей сгреб с доски горсть шашек и яростно швырнул их в угол.

— Зачем государственное имущество разбрасывать, — посмеивался Панпадуло. — Надо было в аптеку почаще заглядывать. А теперь разве деру дашь на другой конец земли.

— Как же теперь мы, Петушок, на Диксон с тобой махнем? Пропала мечта юности! Где вы, алые паруса? — Даже в такой ситуации Андрей продолжал шутить. Но Валентин заметил, что глаза у него не смеялись, были задумчиво-серьезными и немного виноватыми.

В домик вошли Мордюков, Санька Чумбаров, Колька-сержант, теперь его называли просто «сержантом».

— Что в потемках сидите? — спросил он, шелкнул выключателем, над потолком ожила лампочка.

— Ура! — завопил Панпадуло, словно впервые в жизни увидел такое чудо. — Ура будущему папочке!

Андрей запустил в него шашкой.

— Так вот, братцы, завтра идем устанавливать промприбор на Маню, — сказал Мордюков. — Санька и Панпадуло с бульдозерами тоже туда. И еще к нам присоединятся Тимоха Сошников и артист.

— А откуда Тимоха здесь взялся? — поинтересовался Панпадуло.

— Приехали все наши с третьей, хватит им в поселке отираться. Ужинать идем, что ли? А ты, Андрюха, не кисни, радоваться надо, что ребенок будет. Свадьбу тебе всем участком справим. — Артем ободрающе похлопал Трушина по плечу. — Любил, брат, кататься, люби и саночки возить.

Утром встали чуть свет. Умылись, оделись, потрусили по морозцу в столовую. В столовой еще пусто.

— Что вас в такую рань принесло? — спросила из кухни Татьяна.

— Татьяна Лазаревна, сегодня идем устанавливать прибор. Понимать надо, — веско сказал Артем. — Первые. Усекла? Так что корми нас до отвала.

Расселись за двумя столами. Пришел Супарев, и по всему виду, — в хорошем настроении.

— Все в сборе? Отлично. Панпадуло, подгонишь бульдозер к мастерским, прицепишь сани. Погрузите доски, прихватите еще соединительных болтов на фланцы. Это к тебе, Чумбарев, относится: ты потащишь дизель. Смотри, не опрокинь дорогой. Впрочем, я с вами поеду. — Супарев чувствовал себя в ударе и потому, что его идея претворялась на деле, и потому, что наконец-то начали заниматься чем-то стоящим. А вся эта возня с лесом и строительство вконец осточертели ему.

Татьяна позвала брата и сказала что-то ему. Санька засмеялся громко, на всю столовую.

— Отмочил, батя! Вот отмочил!

А Лазарь Чумбарев и верно отмочил номер. Утром заглянул старик в кастрюлю, где обычно хранил хлеб, — доньшко видно. Ничего не попишешь, в магазин надо идти. Оделся Лазарь, взял палку в руки и пошagal по улице.

В магазине очередь из женщин. Старик покашлял в ладошку, пристроился сзади. Через минуту-другую разглядел, что стоит он за Матреной Пузиковой. Бабка за зиму еще больше сгорбатилась. Говорили, что Матрена купила козочку, взамен Милки, которую задрал медведь, и теперь растит ее дома. А что бабке делать: бобылка она давно, с тех пор, как погиб Роман Пузиков где-то в неметчине, живет Матрена одна в своей покосившейся от старости халупе. Никого на всем белом свете нет у бабки. Бедно живет Матрена, обносила — латочка на латочке, но одежда чистая. Бабка себе опускаться не позволяет.

Стоит Матрена, погруженная в какие-то свои думки, и не видит, что за ней в очереди любовь ее давняя стоит, в молодости она все глаза на Лазаря проглядела, море слез горячих пролила, а он взял и женился на Марии.

Лазарь смотрит на согбенную спину Матрены и тоже вспоминает ее молодой. И почему он тогда не женился на Матрене? Лазарь не жалеет, что прожил жизнь с Марией, женщина была что надо, и детей ему нарожала, одно плохо — раньше времени ушла из жизни. А на вид здоровая была, краснощекая, не то что Матрена.

Смотрит Лазарь, и такая вдруг жалость взяла его, ну хоть ревмя реви. Засвистал он носом, забурчал, дескать, простуду где-то прихватил: весной чего проще. Обернулась на его голос Матрена:

— Что-то ты, Лазарь, совсем прохудился.

— Что ты, Матрена! Если б не ноги, золото еще мыть пошел бы.

— А чего ж ты шурф в огороде забросил? — язвительно спросила какая-то молодка.

Женщины в очереди затараторили, им скучно, а тут причина язык почесать. Принялись они Лазаря подначивать, он уже и не рад, что пошел в магазин. Знал бы, что так обернется, позавтракал без хлеба или к сыну старшему завернул... И тут со всем пылом вступилась за него Матрена.

— Вы что, сороки, растрещались? Вы своих мужиков потрошите, что к старику прицепились? Выкопал он шурф в своем огороде, не в

вашем, и что он там ищет, кому какое дело. Занимайтесь детишками своими, присмотрю за ними никакого: хулиганят, камнями в окна пуляют... — И пошла чехвостить соседок Матрена Пузикова.

И взаправду нашли объект для насмешек — старика.

Матрена сунула свою булку хлеба в потертую дерматиновую сумку, Лазарь — в авоську. Вместе они вышли на широкое крыльцо; пока стояли в очереди, солнце пригрело по-весеннему, растопило блюдцалужицы, запарила слегка земля. Забродило что-то и в душе у Лазаря, да и Матрена этак по-молодому глянула на него, прищурилась и тихонечко рассмеялась.

— Заклевали тебя бабы. А ты хорош мужик: постоять за себя не мог. — Изашлась в старушечьем смехе.

— С вашим братом только свяжись, — оправдывался Лазарь.

— А ты что, взаправду удумал в огороде золото искать?

— Найду! — упрямо сказал Лазарь. — Вот малость отойдет земля, начну дальше бить. Чувствую — до песков самая малость осталась, — он разоткровенничался, забыв, как прошлым летом Матрена из-за своей козы Милки устроила скандал на весь поселок.

— Ты и в молодости был такой же настырный, — вспомнила она, и не без удовольствия.

Так они и шли по поселку, вспоминая былое, а в душе у Лазаря вспухало и вспухало весеннее солнце, пронизывало душу теплыми иглами. Когда Матрена стала прощаться, намереваясь свернуть в свой проулок, Лазарь сказал ей то, что не решался сказать сорок лет назад:

— Слышь, Матрена, предложение имею. — Он смутился и концом палки стал сверлить землю. — Словом, Матрена, ко мне перебирайся жить. Люди мы с тобой одинокие. Танька моя на участке теперь, сыновья своими семьями живут... А нам с тобой на старости в самый раз вместе...

Матрена стояла, качала головой, и слезы текли по старушечьим щекам: вот, оказывается, когда пришел ее черед; вот, оказывается, сколько времени ждала она этих самых слов от Лазаря Чумбарева.

Вечером конюх Андрон запряг ему битюга, на котором от склада на пекарню возили муку. Лазарь на битюге прикатил к халупе Матрены Пузиковой и сам погрузил весь ее скарб.

Так на виду у всего поселка, гордо и независимо, они прошеествовали за широкой, как железнодорожная платформа, телегой. Матрена вела на веревочке козочку, которую она тоже назвала Милкой.

Ранней весной по утрянке, еще куда ни шло — не развозит, как днем. Волок, весь перепыханный гусеницами, затвердел, идти по нему сходно. Можно и в кабине пристроиться, да туда какую-то чертовщину запихали — места нет. Дизель установили на специально оборудованных салазках. Тимоха Сошников попробовал было пристроиться возле, но Супарев шуганул его оттуда. Если вдруг дизель опрокинется, человека может сплющить, как камбалу. Вот и бредут они следом за машиной — сам Супарев, Сошников и Броевский. Тимоха злится: на кой черт ноги бить, когда можно преспокойно ехать.

«Странное все же создание человек, — думал Броевский. — Давно ли ношу робу, а кажется, сто лет прошло: не было ни сцены, ни сыгранных ролей, ничего такого, чем жил прежде. И это так и не так.

Я не приспособлен к физическому труду, мне тяжело, мне дьявольски тяжело, хотя и стараюсь не подавать вида. Креплюсь из последних сил и все чаще задаю себе вопрос: зачем мне это? Но ведь это была

единственная возможность не скатиться совсем вниз. Но надолго ли? Не паллиатив ли это?

За размышлениями Вениамин Викентьевич и не заметил, как остановился бульдозер. Броевский налетел на угол салазок и больно ушиб колено.

— Вы что, еще не проснулись? — недовольно выговорил Супарев.

— А он хотел вместо бульдозера дизель толкать, — развеселился Сошников.

Улыбнулся и Вениамин Викентьевич: не лови мух.

А потом завертелось, закрутилось. Бульдозеры сделали зумпф — отвод от ключа в виде небольшой запони. На самом берегу поставили дизель. От него насос с гофрированным рукавом будет всасывать воду и по трубам подавать на «пушку». За «пушкой» установили промприбор. Вроде бы нехитрая техника, а повозиться пришлось. «Это тебе не дрова складывать», — сказал сам себе Вениамин Викентьевич.

На базу они возвращались уставшие, но в приподнятом настроении. Вениамин Викентьевич понял, отчего так: они были первыми. Им в столовой уступали место, их почтительно спрашивали: «Ну, как у вас дела?» — словно только от них зависел успех нынешнего сезона.

И Вениамин Викентьевич сказал Глафире Еремеевне, что он, кажется, начинает нащупывать смысл своей жизни: он со временем напишет пьесу. В тот вечер он уже видел свою пьесу на сцене МХАТа он черт знает что видел. Слушая его, Глафира Еремеевна — женщина довольно практичная (а кто в ее возрасте не практичен) — поняла, что Вениамин Викентьевич, хотел он того или не хотел, а разбил сейчас ее мечты относительно их совместной будущей жизни. Ей не быть женой артиста, она просто боялась той жизни, о которой мечтал он. Пусть у нее муж будет как все: наработавшись, придет он домой — она поставит ему на стол: «Ешь, дорогой, ты устал», — вечером сходят в кино, а может, в гости к кому-нибудь, попоют песни. Словом, все как у людей...

На третий день опробовали промприбор. В эту смену мониторингом поставили Андрея Трушина, стажерами к нему — Валентина и Тимоху Сошникова. Сошников, в свою очередь, должен был научить ребят обращаться с дизелем.

На подачу пока поставили два бульдозера, остальные направили на вскрышу.

На опробование прибора вместе с Супаревым пришел Галич.

У дизеля, стоявшего на полозьях, копошился Тимоха Сошников. Валентин и Андрей сидели на помосте, от которого к дизелю протянут длинный трос. Им мониторинг с места мог регулировать обороты дизеля. Но пока дизель молчал. «Пушка» с задранной соплом немо взирала в небо. Все, как перед артиллерийской подготовкой.

Супарев недовольно выговаривал что-то Сошникову, который накануне хвалился, что отремонтированный им дизель «работает, как часы». Видно, не забыл он и не простил Тимохе то, как по его вине полопались трубы. «Как бы снова не дошло у них до конфликта», — подумал Галич.

Бульдозеры неподалеку захватывали, сколько могли, ножом землю и тащили ее к дорожке, которую накатали еще вчера. Дорожка вела прямо к промприбору — к дырчатому «столу», открытому с одной стороны. Было впечатление, что бульдозеры работали сами по себе, без человека, и то, что они делали, не имело никакого отношения к промприбору, к промывке и добыче золота.

Андрей, глядя на бульдозеры, сказал Валентину:

— Знаешь, а ведь я уже был однажды женат. Только мы не регистрировались...

И рассказал, как четыре года назад поехал он в отпуск на Черное море; отпуск у него был за несколько лет, и денег скопилось много. В Алуште познакомился с одной дамой — свой дом у нее, почти у самого моря. Сад. Живи не хочу. Андрей перебрался к ней, снял с аккредитива деньги и занялся перестройкой дома. Мебель самую современную приобрели и уже стали подумывать о машине: у хозяйки тоже кое-какие сбережения были.

— Жил, как у Христа за пазухой, — откровенничал Андрей. — Пил коньяк, ел цыплят, птичьего молока только не хватало. И баба что надо. И море рядом. Курорт! Подумывал о подыскании работы. Моя Нина Аполлоновна начала напоминать: не пора ли, мол, зарегистрироваться. Короче говоря, решила меня окольцевать. И уже день назначили, когда в загс идти, и свидетелей пригласили. Моя Аполлоновна расцвела, как яблоня. А тут на меня такая тоска навалилась, хоть волком вой. Как представил, что всю жизнь буду в этой оранжерее, даже мурашки по спине. Нет, сказал я себе, такая жизнь, Андрияха, тебе противопоказана. Снял последние деньги, отсчитал себе ровно на билет, написал записку...

Андрей не успел поставить точку в своем повествовании — заработал дизель. Зло заработал, оглушительно. Андрей побежал к дизелю, вернулся, и тут из задранного сопла «пушки» под большим давлением вырвалась тугая струя воды и ударила далеко вперед. Андрей сбавил обороты, весело подмигнул Валентину, — дескать, все в порядке...

Подшли Галич, Супарев, Панпадуло. Супарев помахал: можно подавать. Один из бульдозеров развернулся, захватил горку земли и, толкая ее перед собой, медленно пополз по дорожке к прибору. Андрей направил струю вниз, в узкую горловину.

Бульдозер вел Санька. Он даже приподнялся на сиденье, чтобы не въехать гусеницами на «стол» — это было бы позором. А въехать проще простого: не рассчитал чуть — и готово. Своротишь прибор. Хитрый Панпадуло не рискнул сам стать на подачу, спихнул это дело Саньке. А Санька все вытянет. Он из тех мужиков, на которых воду возят.

Уже казалось, что бульдозер въедет на «стол», но Санька вовремя остановил машину, поднял нож и освободил его от породы. Порода теперь лежала на дырчатом «столе». Вперемешку с ней были палки и коренья, и от вида такой породы Никита Галич даже закашлялся: трудно было поверить, что будет какой-нибудь толк. Супарев тоже волновался, теребил бородку, которую отрастил за зиму, и походил теперь на дореволюционного интеллигента-либерала. На среднем пальце у него поблескивало обручальное кольцо.

— Напор поменьше сделай, — сказал Галич, по Андрей, то ли не расслышал его, то ли решил форснуть, приподняв ствол «пушки», направил струю на кучу породы. Палки, корпи, породу — все погнало напором воды вверх, закрутило между железными бортами и через носок прибора выбросило вон.

Все, как завороченные, смотрели на промприбор.

— Даешь, Андрияха! — закричал Сошников.

Восклицание это вывело из оцепенения Галича и Супарева. Супарев в два прыжка очутился возле рукоятки, рванул ее назад — напор воды упал до минимального.

— Ты что делаешь? — Супарев сорвался на крик. — Ты таким

напором даже не перебуторил породу, а выбросил ее без толку к чертовой матери! Так мы никакого золота не намоем!

Супарев был прав. Андрей помалкивал, убедившись, что на большом напоре с такой породой не сработает. А на малом придется катать и катать камни от борта к борту, пока как следует не перемоешь их. Хорошо, что на подаче один бульдозер и дорожка длинная, а при трех бульдозерах водило из рук не выпустишь. Одной рукой будешь его держать, другой папироску прикуривать. Все это сразу прикинул Андрей. А Валентин так и не понял, почему накричал на монитора Супарев — ведь все так здорово получалось.

Галич и Супарев не уходили до тех пор, пока не убедились, что промывка пошла нормально. Что только она покажет? Может, впускую гоняют бульдозеры и прибор? Но этого сейчас не узнаешь. Это можно определить, когда сделают съемку. Но съемку тоже нельзя делать, пока не приедут с прииска охранники и работник ОБХСС не примет комнату, которую так тщательно подготавливал Армо Григорян.

— Пойдем, Аркадий Григорьевич. — Галич посмотрел на часы. — Сегодня обещал подъехать Позднышев, привезет рацию. — Проводить телефонную связь на участок пока было накладно. Со временем ее, конечно, проведут. — У нас не только этот прибор, — добавил он, давая понять Супареву, что не следует ему замыкаться в своей деятельности только на этом промприборе.

— Намек понят, Никита Борисович. Но это в такой же мере, видно, относится и к вам? — Супарев, наверно, вспомнил, как несколько дней назад Галич накричал на него, когда он распорядился вывезти сюда вот этот самый промприбор. А сейчас он начал работать первым на прииске, пожалуй, и в районе.

— Безусловно, Аркадий: в такой же мере и ко мне.

17

У Женьки приисковые мальчишки переняли манеру носить школярскую папку с замком «молния» под мышкой левой руки, засунув руки в карман. В этом было что-то небрежное и независимое. Женька, возвращаясь из школы, без зазрения совести гонял по улицам пустые консервные банки, что в городе было бы, конечно, совершенно непозволительным. Банку футболили до самого бабкиного дома, тут Сашка Баргузин салютовал им рукой и гнал банку дальше — до своего дома. Приисковые мальчишки радовались, что сошел снег; Женька, напротив, жалел, что захватил лишь часть зимы — не успел как следует накататься на санках и на лыжах. Научиться съезжать на лыжах с горы Женьке стоило раны на колене — упал и острый сук, прорвав штанину, впился в тело. Но все это ерунда по сравнению с тем необыкновенным чувством, которое испытывал он, когда, набирая скорость, лыжи несут тебя вниз. Еще мгновение — и взлетишь. Они сделали трамплин и действительно летали кто ближе, кто дальше или вовсе кувырком. Чемпионом по прыжкам был Сашка Баргузин, но Женька его почти догнал.

Из трубы бабкиного дома шел дым. Сегодня ветрено, но ветер теплый и пожирает последние лепешки снега на склонах сопки.

С бабкой Женька ладил, она ему напоминала родную бабушку, такую же хлопотливую и непоседливую.

Прежде чем взойти на крыльцо, Женька тщательно соскреб щеткой грязь с сапог. Вытер подошвы о половичок и только потом вошел

в сени. Здесь Женька присел на лавочку возле кадки с водой и снял сапоги. Заглянул в кадку. Его обязанностью было наносить воды. Но воды в кадке достаточно, и Женька вошел в дом.

Первое, что он увидел — чемодан под вешалкой и пальто. Женька понял, что приехала мать. Вместе с радостным чувством Женька спросил себя: «А зачем она приехала?» За два с небольшим месяца отец только один раз спросил его о матери. Женька особо не распространялся, но сказал, что дядя Коля, отчим, спился и бабушка с дедом попросили его уйти из дома. Женька скрыл от отца, что после дяди Коли в доме у них объявился еще некто Побегин, не то артист, не то художник. Его в доме все так и звали Побегин, будто он не имел ни имени, ни отчества. Побегин прожил у них недолго, вскоре он так же незаметно исчез, как и объявился... Потом мать добилась отдельной квартиры, заявив, что она не может создать семьи из-за родителей. Но Женька по-прежнему жил у бабушки с дедом: в квартире у матери всегда шумно, много людей. Сама она, работая на телевидении, часто разъезжала по командировкам или допоздна задерживалась на работе. Женька понимал, что отец уже давно не любит мать, поэтому ему и пришел на ум вопрос: «Зачем она приехала?» Не забирать же его отсюда, когда до окончания последней четверти осталось совсем немного времени. И еще он совсем по-взрослому рассудил, что своим приездом мать поставила отца в неудобное положение.

— Вот и твой орел пришел, — сказала, выглянув из кухни, бабка.

— Женька! — мать принялась тискать его и целовать.

Ярко крашенная под блондинку, в розовом платье, она сейчас показалась Женьке помолодевшей и красивой.

— А ты ничего, — сказал он. — Смотришься.

— Правда, Женька? Какой ты у меня умница, дай я тебя еще раз поцелую. А я тебе подарок привезла.

Подарок был дорогой — портативный магнитофончик с запасными кассетами.

— Кассеты с записями. Не понравятся, можешь стереть.

Но Женька знал вкус матери, записи наверняка стоящие.

— Спасибо, мама, — поблагодарил Женька. — Потрясный магнитофон.

— Фу, что за выражение! Ты это здесь нахватался таких словечек?

Но это скорее сказано для бабки, потому что словечки эти Женька привез из города.

— Ну, как вы здесь?

Женька сразу уловил, что мать спрашивала, теперь как бы не разделяя сына и отца.

— Нормально. Хочешь спросить, как учусь? На пятерки.

— Конечно, с твоей подготовкой в городе...

Женька мог бы сказать, что па приiske требования в школе ничуть не меньше, чем в городе, а физический кабинет оборудован даже богаче, но возражать матери не стал. Он не мог налюбоваться на магнитофон. Видел такие здесь в магазине, но постеснялся попросить денег у отца. Хотя отец ни в чем ему не отказывал, был, пожалуй, чересчур щедр.

— А отец почему на обед не идет?

Бабка только молча махнула рукой, а Женька сказал, точно хотел оправдать отца:

— У них сейчас горячка: скоро золото начнут мыть.

Женька уже многое знал о золоте, ездил не раз с отцом по участкам, и в лес ездил с Баргузиным и его сыном; Баргузин тогда под-

стрелил сохатого... И вообще Женьке нравился и главный геолог, и отец — если уж что пообещали, то сделают.

— Женька, может, сходишь... скажешь отцу, — попросила мать

Чувствовалось, что ей не терпелось увидеть отца.

— Ладно, я схожу в контору, — согласился Женька.

Очутившись на улице, он, однако, не спешил выполнить просьбу матери. Пнул подвернувшуюся под ноги консервную банку, подразнил соседскую собачонку, понаблюдал, как какой-то шофер-личах загнал машину в придорожную канаву и теперь никак не мог выбраться из нее. Шофер бегал вокруг машины, матерился, и Женька сказал:

— Дяденька, напрасный труд. Надо машиной или трактором, так не выберешься.

Шофер под горячую руку послал советчика подальше, но потом выбрался из канавы и побежал рысцой по улице к столовой, где обычно останавливались машины.

На площади, неподалеку от конторского крыльца, стоял новенький зеленый вездеход. Женька знал, что прииск получил два таких вездехода, и отец радовался им и говорил: «Теперь мы заживем, а то с нашими дорогами летом из поселка не вылезешь». Отец говорил с Женькой о многих серьезных вопросах, которые касались производства, он словно советовался с ним, и Женька был в курсе многих дел и немного важничал. Если раньше с матерью он жил как бы сам по себе, а она сама по себе, то сейчас он жил тем, чем жил и отец. И Женька очень скоро понял, что он должен поддерживать авторитет отца, он даже не позволял себе лишних шалостей.

Около вездехода стояли два человека с винтовками — один в милицмейской фуражке, но в полупальто, высокий, пожалуй, выше отца. Потом Женька увидел, как на крыльцо вышли отец и Сахарова. Отец как-то познакомил его с ней в клубе и, кажется, при этом немного смущался.

Следом за ними вышли еще люди, и теперь все сгрудилось около вездехода. Те, что были с винтовками, полезли под брезентовый верх. Женька прибавил шаг, а потом побежал: кажется, отец собирался куда-то выехать на вездеходе. Когда Женька подбежал, он как раз подсаживал в кабину Сахарову. Увидев Женьку, она смутилась и сказала: «Здравствуй, Женя! — А потом отцу: — Спасибо, я сама».

— Ты из школы? — спросил отец, словно Женька мог быть еще где-то.

— Нет, я уже был дома.

— Как наши дела?

— Нормально.

— Молодец. Сегодня переночуешь без меня. Я еду на участок.

— Я понимаю, — сказал Женька. — Дела.

— Что с тобой? — спросил отец. — Неприятности в школе?

— Все нормально, папка.

Женька впервые назвал Позднышева «папкой»; Позднышев растерялся, как-то по-смешному шмыгнув носом, притянул его к себе. Похлопал по спине.

— Если бы тебе не на занятия — взял бы я тебя с собой. Но мы еще покатаемся.

Женька видел, что все уже ждали отца, и сказал:

— Поезжай, папк, тебя ждут.

— Ну, бывай, сынок! Будь мужчиной!

Проводив глазами вездеход, Женька вернулся домой. Дома он сказал, что отец укатил на участок и будет только завтра. А сказав это, он пожалел, что не сообщил все-таки отцу о приезде матери.

Мать как-то враз поблекла, с лица ее сбегало то радостно-приподнятое настроение, которое она все время поддерживала в себе. Теперь еще на сутки следовало зажать нервы в кулак и ждать неизвестно чего.

— Мне показалось, что сынишка ваш чем-то обеспокоен, — сказала Мотя Сахарова.

— Просто не хочется одному оставаться дома, — рассудил Позднышев.

И в голосе и в глазах Сергея Мотя уловила нечто новое, что-то произошло между отцом и сыном за то короткое время возле вездехода. Она чутьем угадала, что лучше сейчас помолчать, да и нелегко было разговаривать в вездеходе: он весь дребезжал и звонко гремел траками гусениц.

Мотя не ошиблась: Позднышеву действительно хотелось помолчать, пережить то, что вошло в него вместе с произнесенным сыном словом «папа». До этого какая-то отмель разделяла одну реку, а тут одним махом смыло ее — и река наконец соединилась в одно русло. Сергей Филиппович чувствовал, как у него увлажнились глаза, и стал смотреть в боковое стекло на серую, потерявшую после зимовки все цвета землю. Но верно говорится, когда на душе у человека празднично, то и все вокруг кажется наполненным до краев красотой и буйной жизненной силой.

Вездеход на неровностях дороги покачивало, плечо Сахаровой касалось его плеча, и Позднышеву хотелось выкинуть что-нибудь по-мальчишески озорное...

Догнали кавалькаду бульдозеров, которые шли на участок к Галичу. Некоторые из них тянули сани; на санях сидели рабочие. Людей пока не хватало, и отдел кадров брал всех захвативших на прииск. Позднышев понимал, как нелегко будет Галичу работать с «залетными» — так называли здесь тех, кто приезжал наниматься только на промысловый сезон. Но главное — костяк на участке был из кадровых, и они, конечно, будут играть главную скрипку.

Сергей начал думать о делах, но на душе оставалось нечто светлое и приятное. Он сказал водителю:

— Поднажми, не молоко везешь.

Миша жалел новую машину, но если начальство торопится, то почему не поднажать; вездеход резко набрал скорость и помчался, как припорошенная лошадь.

База участка открылась за поворотом и отбросила сразу безлюдье тайги.

— Да у них здесь целый поселок! — не удержалась от восклицания Мотя.

— То ли еще будет, — сказал Позднышев, как бы отвечая на свои мысли. — Стой, Миша, — тут же приказал он, увидев у мастерских Галича и механика Реушкина. Те тоже увидели остановившийся вездеход и направились к нему.

Из вездехода стали выбираться приехавшие.

— Ты что, Сергей Филиппович, со всем прииском прикатил? — здороваясь с каждым за руку, спросил Галич.

— Не доволен? — посмеивался Харабарин. — Думаешь, бывший секретарь, что новому и делать у тебя нечего? Вот стружку сниму...

— Стружку с меня есть кому снимать. Тихон Баргузин и тот норовит при случае.

Галич увидел двух охранников и Шапкина. Они стояли по дру-

гую сторону вездехода, и Дмитрий Федорович, как видно, давал охранникам последние наставления.

— Вот кто мне нужен, — сказал Галич. — Товарищ Шапкин, товарищ старший лейтенант!

Шапкин подошел, поздоровался, с улыбкой заметил:

— Ты что, Никита Борисович, в звании меня понижаешь? Не всю же жизнь в старлеях мне ходить.

— Неужели до генерала дослужился, Дмитрий Федорович? — с подковырочкой спросил Тихон Баргузин.

— Генерал не генерал, а капитан, к вашему сведению.

— Ну, теперь пропали наши головушки, — пошутил кто-то.

— Зачем звал, Никита Борисович? — Шапкин посерьезнел.

— Прибор вчера для пробы пустили, а съемку, сам понимаешь, без вас делать нельзя...

— Ты это серьезно? — спросил Позднышев. — Палки решил промывать?

— Вполне серьезно. Идею одну супаревскую проверяем.

Позднышев только пожал плечами и посмотрел на секретаря парткома, видел, мол, таких шустрых.

— Да это же отлично, — произнес Харабарин. — Первыми в районе. Завтра же позвоню в районную газету.

— Роман Денисович, ты пока погоди с газетой, — заметил Галич. — Как бы вместо хвалебного опуса фельетон о нас не написали. Гоняем бульдозеры, жжем горючее, чтобы палки и корни перемывать. За такое Сергей Филиппович хвоста нам накрутит.

— И накручу, — пообещал Позднышев. — А где этот новатор? — Он, видимо, имел в виду Супарева. Галич сказал, что его заместитель ушел на установку.

— Она у нас вроде учебного пособия. Натаскиваем людей работать на «пушке».

— Ну, это уже кое-что. Едем на установку, посмотрим. Да, захвати съемщика, посмотрим, что намыли, — предложил Позднышев.

Все пошли к вездеходу. Прихватили с собой Армо Григоряна с лотком и банкой под золото.

На вездеходе доехали до самого прибора.

Супарев, стоявший рядом с Трушиным, — сегодня он работал на мониторе — увидел, сколько понаехало людей, зло сплюнул под ноги.

— Кино! — пробурчал он.

Цирк, — поддержал его Андрей. — Сейчас бы их из «пушки», — и он, представив, что было бы, рассмеялся. Супарев же вспомнил, как Трушин некогда грозил ему «пушкой», нахмурился и погрозил чубатому мониторщику кулаком.

Появился Армо с лотком и охранниками. Значит, прикатали все неспроста, видать, решили провести съемку. Аркадий достал сигарету, спешно прикурил и пошел навстречу начальству.

— Кончай, — уже на ходу сказал Трушину.

Шапкин первым делом прошел к колоде, подергал висячий замок, нагнулся, внимательно осмотрел пломбу; Армо и Супарев стояли тут же.

— Можете делать съемку, — сказал Дмитрий Федорович, точно он был здесь за главным.

Это уж как-нибудь без вас знаем, — буркнул Супарев.

Шапкин то ли не расслышал, то ли решил не обращать внимания на реплику. Он кивнул Тяткину — охранник встал рядом с колодой;

второму охраннику пока делать нечего, он будет нести службу, когда начнут съемки по другому ключу. Но он тоже встал рядом с важным Тяткиным за компанию. Глядя на них, можно было подумать, что снимут по меньшей мере десяток килограммов металла.

Начальство стояло в стороне и, точно опасаясь вспугнуть с ковриков драгоценный металл, разговаривало вполголоса.

Харабарин воспользовался случаем и напомнил Галичу, что коллективу участка пора принимать социалистические обязательства.

— Что же я за рабочих буду решать, — сказал Галич. — Собреем перед началом промывочного сезона общее собрание, исходя из плана возьмем и обязательства.

Коврики уже сполоснули, собрали с них песок, и вертевшийся около колоды Супарев подошел к Галичу и шепнул на ухо:

— Что-то есть.

Галич подмигнул ему. Теперь все подошли к емкости, в которой Армо собирался промыть снятые с ковриков колоды пески.

Супарев ходил именинником—съемка дала хороший результат. И это за две неполные смены.

— Ставьте еще один прибор и гоните в три смены, — распорядился Позднышев.

Но этому воспротивился Галич. Он сказал, что пригодное для одного полигона — непригодно для другого: выше по ключу совсем иная геология. Там нет кочек песков, выходящих на поверхность. Вот там они действительно будут промывать палки и корни, если не сделать вскрыши.

Позднышев долгим взглядом посмотрел на Галича и вдруг улыбнулся:

— Ох и трудный ты человек, Галич! Любишь оспаривать начальство

— Если это на пользу дела, почему бы не поспорить.

Вместе они возвратились на базу участка.

Супарев остался на промприборе.

Поездка на участок дала хороший заряд Позднышеву. В Галиче он был уверен, как в самом себе, и решил, что надо пореже наезжать к нему: излишняя опека для такого человека, как Галич, только во вред. Пусть сполна почувствует себя хозяином на участке и поступает в зависимости от обстоятельств и местных условий. Но на прииске были еще три гидромеханические установки, и Позднышев, как только вернулись в поселок, сказал Анне Ивановне, чтобы вызвала на пять часов всех начальников установок, главного механика, заведующего гаражом, начальника ОРСа. Особо он подчеркнул, чтобы был заведующий базой горюче-смазочных материалов. Надо установить строгий учет расхода бензина, соляра, масел, чтобы хватило до конца сезона. В прошлом году соляр пришлось завозить на вертолетах, и перевозка обошлась в десятки тысяч рублей. Позднышев как-то попросил сотрудника ГАИ проверить, многие ли владельцы мотоциклов и машин покупают талоны на бензин и автол. Оказалось, единицы. Значит, достают «по знакомству».

Приближался обеденный перерыв, скоро Женька должен прийти из школы. Они вместе пообедают.

Легкий на помине вошел Женька. Сергей Филиппович вопросительно посмотрел на сына: обычно Женька из школы шел прямо домой.

— Пап, я тебе вчера не сказал...

— Ты о чем?

— Приехала и ждет тебя дома моя мать. Я раньше ушел с уроков, чтобы тебя предупредить.

— Нехорошо уходить с занятий, — грустно сказал Позднышев. Он знал, что этим обязательно все кончится — она придет, у нее веская причина: проведать сына. Сергеем не хотелось показывать перед сыном, что он попросту играет труса. — А что же ты вчера не сказал? — спросил он, как бы осуждая Женьку.

— Ты же уезжал по делу.

— Да, конечно, — согласился Сергей. Значит, сын его дело ставил выше приезда матери. — Что ж, идем обедать.

Дорогой они молчали, только в переулке, где в придорожной канаве ревмя редела машина, Женька вдруг рассмеялся:

— Вчера точно на этом же месте сидела машина.

— Да что ты говоришь!

— Честное слово, папк. Как магнитом их в эту канаву тянет.

«Хорошо, если этот магнит не называется «водка», — подумал Сергей.

— А ведь по теории вероятности этого не должно быть, — рассуждал Женька. — Чтобы точно на это же место угодила другая машина. — И неожиданно он предложил: — Может, я в школу еще схожу?

Позднышев понял нехитрую уловку сына: он хотел оставить отца с матерью с глазу на глаз выяснить отношения. Но какие у них могут быть отношения? Нет их давно этих самых отношений, и нечего гордиться огород на пустоши.

— Раз уж сбежал с уроков, зачем возвращаться. Надо быть в своих делах и поступках последовательным.

Женька многозначительно ухмыльнулся, посмотрим, мол, будешь ли ты последовательным. Он уже не сомневался в намерениях матери — вчера вечером она долго расспрашивала его об отце, — и сейчас он просто не знал, хорошо это будет или плохо, если вдруг родители договорятся и снова будут жить вместе. Это было бы, конечно, очень здорово! Но Женька, хорошо зная, как жила мать, потерял бы уважение к отцу, если бы он согласился жить с нею. Сейчас отец для Женьки был сильным, настоящим мужчиной, с которого он хотел брать пример, которому хотелось подражать. Он не раз видел, как прямо и обыкновенно разговаривал отец с людьми, как говорил им в глаза то, что о них думал. И сейчас Женька со смешанным чувством чисто мальчишеского любопытства и кровно заинтересованного человека ждал, чем начнется и как закончится встреча отца и матери.

— Папк, а Сахарова Мотя тебе нравится?

— Это называется запрещенным приемом. Но если ты настаиваешь на ответе, то да, — после паузы сказал Позднышев.

Женька понял, что этого вопроса никак нельзя было задавать. Отец, кажется, был раздражен.

— Извини, пап.

— Принимаю.

«Только бы она не вздумала плакать, — думал Сергей. — Только бы не вздумала плакать». Это было бы как удар под дых. Взяв, насколько это было возможно, себя в руки, он поднялся на крыльцо.

Но получилось все значительно проще, а может быть, и сложнее: как только они с сыном переступили порог, из кухни в прихожую выглянула Наташа в том же сиреновом платье, раскрасневшаяся.

— Пришли? — она спросила так, словно и не было разрыва в семь лет, будто утром она проводила мужа на работу, а сына в школу и теперь поджидала их на обед.

— Мама, ты бы хоть поздоровалась, — упрекнул ее Женька, этим замечанием испортив всю игру, так тщательно ею продуманную. Но она нашлась и довольно наивно сказала:

— А разве я не поздоровалась? Здравствуй, Сережа.

— Здравствуй, Наташа.

— А мы вот с Еленой Гавриловной с обедом запурхались. Какой у вас местный лук горький. Пока чистила, вся слезами изошла.

Она нарочно подбирала эти словечки «запурхалась», «изошла», точно в простоте народных словечек видела путь к успеху дела, что привело ее сюда. Она будто бы начисто отметала все то вычурное и нарочито изысканное, чем жила раньше.

— Вы проходите в гостиную, там будем обедать. А мы с Еленой Гавриловной еще малость возле плиты поворожим.

Сергей и Женька, избегая смотреть друг на друга, прошли в гостиную. Здесь уже был раздвинут стол и застлан поверх тонкой полиэтиленовой скатертью, в вазе стоял нарезанный хлеб, лежали вилки, ножи. Наташа решила устроить нечто вроде праздничного обеда и блеснуть и перед ним, и перед хозяйкой дома своими кулинарными способностями. Готовить она умела, но только под настроение. В этом, собственно, и была вся Наташа, если, конечно, за эти годы она не изменилась.

Было ясно, что одним часом обед не кончится, но и сказать сейчас ей, что он ограничен временем, было невозможно.

Наташа принесла и поставила на стол тарелку с салатом из красных свежих помидоров и огурцов.

— Мое коронное блюдо, — сказала она. — Питайтесь витаминами, а то вы здесь на одних консервах живете. Правда, и в городе не сразу достанешь помидоры, это я в парниковом хозяйстве раздобыла. По знакомству. Пусть тебя не коробит слово «раздобыла»: в наше время это обычное явление.

Сергей пожал плечами, ему совершенно безразлично, посредством каких комбинаций она приобрела эти свежие овощи.

— Я думала, мужчины догадуются кое-что прихватить. Придется из своих запасов. — Наташа ушла и вернулась с бутылкой марочного вина. — Елена Гавриловна, что же вы! Идите, мы вас ждем.

Елена Гавриловна вышла к столу, не отказалась и от рюмки вина. Как заметил Сергей, она с какой-то снисходительностью поглядывала на Наташу.

Разговор за столом шел обо всем и ни о чем. Волнение свое Наташа выдала разве только чрезмерной говорливостью, рассказывала всякие истории из своей работы на телестудии. Елена Гавриловна, наверное, одна принимала их на веру, качала головой и удивленно прищипывала языком.

— Спасибо за угощение, я пойду к подружке, занеможила она. —> Елена Гавриловна посмотрела на Сергея, будто хотела сказать: вы уж здесь разбирайтесь как-нибудь без меня, я в таких делах не советчица.

Наташа не стала уговаривать ее остаться за столом.

— Женечка, ты показал папе, какой я тебе подарок привезла? Тебе записи понравились?

Женька принес магнитофон, включил.

«Опять демонстрация», — отметил про себя Сергей. Нет, Наташа ничуть не изменилась или изменилась в худшую, скорей, сторону.

Да и специфика ее работы — всегда на людях — тоже сказала не последнее слово в формировании ее характера.

— Жень, а ты погулять не хочешь? Или ты все время взаперти сидишь? — Она посмотрела на Сергея, точно он и впрямь держал сына в ежовых рукавицах.

— Зачем так усложнять: он тебя отлично понял — ты хочешь остаться с глазу на глаз, — сказал Позднышев.

— Может быть, — согласилась она.

— Родители, не спорьте, я пошел гулять. — Женька взял со стола магнитофон и вышел из комнаты.

Когда они остались одни, Наташа сказала:

— Допьем, Сергей. Почему ты не спросишь, зачем я приехала?

— Надеюсь, что проведать сына.

— И только-то?

— Не вижу причины для большего.

— Да, конечно. Я немного пьяна. Ты извини, если наговорю лишнего.

— Я бы не советовал вести серьезные разговоры в таком состоянии.

— Ты всегда был вот таким. Мы, женщины, иногда ловимся на этом: тебе кажется, что он настоящий мужчина, а на поверку выходит — попросту недалекий человек.

— Ты приехала, чтобы сказать мне это?

— А разве я говорю о тебе? Прости! Я предупреждала, что немного пьяна. Подожди, я потеряла мысль.

— Ты сказала, что я на поверку оказался недалеким человеком.

— Не цепляйся к словам. Боже мой, о чем я говорю! Как ты живешь?

— Как видишь.

— Почему не женишься?

— Не лсти себя надеждой: не из-за тебя. Просто стечение обстоятельств.

— Не хочешь отвечать?

— На этот вопрос не так просто ответить. Как ты живешь?

— Разве Женька тебе не рассказывал?

— Мы на эту тему с ним не говорили.

— Тебе безразлично?

— Если быть злопамятным, то не совсем: каждая твоя неудача в личной жизни только должна радовать меня. Отмщения прошу, отмщения!

— Фу, до чего жалко. Но ты, конечно, шутишь. Откровенно: была я замужем... дважды.

— Если можешь, уволь меня от своих семейных неурядиц. Ты пишешь стихи, издала книги?

— Увы, поэта из меня не получилось.

— Я почти был уверен, что не получится: у тебя нет постоянства в твоих целях.

— Может быть. Ты куда-то торопишься, все смотришь на часы?

— У меня важное совещание. Скоро начнем добычу золота.

— Как это романтически звучит — добыча золота!

— Но далеко не романтически его добывать.

— Я думала, ты хоть сегодня побудешь дома. Но я не настаиваю, не имею на это морального права. Или совещание — это просто отговорка?

— Я тебя никогда не обманывал.

— Да, ты по сравнению со мной просто ангел.

— Не иронизируй: не такой уж я ангел. А сегодня у меня действительно совещание. Но ты же не на один день приехала?

— У меня еще целых пять дней. Разреши у тебя пожить?

— Вернее сказать, не у меня, а у хозяйки: как видишь, я сам на квартире. Живи. Только чтобы не было лишних разговоров, я на это время переберусь к кому-нибудь из своих работников.

— Твое дело. Хотя такая щепетильность излишняя.

— Я знаю, что делаю. А ты поживи с сыном, сколько тебе заблагорассудится. Можешь и дольше пожить, чем пять дней.

— Странно. — Наташа смерила его недоверчивым вопросительным взглядом, будто ждала, что он как-то расшифрует слова «можешь и дольше пожить». Промелькнула надежда, что Сергей не решается сразу идти на примирение, ему нужно время, чтобы проверить себя и присмотреться к ней.

Наташа прожила не пять, а целых десять дней. Но, как и предполагал Сергей, она последние дни просто не находила себе места. Она действительно не могла представить себя и свою жизнь вне телестудии, вне того коллектива, с которым работала, вне тех быстро текущих жизненных событий, без своего города, без всяких тех мелочей, которые с возрастом становятся для человека важной составляющей его жизни.

И если Наташа сама не решалась признаться себе в этом, то Сергей сказал об этом прямо и она вынуждена была с ним согласиться.

Они расстались не то чтобы друзьями, но и не врагами, понимали оба, что дороги их разошлись окончательно.

Сергей и Женька проводили ее на аэродром.

18

Он сам напросился в эту смену — самую трудную. Третья смена начиналась с двенадцати ночи и заканчивалась в восемь утра. Супарев сперва и слышать не хотел: только научился стоять на «пушке», а уже просится в ночную. Хватит с него одного Вениамина Викентьевича. Тот в первую же самостоятельную смену забуторил колоду, забил ее камнями и глиной так основательно, что они потратили добрых два часа, прежде чем кайлами и ломami очистили колоду. А тут новый герой объявился! Валентину пришлось идти к Галичу. «Мне это очень надо, Никита Борисович. Поймите. Если я выдержу эту смену, то выдержу все». И Галич понял, разрешил допустить Валентина Петушкова в третью смену.

И вот он вместе со сменными бульдозеристами Санькой Чумбаревым, Панпадуло и Романом Колесниковым идет на полигон, освещая дорогу фонариками. Ночью еще довольно прохладно, вода покрывается даже ледком. Панпадуло рассказывал, как спикировавшая на озерцо утка с шиком проехала задом по льду, недосмотрела, видно, что это не вода. Дорога тянулась параллельно ключу по болотине, вода хлюпала под ногами. Грязь и золото. Об этом не раз размышлял Валентин, вспоминая укрывавшегося здесь полицая Шанько, который убил Федора, убил не один десяток советских людей. И это для того, чтобы вырвать из челюсти покойного золотой зуб. Что ж, в таком случае око за око, зуб за зуб!

— Ну, я тебя сегодня загоняю, — грозит Панпадуло. — Не успеешь промывать породу, мы тебя на кухню отправим дрова подносить.

«А что, могут загонять, — не без опаски думает Валентин. — Если не успею, Панпадуло ославит меня на весь участок». Вчера брали соцобязательства. Андрей заявил, что их промприбор до конца сезона будет впереди. У него и нумерация такая — первый.

Смену Валентин будет принимать не у Сошникова, а у Андрея. Тимоха тот смену сдает неряшливо: надо и масло в дизеле проверить, и подлить в радиатор воды. За колодой тоже никогда не отмоет в сторону эфеля. Все это мониторщик может сделать в конце смены. Правда, Сошников на «пушке» стоит хорошо, работает шустро. Лучшей у них считается та смена, у которой после промывки камни под самый носок прибора.

Пляшут по дороге огоньки карманных фонариков; где-то слева шумит ключ Маня, спеша соединиться с Ваней. Совсем близким кажется рокотание бульдозеров.

Вот уже видны и огни фар, они с какой-то целенаправленностью передвигаются в ночи.

— Дают! — Это говорит обычно немногословный Санька.

Он останавливается, и шедший позади Панпадуло налетает на него, он тоже смотрит туда, где исполняют свой замысловатый танец огни. Значит, парни помнят о данном ими слове: сейчас бы перед пересменой перекурить, а они вкалывают. На другом ключе тоже начали работать приборы — и они должны быть впереди тех.

По полигону идти еще труднее. Грязь плывет под ногами, присасывается к сапогам. Валентин отделяется от бульдозеров, по технике безопасности он должен тут дать кругалю, и подойти к работающему промприбору с той стороны, где в него не попадут летящие, словно из катапульты, камни. Санька на бульдозере как-то попал под вынос, когда ехал отгрести эфеля. На «пушке» стоял Тимоха Сошников. Он зазевался или увлекся и струю не отвел. Камни угодили по кабине, полетели стекла. Санька тогда крепко перетрусил.

Видно, как останавливаются один за другим бульдозеры, значит, подошли бульдозеристы. «Пушка» еще продолжает изрыгать воду, промывая последнюю подачу песков. За будкой внизу тлеет костер; костер на промприборе горит и день и ночь, но горит скорее символично: у него некому греться, и так жарко. Правда, бульдозеристы не обходятся без «своего чая», выгадают минутку и попьют кружку-другую. Уверяют, что чай бодрит. Кого взбадривает, а кто ночью после не может уснуть. Бульдозеристы судят о мониторщике и потому еще, успевает ли он между промывками песков вскипятить чай. Сумел, значит, мониторщик что надо.

Валентин поднимается по дорожке, по которой бульдозеры подают на промывку пески. Андрей, промыв последнюю подачу, убрал газ, струя сразу опала; не заглушая дизель, он повернул «пушку» в сторону, и вода бьет теперь за колоду. Андрей не видел, что пришла смена, но раз остановились бульдозеры, значит, так оно и есть. Можно перевести дух, закурить, присесть на мостки и перемигнуться со звездами. Знай, мол, наших — крепко сработали!

Автомобильные фары, укрепленные на будке, бросают немигающие ровные снопы света на прибор, на длинный рукав колоды. Там под слоем камней и песков лежит на резиновых ковриках золото. А может, и самородок, какого еще не находили в этих краях. Самородку потом на веки вечные дадут имя, скажем, по названию ключа или по фамилии одного из мониторщиков. Допустим, самородок «Трушинский». Всякие мысли лезут Андрею в голову — и о Клавье, и о золоте.

— Андрей! Это я — Валька!

— Тебя-то что принесло? — удивленно спрашивает Андрей. — А

Сошников где? — Андрей еще не знает, что Валентин напросился на эту смену.

В свете фар видно, как промытая пустая порода острием конуса подпирает под носок прибора. Досталась эта высота Андрею нелегко — он продолжает сидеть на мостках, и папирота дрожит у него в руке.

— Я настоял, чтобы меня поставили в третью, — поясняет Валентин.

Андрей молчит, словно хорошенько переваривает услышанное. Подошедший тем временем бульдозер отгребает эфеля.

— А ты здорово сработал, — говорит Валентин.

— Уметь надо. Значит, в третью? Что ж, вкалывай. Намоешь под прибор, покупаю конфет, самых дорогих. — Андрей встает, ударяет Валентина по плечу и уходит в ночь.

Следом за ним на полигон уходит и бульдозер. «Сейчас начнут», — думает Валентин.

Один из бульдозеров поморгал светом. Панпадуло предупреждал: держись, щенок, сейчас мы тебя в хвост и в гриву. Унаешь, почему золото, «почему рубль», как любит он выражаться. Вот бульдозер въехал на дорожку, все ближе и ближе. Валентин напрягается, как перед стартом на длинную дистанцию. Андрей предупреждал, что главное не рвать: будешь рвать, быстро выложишься. Надо уметь распределить силы: спешить не поспешая. Посмотришь со стороны на «старичков», будто копаются, а не угнаться за ними.

Бульдозер на мгновение остановился перед промывочным столом, из кабины высунулся Панпадуло:

— Держись, студент! — Панпадуло упрямо называет Валентина студентом, вкладывая в это понятие что-то унижающее.

Он еще не успел дать заднюю скорость, а Валентин уже приподнял ствол «пушки». Струя ударила между железным высоким бортом и ножом бульдозера в кучу породы, брызги, видно, достали до кабины, и перетрусивший Панпадуло так рванул назад, что чуть не съехал с дорожки. Валентин уже не обращал внимания на бульдозер. Перед ним была куча породы, которую следовало успеть промыть, пока бульдозер подаст очередную порцию. Можно, конечно, схалтурить: перебуторить кое-как и выбить струей за прибор, только дай напору побольше. Но эту халтуру утром не так уж трудно обнаружить — внимательный глаз сразу увидит, что на камнях остался припай. Так что перебуторивать надо тщательно и хорошо.

Валентин вкруговую поводит водилом, порода на промывочном столе будто живая. Песок вместе с золотом уходит вниз сквозь часто пробитые дыры. Надо следить за колодой, чтобы не замыло ее, не получилось бы, как давеча у Вениамина Викентьевича.

Постепенно камни освобождаются от клейкой глины, и после этого струей Валентин выбрасывает их с прибора. Он так сосредоточился на промывке, что увидел бульдозер, когда он был уже на середине дорожки. Казалось, самую малость не успевал Валентин. Главное сделано — освобожден промывочный стол, остатки камней уже почти на самом выбросе. И тут само собой пришло единственно-разумное решение. Не сбавляя напора, Валентин, насколько возможно, приподнял сопло у «пушки»; теперь струя воды, делая крутую дугу, падала далеко впереди прибора.

Панпадуло, не решаясь нырнуть на бульдозере под струю, оставил машину, прокричал из кабины:

— Студент, что ты цирк устраиваешь?

— А ты давай, не трусь.

— Рационализаторы, мать вашу! — выругался Панпадуло. Но все-таки решился подлезть под струю. Как и в первый раз, на третьей покатил назад. А Валентин, этим маневром выиграв немного времени, сбросил с носка прибора остатки камней и сразу же принялся промывать вторую порцию песков.

Десять подач Валентин выдержал довольно легко, но постепенно водило прибавляло и прибавляло в весе, водить им было все тяжелей. Если бы Панпадуло не задержался на подаче, Валентину наверняка пришлось бы подать тому сигнал остановиться. Вот уж тогда Панпадуло поиздевался бы над ним. Валентин не знал, что Санька нарочно придержал Панпадуло, чувствуя, что это необходимо сделать, чтобы дать возможность Валентину промыть породу и немного передохнуть.

Прошло чуть больше часа, впереди еще целых семь, — выдержит ли он такое напряжение?

Промытой породы под носком прибора почти незаметно. Валентин вспомнил хитрый совет Сошникова: ты, мол, почаще бульдозеристам чай готовь. Как узнают, что чай готов, побросают бульдозеры, вот и будет тебе время на передых. Но заняться сейчас чаем — очень бы уж прозрачно выглядело. И не готовить чай нельзя: скажут, зашился пушкарь, слабак. «Через час приготовлю чай», — решил Валентин.

Этот час длился бесконечно долго. Панпадуло наступал на пятки, и это было плохо: хорошо, когда у мониторщика остается небольшой разрыв между предыдущей и очередной подачей. Работать вплотную все восемь часов редко кто выдержит.

И Санька, договорившись с Романом Колесниковым, снова задержал Панпадуло. Сейчас они тащили пески с дальнего конца полигона. Пока дотащили до основания дорожки, пока Панпадуло своим бульдозером подхватывал эстафету, Валентин немного отдохнул. Развернув «пушку», он смыл мелкие эфеля за колодой. И тут почувствовал, что он не один, рядом кто-то есть еще.

Была ночь, была рядом тайга, и он вдруг ощутил страх. Бульдозеры далеко, а он здесь один. Конечно, монитор — тоже оружие: если дать полный напор, то струей можно свалить не то что медведя, но и слона. Но, если зверь рядом с тобой, ничего не сделаешь, «пушку» не развернешь...

Пересилив страх, Валентин оглянулся и увидел темную человеческую фигурку, немо застывшую чуть в стороне от будки. Свет фар не попадал на нее. И то, что это был человек, успокоило Валентина. Кто это из начальства решил проверить, как он работает в ночную смену? Возможно, Супарев.

Человек шагнул вперед, под свет, и Валентин узнал Любу. Одета она была по-мужски — в брезентовую куртку с откидным капюшоном, брюки заправлены в резиновые сапоги. Только ее здесь не хватало!

— Зачем ты здесь? — холодно и зло спросил он.

— Принесла тебе поесть, — сказала Люба с обезоруживающей простотой, словно носить обеды на промприбор входило в ее обязанности. — Я немного посмотрю и уйду. Я никогда не видела, как работают на промприборах. Бульдозеристы меня не увидят, — добавила она и снова ушла в тень. Теперь ее не было видно совсем. Но Валентину уже было не до сerdoбольной Любы: пришел бульдозер. И он, решив козырнуть перед Любой, промыл ворох породы с толком и быстро. Образовался наконец тот самый разрыв, о котором он мечтал.

— И тебе не страшно одной ночью идти сюда? — спросил он невидимую в темноте ночи Любу.

— Я чуть-чуть боялась, — призналась она. — Самую малость... Ты мне разрешишь побыть еще немножко?

Валентин ничего не ответил: снова подошел бульдозер. И он, зная, что за ним наблюдает Люба, промыл породу, прежде чем Панпадуло доставил новую порцию золотоносного песка. Он что-то сказал в темноту, но Люба не ответила.

А Панпадуло уже тут как тут, словно все три бульдозериста решили больше не давать Валентину никаких поблажек. Подача шла за подачей, и Валентин тоже, не желая ударить лицом в грязь, успевал промывать породу.

Наступил час, когда надо было приготовить чай. С первого захода он только успеет порубить палки (приготовить их — священная обязанность предыдущей смены, дневников). Потом надо успеть пробежать до ключа и набрать в чайник воды. Ключ под боком, можно попросить Любу, чтобы принесла воды. Но тут же Валентин устыдился этой мысли: он должен сделать все сам. И, как только бульдозер Панпадуло скатился с дорожки, Валентин промыл породу и бросился за будку, к костру. Костер, к его удивлению, горел радостно и торжественно; только в ночи и можно понять всю красоту и назначение костра. На железном пруте висел чайник, черный от копоти, крышка чайника плясала, а из носка шел пар.

— Люба! — позвал Валентин. — Люба! — выкрикнул он, оглядываясь по сторонам.

Ему отвечали лишь тарахтение дизеля да рокот бульдозеров.

Возможно, она уже ушла, а Валентин думал, что Люба рядом и наблюдает за ним. И он выкладывался до конца, пока не появилось то, что называют вторым дыханием.

Валентин присел у костра. Он слышал, что бульдозер уже на самой вершине дорожки; вот он остановился, и Панпадуло, удивленный исчезновением мониторщика, соскочил на землю и прибежал к будке.

— Студент. Эй, студент, где ты?

— Я здесь, — отозвался Валентин. — Идите чай пить.

Панпадуло, не веря, что чай готов — когда это он успел! — подошел к костру.

— Успел?! — сказал он не то с сожалением, не то с радостью. — Я сейчас позову ребят.

До конца смены оставалось неполных три часа, небо над сопками уже высветлилось. Занималось утро нового дня.

Валентин вдруг обратил внимание на букет багульника, который лежал неподалеку от костра на широком пне, служившем для них столом.

Теперь Валентин, пожалуй, сумел бы ответить Панпадуло на его вопрос: зачем он здесь? Затем, чтобы перебороть себя, убить в себе трусишку зайца, освободиться для радостного, интересного труда.

Уж так случилось, что о рождении сына у Супарева Татьяна узнала первой на участке. Двое рабочих, перемазанных глиной, чудом добрались сюда на мотоцикле, не ожидая, когда за ними придет вездеход. Рабочие пришли в столовую уставшие и проголодавшиеся. И кто-то из них обронил, что ночью супаревская жена родила сына.

Татьяна еще переспросила, верно ли, что Галина родила. Рабочий подтвердил. И тогда она, как была в халате, побежала разыски-

вать Супарева. Зачем она делала это? Почему ей первой хотелось сообщить ему эту новость? С тех пор как они на участке, между ними не было тех отношений, какие сложились на третьей установке. Супарев как бы нарочно избегал ее, и Татьяна сперва горько переживала, а потом не то чтобы смирилась, пришла к единственно разумному выводу: так к лучшему. И сейчас, забыв обо всем на свете, она бежала по территории базы в поисках Супарева. Его радость должна быть и ее радостью, радостью всех. Татьяне хотелось остановиться и крикнуть во весь голос: «Люди, у Супарева родился сын! Поздравьте его, порадитесь вместе с ним!»

Супарев стоял около разутого на одну гусеницу бульдозера и о чем-то говорил с бульдозеристом.

— Аркадий Григорьевич!

Супарев посмотрел на Татьяну, еле переводившую дух, очень взволнованную, шагнул навстречу.

— Что случилось, Татьяна?

— Я хотела вам сказать... У вас сын родился. Поздравляю, Аркадий Григорьевич!

— Сын? — переспросил Супарев.

— У меня их четверо, — буднично проговорил бульдозерист. — Шкоды...

— А я его по попе, по попе, — вдруг рассмеялся Супарев.

Татьяна была немного разочарована. Да будь она на его месте, она бы закричала от радости, побежала со всех ног в поселок. Что с них возьмешь — мужчины.

Возвращаясь, почти у самой столовой Татьяна услышала, как позади взревел вездеход. Он стоял около домика, где с вывихнутой ногой лежал Миша-водитель. Вездеход, сорвавшись с места, что есть духу помчал вперед. Из домика выскочил Миша, приплясывая на одной ноге, матюгался и грозил вслед кулаком. Научил ездить Супарева на свою голову!

Татьяна прислонилась к дверям и грустно-раздумчиво смотрела вслед вездеходу, уносившему ее Супарева к жене и сыну.

Матрена страсть как любила лесные цветы. Только распустился багульник, нанесла его полный дом; багульник стоял всюду, во всякой посуде. Лазарь, глядя на это разливанное море бледно-розовых цветов, становился печально-грустным и сентиментальным. Жизнь прошла и не вернешь теперь ее. В доме теперь жена, Матрена была ему верной помощницей во всех начинаниях. Вот какой уже день они потихоньку-помаленьку копаются в шурфе. Соседи посмеиваются: старый, что малый, надо бы огород готовить, а они пустую породу из шурфа тягают. Уморовшись, сидят рядышком на лавочке (Лазарь специально лавочку к шурфу принес), греются на солнышке. А оно с каждым днем становится жарче, будто старается поскорей обогреть здешние земли, не по справедливости долго каленные морозом.

И этим утром Лазарь и Матрена поднялись чуть свет и зашагали к шурфу. Лазарь, покашляв и покряхтев, полез в шурф по приставной лесенке. Первую бадью породы набрал довольно быстро, а вот со второй замешкался. Матрена, заглянув в шурф, с беспокойством спросила: что случилось?

Лазарь не ответил, но, когда наконец вторая бадья пошла вверх, крикнул:

— Ты ее не трожь, не высыпай, — и сам очень уж шустро выкарабкался вверх. Вылез, отдышался и отчего-то шепотом сообщил: —

Пески пошли. Мне показалось, что золото видел... А ну, айда во двор.

Они возвратились во двор, наносили воды в большое корыто. Лазарь полез на чердак и достал старенький лоток, с которым некогда ему приходилось трудиться. Он хранил его, как память о своих былых годах. Матрена тем временем набрала из бадьи в ведерки породы. Принесла. Лазарь уже стоял наготове. Высыпал полведра в лоток, не спеша, скребком принялся тщательно перебуторивать породу. А потом руками каждый камушек отмывал до блеска... Матрена стояла рядом, торжественно-притихшая и тайком от Лазаря накладывала на него и на себя крест и что-то беззвучно шептала.

Лазарь промывал породу очень долго, то ли уж не осталось былой сноровки, то ли нарочно тянул и боялся увидеть пустой желобок.

— Ать ты! — наконец вымолвил он и застыл на корточках над лотком.

— Что там? — не двигаясь с места, шепотом спросила Матрена.

— А ты глянь.

Матрена присела рядом на корточки и подслеповато ткнулась носом в лоток. Она, всю жизнь прожившая на прииске, знала о золоте немало, но то, что она увидела в лотке, заставило и ее ахнуть: крупные золотишки усыпали желобок... Они некоторое время молчком любовались золотом, и через него вспоминали всю свою жизнь... Первым пришел в себя Лазарь.

— Ты, Матрена, дуй в контору. Разыщи Баргузина и Сластина, и пусть они сами сюда дуют. А я постерегу здесь. Только особо не шуми.

Матрена засемила со двора.

Пришла она минут через сорок с Баргузиным и Сластиным. Те тоже посмотрели в лоток, потом друг на дружку. Тихон донельзя растерянно произнес:

— Что мы теперь будем делать? — И почесал затылок: задал, мол, дед задачку.

— А ты говорил, утаю, — весело приплясывал вокруг главного геолога Лазарь Чумбарев. — Я не Шанько: нашел золото — берите, мойте!

— Никто тебе не говорил, что ты утаишь, — осерчал Тихон Баргузин.

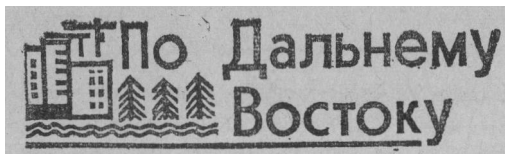
— Удружил, называется, сосед, — сказал Сластин. — Теперь наши с тобой дома снесут, если они по ходу золотой жилы стоят. Вот ведь как, старый хрен!

А солнце набирало силу, перевалило уже чуток за полдень.

По соседским огородам вяло горела прошлогодняя картофельная ботва, прогорклыми дымами тянуло по поселку. Люди готовились к посадке огородов. Картошку посадили, она вырастет, золото искать надо: все в жизни имеет свой смысл и свои законы.

Скоро лето.

Владивосток, 1974

Валерий ГРИГОРЬЕВ

Фото автора

У воинов -железнодорожников

Дорога, которая будет

В Тындинском я увидел броский лозунг «Вперед на Ургал!» Именно отсюда железная дорога пробьется к восточному участку стройки века. А теперь о наиглавнейшем, в преддверии зимы, объекте. Объект этот—притрассовая автодорогу.

Офицер-политработник С. Федоренко назвал ее «дорогой жизни». Для воинов-железнодорожников это сказано справедливо. На их пути тайга, коварная вечная мерзлота, крутые сопки, хлябь болот, в которых вязнет техника, даже поставленная на широкие гусеницы. Кстати говоря, здесь заранее, еще прошлой зимой (например, к отметкам Маревая и Дипкун) были выброшены десанты. Они, идя навстречу друг другу, должны встретиться и соединить БАМ.

Один из участников такого рейда в глубь тайги, майор И. Гридасов, рассказывал:

— Сорок два километра преодолевали четверо суток. Ни сна, ни отдыха не знали. Мороз за пятьдесят...

Не ехали — ползли. Бульдозер, за ним четыре автомобиля с грузами и людьми. Вперед бульдозера нередко выходили солдаты с бензопилами в руках — на случай, если потребуются убрать с пути деревья.

Везли с собой самое необходимое для жизни и обустройства на новом месте. А потом понадобились продукты, стройматериалы, запчасти к технике, сама техника. Что можно, и сейчас доставляется по воздуху вертолетами. Накладно? Разумеется. А вдруг непогода? Вертолеты стоят. А важно, чтобы поток грузов был непрерывающимся. Словом, без автотрассы, идущей почти параллельно будущей железной дороге, не обойтись. И чем быстрее ее сделают, тем лучше...

Подразделение механизации находится на 42-м километре, если считать от Тындинского. Оно признано победителем социалистического соревнования по итогам второго квартала текущего года и намерено удержать это звание и впредь, как

и переходящее Красное знамя Военного совета железнодорожных войск. Готовят воины достойную встречу XXV съезду КПСС. Обещали, в частности, перевыполнить плановые задания по всем важнейшим показателям, отсыпать грунта значительно больше, чем им определено.

Героев дня, недели, месяца в подразделении немало. Представители разных специальностей. Экскаваторщики старший сержант В. Базатин и рядовой В. Спатарь, младший сержант И. Кузнецов. Один лишь факт годовую норму по разработке грунта Иван Кузнецов выполнил к 22 июля. В числе правофланговых соревнования — водители автосамосвалов рядовые М. Евдокимов, Д. Бакрадзе, ефрейторы В. Веревкин, Г. Какуркин, бульдозеристы рядовые А. Усков, Н. Пономарев, токари, слесари, сварщики рядовые В. Фомин, А. Голанов, Н. Феллашин, ефрейтор В. Трудов.

Мне удалось вблизи поглядеть на «горячие» участки, познакомиться с поистине замечательными людьми. В карьерах, где неустанно черпают полные «пригоршни» трудяги-экскаваторы, на строительстве казарм, парка для техники. Был и на самом «острие» — там, где гравий ссыпают прямо в изумрудный мох болот, дальше и дальше уводя автотрассу в восточном направлении. И всюду чувствуешь негасимое внутреннее свечение настоящего человеческого характера.

...Шли тактико-специальные учения. Нелегкое время, когда глоток воды в жаркий полдень — и тот буквально на ходу. Сновали самосвалы в направлении Гилоя: к экскаватору на косе и обратно. Больше грунта брать негде, только у воды, подчас посреди неширокой и мелкой, но бурной реки. Кубометр за кубометром ложились одновременно в полотно будущей автодороги и в насыпь «железки». Внезапно уровень воды в Гилое начал подниматься: оказывается, в верховьях прошумели ливневые дожди.

Офицер Леонид Михайлович — не из тех, у кого срочные вопросы долго ждут очере-

да на утряску. Быстро информировал личный состав: учения приостановить, быть готовыми к любым неожиданностям.

Коричневая вода выше, выше. Последовал приказ убрать людей, механизмы, машины подальше от реки. Увы, кое для кого приказ дошел поздно, часть людей осталась на косах, окруженных бурлящими потоками. Командир помрачнел, враз осунулся. Прикипел к телефону, вызывая вертолетчиков.

Река шумит, и сердце у командира сжимается от тревоги за подчиненных. Леонид Михайлович выскочил из вагончика, ставшего вдруг особенно тесным и душным. Посмотрел с надеждой в небо. Обрадовался, издали услышав стрекотание:

— Молодцы! Своевременно.

Позже навестывали упущенное — кубометры грунта, которые не отсыпались в течение трех суток. Возле полотна я видел сработанный на скорую руку шит с тревожной надписью: «Задание за смену выполнено всего на 40 процентов». Крепче сжимали «баранки», соревнующиеся друг с другом рядовые Евдокимов и Какуркин, Верекин и Баκραдзе, старались остальные водители. Выжимали из моторов все их лошадиные силы. Быстрее, быстрее!

Были на чеку и воины-ремонтники. О них, восстанавливающих «дыхание» у машин и механизмов, особое слово.

Ночью бульдозер вытаскивал застрявший экскаватор. Наскочил на завал из пней и деревьев. Сломался толкающий брус. Начальник смены тотчас дал знать о происшедшем по линии связи.

— Выезжаем, — ответили на другом конце провода.

Представьте глухую ночь. Сон склеивает веки помимо твоей воли. Падает на плечи холодный дождь.

— Переноску давай и руку! — требует ефрейтор Трудов. Ступив чуть влево, он увяз в цепкой грязи.

— Держись, — спешит ему на выручку рядовой Фомин.

Чавкает грязь под сапогами. Дождь барабанит по согнутым спинам. В воде с шипением гаснут искры. Наконец толкающий брус заменен, кронштейны приварены. Расслабились ремонтники, дремлют, хотя дорога немилосердно трясет. Неожиданно машина резко тормозит. В свете фар возникла фигура солдата с поднятой рукой, весь вид его — само отчаяние.

— Выручайте, братцы! — рванул на себя дверцу кабины. — Экскаватор сломался, норму не выполним.

«Ладно, днем отоспимся», — подумал Фомин, отлично, впрочем, зная, что досыта выспаться ему самому и товарищам вряд ли скоро придется.

— Показывай, куда ехать.

Вот и выемка, тут грунтовой воды едва ли не по колено. Опять противно чавкало под ногами и хлюпало в сапогах. Донимали комары и мошка. Долго возились с лопнувшей тормозной лентой тягловой ле-

бедки. Побледнело небо, растаяли звезды. Прекратился дождь, точно надоело ему испытывать солдат на прочность. Посмотрели они друг на друга и невесело рассмеялись: куртки — хоть выжимай, лица — грязные, расчесанные до крови в тех местах, куда удачно «спикировали» комары.

...Дороги, автомобильная и железнодорожная, возводятся, хотя вечная мерзлота подножку ставит, и стихия иногда вмешивается.

Расступаются мари, отступает тайга. Каждый кубометр грунта дается воинам с боем. И каждый кубометр постепенно сближает тех, кто заброшен вперед, и тех, кто наступает от Тындинского. Встреча обязательно состоится.

Один рейс

Планерка заканчивалась.

— Товарищи, — объявил командир подразделения, — на трассе горячее на исходе. Склад не ближний свет, а посылать туда необходимо. Кого советуете назначить старшим колонны?

— Меня! — вскочил младший лейтенант В. Лохов, заместитель командира по политчасти отличной автороты. Он энергично повел плечами «спортивной» ширины, мотнул темным чубчиком.

— Добро, — пристукнул командир ладонью по столу. — У меня возражений нет.

Он понимал, что этот дальний рейс — первый в практике младшего лейтенанта. Лохов надеется ближе узнать воинов, когда они «вне строя». В пути наверняка возникнут непредвиденные ситуации, через них-то и познается истинная человеческая ценность. А еще, разумеется, молодого офицера влечет романтика.

...Лохов споро переходил от МАЗа к МАЗу.

— Проверьте стремянки мостов, — посоветовал рядовому Туманову.

— Подтяну, — баском сказал тот.

На Туманова офицер полагается. Парень серьезный, технику боготворит. А другие? Новички в основном. Вот рядовой Лукинович. Молодой солдат. С сослуживцами грубоват, не всегда ладит с уставами и, главное, чересчур высокого мнения о собственном профессиональном умении. Вот и сейчас...

— С ветерком домчим, — бравирует. — Машина не подведет, вы не сомневайтесь.

А Лохов засомневался. Не напрасно ли солдата в список включил?

— Поживем — увидим, — обронил офицер. — Только хвастаться не нужно.

— Да я ничего, — стусевался солдат.

Отправились после обеда. Лохов сидел в машине Туманова. Прикидывал, не осталось ли чего незавершенного там, в казарме. Вроде нет. На завод, где до армии работал рядовой Бессонов, письмо они с командиром роты отправили. Просили помочь семье солдата с получением кварта-

ры. Жена Бессонову писала: тесновато живут — мать, больной отец, она с малым ребенком... И с ефрейтором Джиеновым разобрались. На имя Лохова почта принесла письмо на таджикском языке от сестры Джиенова. Как его прочитать? Пришлось звать на выручку самого ефрейтора. Выяснилось: сестра интересовалась его службой, спрашивала, почему редко шлет весточки домой.

— Немедленно ответьте, — потребовал Лохов. — Нельзя родных попусту волновать...

Извивается серая лента асфальта. Солнце выныривает слева, справа, ударяется в стекла, ослепляет. Машут ветками березы, сосны в зеленых кафтанах. Темнеет кедровый стланник. Все привычно, знакомо: в тайге Лохов не новичок. До того как призвали в армию, работал освобожденным секретарем комсомольской организации Троицкого леспромхоза.

От мотора тянет жаром. В рейсе воины давно. Лохов подумал о привале. Вдруг в боковом зеркальце заметил: младший сержант Баннов, его помощник, сигналил из замыкающего бензовоза.

Затормозили. Бежит Лохов к одной из машин, куда все торопятся. Чья она? Лукиновича! Солдат потный, растерянный, не похож на себя обычного — самоуверенного.

— Топливная трубка лопнула, — говорит, — на соединении двух баков.

— У меня есть запасная, — подал голос рядовой Габрилян. — Держи.

Ах, Лукинович, Лукинович! Хвастал, техника не подведет. Еще и хорохорится: «Всего не предусмотреть».

— А Габрилян предусмотрел, — бросил Лохов в сердцах.

Поработали инструментом, устраняя неполадку. Сполоснули руки в ручейке.

— Навались! — в шутку приказал Лохов, выкладывая из вещмешка на газету консервы, сырки, хлеб. — И вы, Лукинович, не мешкайте.

У подчиненных своего съестного негусто. Уплетают за обе щеки, благодарят Владимира Алексеевича за дополнительные калории.

— Расскажите, — просит Туманов, — как вы зимой изыскателей на «точку» доставляли. Героическая эпопея была, верно говорят?

— Рейс как рейс, — отмахнулся сперва Лохов. — Пустяки.

Он сознательно покривил душой: зачем собственную персону в выгодном свете выставлять? Впрочем, можно себя и не упоминать, а вкратце существо изложить, коль солдаты настаивают. Глядишь, кто-то пользу почерпнет.

А рейс в глубину тайги был тогда «первой категории» сложности. По закованным в броню льда рекам да еще переметанным сугробами снега. Водитель из-за этого слабо чувствовал дорогу, а она — сплошные торосы да трещины. Застряла машина. Лохов первым подставил плечо

под задний борт. В кузове, кроме мужчин, несколько женщин. Естественно, «сильный пол» на выручку их не звал. Дружно, с шуткой-прибауткой толкали машину.

Выбрались. Вновь застряли в трещине. Опять ветер стягивал скулы, выдувал тепло из тел. Слезы текли, застывали на щеках. И все-таки задание было выполнено, изыскателей доставили по назначению целыми и невредимыми.

— Рейс как рейс, — повторил Лохов, а солдаты многозначительно переглянулись: они-то знали, что это не так.

Младший лейтенант, помолчав, добавил, что с той поры лучше понимает людей, не спешит с их оценкой, со скоропалительными выводами. И уважает людей не за красивые слова, а за дело, за мужество собой, северной пробы, за отзывчивость на чужую беду и неподдельность чувств...

Ночь. Небо светилось крапинками звезд. Когда прибыли на базу, оказалось, что там выходной и горючее отпустить некому. Зря, выходит, намотали на спидометры почти две сотни километров — и каких километров? Возвращаться ни с чем восвояси? Ну, нет. Ударил Лохов «во все колокола». Зато теперь и совесть чиста, и емкости полны.

Поглядел Владимир Алексеевич в хвост колонны и насторожился. Померещилось, что ли? Вроде бы светлячки появились в воздухе. Постой, это же искры рассыпаются!

— Тормози! — сдал локоть Туманов. Снова у Лукиновича происшествие — замкнуло электропроводку. Младший лейтенант сгребал плав-накидку и скорей к бензовозу. «Там горючее, — стучали молоточки в висках. — Немедленно затушить пламя!»

Готово. Отер взмокшее лицо. Глотнул воды из кем-то проткнутой фляжки. Враз остыл, исчезло раздражение против водителя — точно вода на горячие угли прилась. Ах, Лукинович, Лукинович! Молодое. Мораль ему читать? Оправдания выслушивать? Да и не оправдывается он больше, покорно ждет нахлобучки. «Всегда вот так, — мелькнуло в сознании Лохова. — Обкатывают дороги наше нутро».

— Не расстраивайтесь, — положил ладонь на плечо солдата, — все благополучно кончилось. Только на будущее заручитесь на носу...

Вздрыгнуло плечо. Долго молчал водитель.

— Честное слово, — произнес наконец, — я многое понял за этот рейс... Ничего подобного по моей вине никогда не повторится. Обещаю.

Темно. Не разобрать, какие чувства на лице солдата отражаются, но Лохов поверил в его искренность. Отметит с удовольствием: шлифовка характера продолжается. И еще подумалось: хорошо, если солдат начнет «кроить» шкалу жизненных ценностей с нижних ступенек, не перескакивая. Суд над самим собой полезен, и нужно помочь этому суду завершиться.

Слева направо — рядовой В. Кропотов, сержант В. Бизель и рядовой С. Лопатин

Взрывы над Гилеом

Голос командира роты звучит строго и торжественно — словно подчиненные заступают на охрану границы:

— Задача — расширить дорогу...

Дорога приклеилась к сопке, поэтому в зовут ее прижимом. Местами на ней двум машинам благополучно не разминуться. Направление восточное, на восход солнца. Бурить шурфы воины начинают ближе к вечеру, поскольку днем мешают автомашины: БТС (бурильно-тракторная станция) загроживает проезд целиком.

Справа над ними занесены кроны берез, слева — крутой обрыв к Гилею. Подошел к обрыву рядовой Кропотов, глянул вниз.

— Да, — говорит, — если отсюда загремишь...

А им, вернее подрывникам, греметь взрывами. Дело Бизеля с товарищами — шурфы. Нелегко бурить скалистый грунт-монолит.

Начинают с расчистки площадок для БТС и компрессорной станции. Очень важно, чтобы они стояли ровно. Если перекося, падает давление масла в компрессоре, бурить запрещается.

Наконец площадки расчищены.

— Живее, ребята, — поторапливает сержант Василий Бизель рядовых Владимира Кропотова и Сергея Лопатина.

Установили трактор на домкраты.

— Воздух давай! — машет рукой Василий. Лопатину дважды повторять не тре-

буется. Зашипело в шланге. Оператор включил передачу, бурение началось.

Самое интересное — после. Приезжают подрывники, привозят аммонит. Командир взвода старший лейтенант В. Зорин распоряжается четко — и четко действуют младший сержант А. Варгин и другие воины. Пока они засыпают взрывчатку, выставляют оцепление, буровики быстренько убирают в безопасное место БТС и компрессорную станцию. Однажды малость не рассчитали с расстоянием — после взрыва упал с неба «камешек», вдребезги разнес одно из стекол кабины трактора.

...Шурфы заполнены, связана электросеть. Из оцепления сигнал: ничего живого в опасной зоне нет.

Яркий свет мгновенно разбил ночь. Грянул взрыв. Подброшенные огромной силой, высоко взлетели камни. Громко ахнуло эхо, долго шумел по склону камнепад — будто сотни сапог протопали.

Буровикам любопытно посмотреть на плод общего труда. Дорога стала шире. Поработает бульдозер ножом, и можно смело в два ряда ездить.

— Ай-яй-яй, — жалостливо промолвил бдительный Сергей Лопатин, — березка пострадала. Как ее погнуло.

— Сейчас поможем березке, — откликнулся Кропотов.

Невесть откуда появляется в его руках веревочка. Обвязывают воины деревце, делают петлю на пне, натягивают веревочку. Березка радостно выпрямляется. Прощаются буровики с ней и передвигаются дальше в восточном направлении.

Младший сержант И. Кузнецов

Экипаж — одна семья

Командир этой роты требовательный офицер, но без придирок. Постоянно внушает подчиненным понятия высокой морали и нравственности. Ценит и поощряет трудолюбивых воинов, не прощает лени. Поэтому, видимо, глубоко уважает Федора Петровича младший сержант Иван Кузнецов.

Однажды пришел он к ротному по личному вопросу.

— Хочу, — сказал, — в партию вступить. Прошу у вас рекомендацию.

Пристально посмотрел офицер на младшего сержанта.

— Что ж, — отвечает, — я лично ничего против не имею. Мое мнение: достойны вы высокого звания коммуниста...

Долго беседовали с глазу на глаз. Интересовался командир служебными делами Кузнецова, спрашивал об успехах рядового Иванова, с которым тот соревнуется.

— Сами вы к досрочному выполнению годовой нормы близки, — сказал он, в частности, — но надо, чтобы и другие в экипаже не отстали.

— Не отстанут. Одной семьей живем, дружим...

Потом время для Кузнецова полетело со скоростью курьерского поезда. Вместе с сослуживцами оказался на БАМе. Работа механизатора тут непростая. Если автосамосвалы сигнализируют: скорее, дескать, поворачивайся, машинист, — тут, естественно, не до шуток. Между прочим, Устав КПСС Иван всегда с собой имел — так в него подчас некогда было заглянуть. Кстати говоря, когда его принимали кандидатом

в члены КПСС на батальонном партийном собрании, некоторые товарищи резонно заметили: мол. Устав партии нужно знать гораздо лучше.

— Это верно, — поднялся Федор Петрович. — Знать надо. И младший сержант Кузнецов, я уверен, пробелы обязательно восполнит. Только вот что мне хочется подчеркнуть... Всей своей честной службой, примерным поведением и самоотверженным трудом он доказал право быть в рядах коммунистов. Я без колебаний проголосую «за».

Кузнецов покраснел в тот момент. Самоотверженный труд? Не слишком ли сильно сказано? Просто он работает от души, в полную меру умения. Берет от экскаватора все, заботится о нем как хороший хозяин. Годовую норму выполнил досрочно — 22 июля. Не уступает первенства в социалистическом соревновании рядовому Василию Иванову, хотя тот буквально на пятки насаждает. На недавних тактико-специальных учениях потрудились на славу: корчагинский выпел, приз комитета ВЛКСМ, прикреплен к кабине экскаватора...

До армии он работал трактористом в колхозе. Впервые увидел экскаватор — и оторопь взяла. В общем, испугался. Но и злость пришла: «Сдался, еще не попробовав?» Принял его сперва в экипаж ефрейтор В. Рагуля. Капитальный ремонт тогда экскаватору делали. Каждый винтик-болтик Иван в руках подержал, на место поставил. Чувствовал: знаний прибывает. Позже еще больше их стало — с ефрейтором В. Рябовым второй экскаватор поставили «на ноги».

Вскорости практика, работа в карьере.

Сначала, конечно, помощником машиниста. И здесь он учился у более опытных, умеющих трудиться с высокой производительностью. Ну, а сейчас навыки передает рядовому В Чернухе — с ним он в одном экипаже. Отсыпали сотни кубометров сверх плана. Большая часть «кубиков» на личном счету младшего сержанта И. Кузнецова.

Его часто спрашивают о «секретах» ратного мастерства. Всегда отвечает в подобных случаях: любите свое дело, к которому приставлены, не жалейте рук, выжимайте из техники все, на что она способна. Разумеется, при этом необходимо строго соблюдать правила эксплуатации. Если выдался перерыв, он обязательно поглядит, не расплелись ли тросы, отрегулирует, если требуется, ножной тормоз. Ослаб реверс — подтянет его.

Цикл экскавации ему удастся сокращать за счет минимального угла поворота стрелы от места забора грунта к самосвалу. Высыпав грунт, поворачивает стрелу к выемке и одновременно опускает ковш. Наполненный ковш еще подтягивается на тросах, а машинист экскаватора уже разворачивает стрелу в сторону самосвала. Выиграны секунды, за смену — многие минуты, которые оборачиваются дополнительными, к плану, кубометрами грунта. Так он и работает изо дня в день, стараясь, чтобы и остальные сослуживцы-механизаторы работали не хуже.

Парни счастливы, что трудятся на Байкало-Амурской магистрали. Стремятся достойным образом выполнить почетное задание Родины.

Каждый день час в час...

Иной руководитель обставитя телефонными аппаратами, заслонится бумагами, лишь в окна кабинета наблюдая жизнь. И, конечно, знает он о жизни понаслышке. Стиль работы офицера Л. Богданова вовсе не такой. В дождь или ведро его, подвижного, будто ртуть, на стуле не застает, и напрасно будоражат тишину вагончика телефонные звонки.

День-деньской Богданов на объектах, разбросанных в разных местах. На авто-трассе и полотно железнодорожной магистрали, в сопках у подрывников. К вечеру, к началу планерки, возвращается с массой впечатлений, наблюдений, задумок. Но главное, вооружен неопровержимыми фактами, имеет цельную и стройную картину обстановки. Попробуй кто-либо из присутствующих, докладывая о положении дел, усугубить либо, напротив, смягчить обстоятельства. Ничего не выйдет...

Каждый раз планерка начинается час в час. Горе опоздавшему без уважительной причины! При мне абсолютно во всем любящий порядок и точность Богданов выговаривал одному из офицеров:

— Семерых заставляете ждать. Нехорошо. Ну-ка, сверьте часы по моим.

...Шли тактико-специальные учения. В силу ряда объективных причин линия графика выполнения работ на отдельных участках провисла. Завтра — последний день ТСУ. Много ли наверстаешь? Нужно наверстать, причем в значительной мере. Так именно поставил вопрос Богданов.

— В самосвалах испытываем недостаток, — сказал лейтенант А. Нечаев, отвечающий за производительность труда экскаваторщиков и бульдозеристов.

— Почему? — перевел взгляд Богданов на офицера-автомобилиста.

— Семь машин простаивают. Сырой резины нет, тормозных накладок. Впрочем, мы постараемся и, думаю, сумеем выставить на ночь пятнадцать самосвалов.

Нечаев:

— Если столько дадите машин, задание на ночную смену сможем перекрыть...

Богданов заметил весело:

— Вот это деловой разговор. А насчет резины и тормозных накладок... Всех на ноги поднимем, но достанем.

Поочередно вставали офицеры. Четко докладывали. О хорошем и о том, что тормозит работу. Следовали четкие ответы и советы Богданова. Четкость — тоже почерк работы Леонида Михайловича. Вялость речи, считает он, проистекает от вялости души, незнания обстановки. Леонид Михайлович не любит также, когда кто-то пытается сгладить острые углы, выдать желаемое за действительное. Тогда он резок, но не груб, настойчиво докапывается до истины и воздает по заслугам.

Помнят здесь случай... Строили утепленный гараж. Приблизился день сдачи — и вдруг гараж рухнул. Отчего? Вечная мерзлота очередную злую шутку сыграла? Да, но не только. Виноват был и товарищ, ответственный за объект. Он просто-напросто упустил из виду, что под строение необходимо уложить определенной толщины земляную «подушку». Виновный понес заслуженное наказание. Однако это — к слову. Послушаем, о чем дальше речь на планерке...

Доклады окончены. Оценку сказанному, следовательно, и сделанному воинами за день уходящий, дает Богданов. Объективную, принципиальную оценку и, как говорится, невзирая на лица.

— Я требую, — жестко произнес Леонид Михайлович, — чтобы всюду соблюдались воинская дисциплина и дисциплина труда...

Что скрывается за этой фразой? Степень моральной ответственности за порученное, выполняемое. Справедливо полагает Богданов: дисциплина у работающих на БАМе должна быть не низкой или средней, а высокой, даже наивысшей. На практике же иногда наблюдаются отклонения.

Богданов сослался на примеры...

Отсыпается насыпь под стальные рельсы. Горы возникли. Их важно скорее разровнять. Чтобы автосамосвалы без помех подъезжали и разгружались. А где мощный бульдозер, чем занимается его хозяин?

Работает двигатель, зря сжигается горючее. Солдат-бульдозерист, воспользовавшись тем, что командира взвода срочно вызвали в штаб, прохлаждается в тени зеленого кустика. Порядок? Нет, разумеется.

Или еще факт. Автотрасса должна выдерживаться в заданных параметрах. Нельзя произвольно, кому как вздумается, сужать или расширять ее. А солдат-грейдерист, неопытный пока специалист, то вправо даст лишку грунта, то влево. В одном месте по его вине вода ручьем побежала по автодороге, на глазах размывая полотно. Значит, снаряжай самосвалы, подсыпай сюда грунт? Непроизводительные затраты. Их можно избежать, если всегда будут находиться на своем месте офицер, сержант, опытный наставник из числа старослужащих воинов. Эту мысль Леонид Михайлович настойчиво проводил и проводит.

— Берите пример, — говорил он на планерке, — с лейтенанта Юдина. Если офицер и отсутствует, у него на объекте твердый порядок. Поддерживается он сержантами. Кстати, и в палатках, где живут воины... Я думаю, стоит как-нибудь на днях собрать вас всех и повести к Юдину поучиться.

...Направляясь в штабной вагончик, я, человек непосвященный, размышлял: что такое планерка? Скрупулезный подсчет цифр, постановка задач, похвала в адрес передовиков соревнования, «нотация» отстающим? И да, и нет. Я понял, воочию убедившись: планерка — серьезный разговор людей, равно заинтересованных и равно ответственных за стройку века. Планерка — это и учеба, и доброжелательная взыскательность, и поиск резервов повышения производительности труда. Но главное — это пристальный взгляд в день грядущий, итог которого предопределяется сегодня.

Вода в жаркий полдень

Если в Тындинском в жаркий полдень не заморосит дождь из непонятно откуда взявшейся тучки, в поселке нечем дышать. Это не гипербола. В полное безветрие солнце, кажется, прожигает тебя насквозь. Плавится асфальт, но люди держатся, работают. Причем хорошо работают: железнодорожная магистраль все дальше уходит на восток.

А еще донимает пыль. Я думал, можно спастись от нее и зная, подавшись в «глубинку», в зелень тайги, непосредственно на места работ. К сожалению, и в десятках километров от Тындинского в июле изрядно припекало, и некуда было деться от пыли. Она застилала притрассовую автодорогу, где взад-вперед беспрестанно носятся машины. Не пытайтесь шагнуть влево или вправо от дороги — увязнете в болоте. Пыль, пыль... Она на лицах, скрипит на зубах, забивает горло. Она огромным

серым полотенцем растянута над деревьями.

И как же дорог в этих условиях для работающих на БАМе глоток чистой воды, вроде бы не имеющей вкуса и в то же время необыкновенно вкусной! Очень нелегко она доставалась и достается! В подтверждение — такой факт.

Как уже говорилось, еще зимой выброшены «десанты» по трассе будущего БАМа, в том числе на 42-й километр. Не было еще пробуренной скважины, она появилась много позже. Где брать воду для питья, борща, каши и компота? Растапливали лед из реки Гиллой. Ломали, кирками пробили лед почти до дна, ведрами черпали воду. Врачи проверили, сказали:

— Пить можно.

И черпал, черпал солдат из реки. Холодно. Тулуп панцирем стал, колом стоит — и уже солдату не согнуться. С грехом пополам передвигая ноги, шел он с помощью товарищей к огню: отогреться, обсушиться. После опять за дужку ведра хватался, нагибался к проруби...

С водой сейчас значительно легче. Не зря ведь появились в Тындинском специализированные водоснабженческие экспедиции. Бурят скважины одну за другой, пробиваются к живой влаге сквозь толщу вечной мерзлоты, нередко уходя в глубину на 150 метров.

...Один из хозяев воды — компрессорщик Михаил Токарев. Подает воздух под давлением в скважину, из скважины вода идет по трубам в разных направлениях. Ее ждут в бане, прачечной, умывальнике, на кухне. И бегают солдаты от трубы к трубе, едва успевая прикручивать резиновый шланг то к одному жадно глядящему отверстию, то к другому. Стучит компрессорная станция, «вздыхая», течет вода.

Подоспело время обеда. В умывальнике веселый гомон, плеск, радостные вскрики.

— Прелесть! Чудо! — слышит Михаил, и улыбка раздвигает его губы. «На здоровье, ребята», — мысленно желает сослуживцам.

В воде нуждаются и на объектах. Нет-нет да и бросят солдаты взгляд на дорогу: не пылит ли водовозка? Спешит к товарищам водитель рядовой Ильдар Бориев.

Ильдару помнится случай в пути. Вез он цистерну. Впереди — затор из машин. Ох, как не хочется простаивать!

— Пропустите, — просит.

— Отстань, не до тебя.

— Воду везу, — пустил солдат в ход главный свой козырь, ничуть, впрочем, не сомневаясь, что ему придется долго «загорать».

— Воду? Так бы сразу и сказал. А ну, парни!

Затор быстро рассосался, и водители, потеснив свои машины, уступили дорогу водовозке. У Бориева при виде этой солидарности дыхание стеснилось...

Наступила осень, следом придет зима с ее сорока—пятидесятиградусными морозами. А вода — будет. Наряду с другими неза-

Рядовой М. Токарев

медлительно решается в подразделениях вопрос о бесперебойности с водоснабжением.

«Самый-самый лучший дом...»

В той песенке, которая у ребятни на устах, идет речь о Доме игрушек. А с лейтенантом В. Заболотным командир и его заместитель по политической части вели разговор о школе. Но раньше вот о чем хочется сказать. Многие прапорщики, офицеры живут на трассе БАМа с семьями. Понятно, что в семьях есть дети школьного возраста. Наступит 1-е сентября, им нужно садиться за парты. Где? Ведь не под открытым небом! Ну хорошо, старшеклассники станут жить и учиться в Тындинской школе-интернате, а как быть с ребятами младших классов? Решили собственными силами возвести начальную школу. А строить ее доверили лейтенанту Заболотному.

— Вы архитектор по гражданской специальности, вам и карты в руки, — сказал командир. — Учтите, школа — важное дело. Срок ввода ее в строй жесткий.

— Важное дело, — точно эхо, повторил замполит.

— С кем строить? — спросил Заболотный. — И можно ли в случае необходимости вносить поправки в проект?

— Бросим клич среди старослужащих. Наверняка добровольцы найдутся... Если без изменений в проекте действительно не обойтись, то мы не возражаем.

Добровольцев и впрямь оказалось немало. Специалисты — один к одному. Рядовые Кополиани и Бенделяни, Слабоспитский и Халиков, ефрейтор Бузиновский и вожак комсомолки роты сержант Карпушин, — всех не перечислить.

Быстро выяснил Заболотный, кто и на что способен, распределил обязанности. Каждому воину показал его место. Работа взяла разбег. Уложили на вечную мерзлоту «подушку» из песка и гравия. Фундамент посадили на ряжи. Весело, с азартом собирали дом, стелили полы, устанавливали оконные рамы, обивали стены сухой штукатуркой.

К делу войны относились серьезно. Не прощали друг другу малейшей небрежности. Правда, по неопытности (все-таки они мостовики, а не всамделишные плотники, маляры и стекольщики) кто-то, случалось, что-то не так делает. Карпушин и Бенделяни, сами ловко орудуя лопатой и рубанком, тут как тут.

— Давай, — говорят товарищу, — исправим положение, а то потом перед школьниками краснеть придется...

От проекта они кое в чем отступили. Фантазия, инициатива и сметка солдатская тому причиной. Например, крыльца не полагалось — они его смастерили, с витражом из цветных стекол. Пока Заболотный стекла красил, весь стал цветным: и лицо, и руки, и обмундирование. Впрочем, он считает это несущественной деталью. Главное, очень хотелось доставить школьникам светлую радость внутренним и внешним видом школы — этого жизненно необходимого дома на БАМе. А еще они сделали декоративную перегородку в гардеробе, со вкусом оформили зону отдыха в холле, беседку при входе, спортивную площадку. Словом, поработали как следует.

Начальная школа к тому времени, когда я беседовал с лейтенантом Заболотным, была почти достроена. Любо-дорого посмотреть со стороны на результат труда умелых солдатских рук. Солнце разбивается о чистенькие стекла, зайчики пляшут на стенах. Голубой фасад, под фон тайги — стены. Точно игрушечный, стоит этот «самый-самый лучший дом» для ребятнишек на БАМе. Добрую память оставили после себя воины, которые осенью уволились в запас. И, конечно, ждали они напоследок школьникам приносить домой в дневниках лишь пятерки.

СДЕЛАНО В ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

РАСТУТ ЭТАЖИ

За годы девятой пятилетки в Хабаровске и во Владивостоке, в Комсомольске-на-Амуре и Биробиджане, Петропавловске-Камчатском и Южно-Сахалинске, Магадане и Благовещенске появилось немало новых микрорайонов, поднялись сотни этажей добротных многоквартирных домов. Новый облик приобрели села хлеборобов, лесорубов, рыбаков, геологов. Там тоже встали целые улицы многоэтажных жилых зданий со всеми коммунальными удобствами.

В городах и селениях Дальнего Востока идет грандиозное строительство жилья. Только предприятия Главдальстроя за пятилетие ввели в эксплуатацию свыше четырех миллионов 637 тысяч квадратных метров полезной жилой площади. В том числе в Хабаровском крае почти два миллиона 428 тысяч квадратных метров, на Сахалинском и Курильских островах — около 690 тысяч. Камчатском полуострове — свыше 568 тысяч, в Магаданской — более 420 тысяч и в Амурской области — почти 532 тысячи квадратных метров.

Много ли это? Судите сами. В девятой пятилетке строительные организации Главдальстроя дали дальневосточникам почти на миллион квадратных метров жилья больше, чем за годы восьмой пятилетки.

Однако приведенные выше цифры не совсем точно отражают действительную картину жилищного строительства. Ведь дома строит не только Главдальстрой, но и многие другие организации — предприятия местных Советов, кооперативы. В Хабаровском крае, например, как нам сообщили в статуправлении, все ведомства построят за пятилетие свыше трех с половиной миллионов квадратных метров полезной жилой площади. В каждом году восьмой пятилетки в Хабаровском крае в среднем новые квартиры получали двенадцать тысяч семей, а вот в девятой пятилетке новоселье ежегодно справляло свыше пятнадцати тысяч семей.

В Приморье только в краевом центре — Владивостоке — в девятой пятилетке сдано в эксплуатацию почти полтора миллио-

на квадратных метров жилой площади. Десятки тысяч семей справили новоселье или улучшили свои бытовые условия. Появились новые благоустроенные жилые микрорайоны со своими торговыми предприятиями, учреждениями культуры, пунктами бытового обслуживания населения.

НОВЬ СТАРОГО ЗАВОДА

В августе нынешнего года Хабаровскому нефтеперерабатывающему заводу имени Серго Орджоникидзе исполнилось сорок лет. Предприятие, построенное еще в первые пятилетки, коренным образом реконструировано. Многие производственные участки стали просто неузнаваемы. Особенно разительные перемены произошли за годы девятой пятилетки.

Построена и введена в намеченные сроки на проектные показатели установка каталитического риформинга. Завод начал вырабатывать для нужд народного хозяйства Дальнего Востока высокооктановые автомобильные бензины А-72, А-76, АИ-93 вместо низкосортного А-66. Стало возможным намного больше получать водорода для очистки дизельного топлива, почти вдвое увеличилась выработка бытового газа.

Недавно в ажурный пейзаж завода вписались новые серебристые сооружения почти тридцатиметровой высоты. Введена в строй установка непрерывного окисления гудрона. Агрегат дал первые тонны строительного нефтебитума. Новая установка на 15—20 процентов производительнее вертикальных огневых кубов, использовавшихся для получения битума прежде. Она не требует длительных остановок для загрузки гудроном и профилактического ремонта. Управление установкой дистанционное и полностью автоматизировано. Теперь предприятие будет производить жидкого, твердого и кровельного нефтебитума на пятнадцать процентов больше, чем раньше.

Проект установки был разработан группой конструкторов во главе с начальником заводского проектно-конструкторского отдела С. Н. Бушуевым. Работу на новом

Хабаровск сегодня

Фото А. Галушко

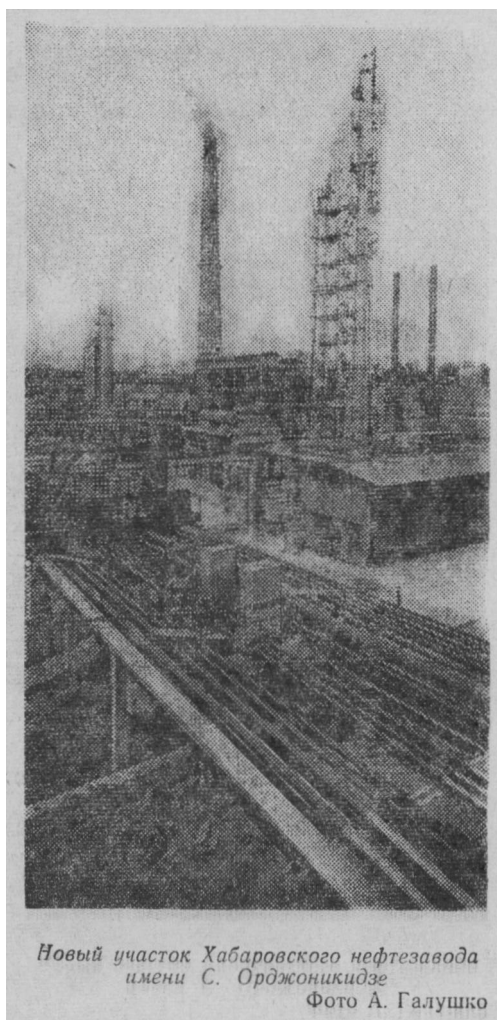
Новый жилой микрорайон Владивостока в районе бухты Тихая

Фото И. Тарасова

агрегате успешно освоили смены старших операторов Г. Н. Проклова, В. И. Михеева, П. И. Тершукова, А. В. Тисленко.

Коренной реконструкции подверглись почти все цехи. На комбинированной установке прямой перегонки нефти и термического крекинга заменены малопроизводительные насосы, оборудование и аппарату-

ра. В результате ее мощности возросли в два раза без увеличения численности обслуживающего персонала. Обеспечены устойчивость и гибкость технологического процесса, высокий уровень автоматизации, повышена культура производства. Эти же цели достигнуты и на других реконструированных объектах.

Новый участок Хабаровского нефтезавода
имени С. Орджоникидзе
Фото А. Галушко

— Экономическую эффективность реконструкции действующих установок характеризуют такие цифры, — рассказывает директор завода М. Ф. Мусин. — На модернизацию первой установки мы затратили около трех миллионов рублей и достигли значительного прироста по переработке нефти. Чтобы получить эту же мощность за счет строительства нового завода, пришлось бы израсходовать значительно больше средств. Заметный выигрыш получен также при реконструкции второй установки, сооружении комплекса каталитического реформинга. При этом затраты, вложенные в расширение и реконструкцию действующего завода, окупаются почти в два раза быстрее, чем при строительстве нового.

Коллектив старейшего в крае нефтеперерабатывающего завода, завершает пятилетку с отрядными показателями. По предварительным данным, объем переработки нефти увеличится в 1,6 раза, производительность труда возрастет почти на 38

процентов. Объем реализации продукции увеличится против 1970 года на 57 процентов при пятилетнем задании 46,7 процента. Дополнительно ее будет реализовано на несколько миллионов рублей.

ЛЕСНЫЕ ГИГАНТЫ

Амгунский, Шелеховский, Булавинский, Уктурский, Николаевский, Снежный — это названия новых лесозаготовительных предприятий. Только в Хабаровском крае их создано за пятилетие двенадцать да почти столько же в других областях Дальнего Востока.

Лесная промышленность Востока страны стала на прочную индустриальную основу. Объединение Дальлеспром — это 78 механизированных леспромхозов, сплавные конторы, крупные ремонтные заводы, авто- и железнодорожные хозяйства. В отрасли занято около восьмидесяти тысяч человек. Предприятия лесной индустрии Дальнего Востока заготавливают сейчас свыше 25 миллионов кубометров древесины в год, около половины этого количества приходится на леспромхозы Хабаровского края. Заготовки леса с начала пятилетки возросли почти на одну пятую.

На вооружение лесозаготовителей пришла новая мощная техника. Вот один из примеров. На делянах Падалинского леспромхоза недавно успешно прошли испытания валочно-трелевочной машины. Самоходный агрегат на базе трактора ТТ-4 обладает хорошей маневренностью. Он в считанные минуты зажимает дерево специальным захватом, спиливает его и валит в нужном направлении. С помощью оригинального устройства хлыст укладывается на коник машины и транспортируется на верхний склад. По заключению лесозаготовителей, новый механизм более чем втрое повышает производительность труда. Он заменяет прицепщика, вальщика с помощником. Лесным комбайном управляет один человек — оператор.

На делянах работают высокопроизводительные сучкорезные агрегаты. На транспортировке используются большегрузные автомобили, тяжелый труд многих людей взяли на себя челюстные самоходные погрузчики. На нижних складах только в завершающем году пятилетки вступило в строй двадцать полуавтоматических линий. Построены лесные трассы круглогодочного действия. В труднодоступных и отдаленных лесных массивах применяется вахтовый метод лесозаготовок. В тайге создан своеобразный конвейер, освободивший от трудоемких операций сотни производителей.

Чтобы лучше организовать работу огромного и сложного хозяйства, недавно осуществлена реорганизация управления лесной промышленностью Дальнего Востока. Дальневосточное управление стало Всесоюзным, устранено одно из звеньев в системе производственных лесозаготовительных объединений — комбинаты Нижне-

амурлес, Комсомольсклес, Ургаллес, Приморсклес, Сахалинлес и другие. Каждые группы леспромпхозов и других служб, входивших прежде в состав комбинатов, возглавили генеральные директоры. Например, в Лазовсклес с центром в Сите входят в качестве филиалов — Хорский, Вяземский, Оборский леспромпхозы, Хорская сплавная контора и Оборское железнодорожное хозяйство.

Лесная промышленность продолжает развиваться. Например, в Хабаровском крае сейчас сооружаются и реконструируются семнадцать лесозаготовительных предприятий. В связи со строительством Байкало-Амурской магистрали для нужд народного хозяйства будут использованы новые огромные лесные массивы. В Приамурье в зоне БАМа появятся двадцать пять новых леспромпхозов, объединенных в крупные лесопромышленные комплексы. Эти предприятия станут ежегодно заготавливать свыше двенадцати миллионов кубометров древесины.

ФАБРИКИ СЕЛЬСКОЙ ИНДУСТРИИ

В первый день октября завершающего года пятилетки государственные комиссии с оценкой «отлично» приняли Дальневосточную птицефабрику и Хабаровский свиноводческий комбинат. Птицефабрика на 550 тысяч кур-несушек сооружена за два года и девять месяцев вместо пяти с половиной лет по норме продолжительности строительства. Досрочно — на три месяца раньше намеченного — вступил в эксплуатацию и свиноводческий комбинат.

В Некрасовке, вблизи города Хабаровска, сооружено свыше ста животноводческих помещений и других производственных объектов, оснащенных современными средствами механизации и автоматизации. Высокоэффективные сложные очистные сооружения, водозаборный комплекс. Строители выполнили около миллиона кубометров земляных работ, смонтировали 103 тысячи кубометров железобетона, 26 тысяч тонн металлоконструкций. Общая протяженность трубопроводов 110 километров. Построено восемнадцать километров автомобильных дорог и четырнадцать километров линий электропередач.

Годовая проектная мощность птицефабрики — 131 миллион яиц и 900 тонн куриного мяса. Сооружалась она с учетом достижений мировой науки и практики. Полносборные здания и весь комплекс технологического оборудования поставила фирма «Перлеберг» из Германской Демократической Республики.

Раздача кормов на фабрике производится программным управлением. Чтобы прокормить птице «население», понадобится сто двадцать тонн кормов в сутки. Энергичные, чистоплотные механизмы снабжают «хохлаток» водой, собирают яйца, наводят чистоту и порядок в помещениях. Комплекс современных сооружений обес-

Новая линия полуавтоматической разделки
в Вяземском леспромпхозе
Фото А. Галушко

печивает механическую и биологическую очистку сточных вод. Автоматическим системам вменяется в обязанность поддерживать оптимальный температурно-влажностный режим в куриных обитателях.

Путь от яйца к курице... В инкубатории — «родильном доме» — цыплята проводят день-два. Затем их переводят в цехи выращивания молодняка. Это огромные помещения из оцинкованной стали. Площадь каждого свыше тысячи квадратных метров. Крохотных пушистых обитателей в первые дни жизни обогревает электрическая наседка. Им будет тепло — автоматы обеспечивают температуру 32 градуса. В первые дни цыпляток приходится кормить вручную. Затем заботу об их пропитании берут на себя аккуратные механизмы.

Дальневосточную фабрику называют Птицеградом. Это действительно так. Ее владения занимают площадь в сорок гектаров. Одних только птичников здесь шестьдесят восемь. Известна и цифра всего птичьего поголовья — один миллион двести тысяч голов.

Свиноводческий комбинат также оснащен современными средствами механизации и автоматизации. Он рассчитан на выращивание и откорм 54 тысяч свиней в год. Предприятие будет давать ежегодно более 62 тысяч центнеров свинины — главным образом мясной и беконной.

Ведущая фигура в этом сложном хозяйстве — оператор. Это механизатор высокой квалификации, умеющий управлять первоклассной техникой. Корма готовятся в специальных цехах и из кормосмесителей по трубопроводам подаются «хрюшкам» непосредственно к «столу». Мощные установки гидросмыва убирают навоз, наводят идеальную чистоту в помещениях. Механизмы строго следят и за соблюдением оптимального микроклимата в свинарнике.

Проектировщики предусмотрели максимум удобства для птицеводов и работников фабрики мяса. В бытовых блоках имеются раздевалки, душевые, комнаты отдыха. Каждое утро операторам и другим специалистам выдается чистая спецодежда, прошедшая обработку в прачечной своего комбината.

В четырех километрах от свиного комплекса за зеленой рощицей расположился жилой поселок городского типа. Работники комбината живут в благоустроенных квартирах. В поселке своя школа, два детских сада, магазины.

По случаю досрочного ввода в эксплуатацию на полную мощность Дальневосточной птицефабрики и Хабаровского свиноводческого комбината в Некрасовке состо-

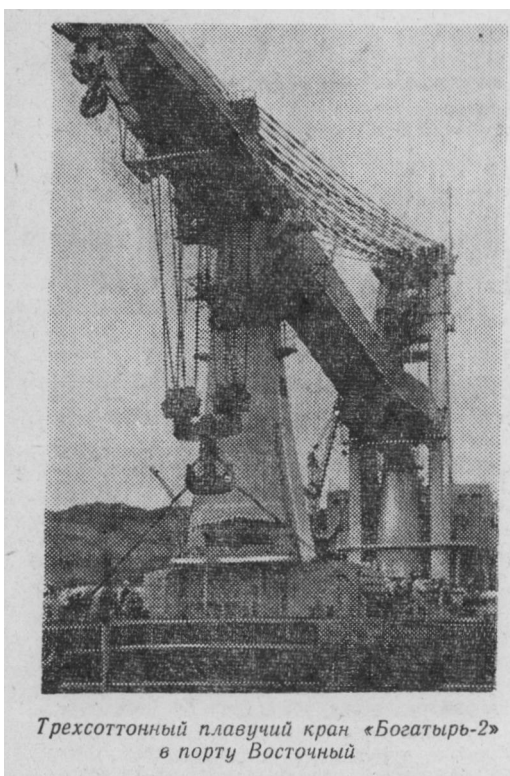
ялся торжественный митинг. Выступая на митинге, первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС А. К. Черный подчеркнул, что сооружение птицефабрики и комбината явилось наглядной демонстрацией того, что трудящиеся края быстрее всего поднимают сельское хозяйство считают своим кровным делом. На сооружении этих объектов хорошо проявилось тесное сотрудничество и взаимопомощь коллективов строителей, промышленных предприятий и проектных организаций. Образцы самоотверженного труда показали десятки строительных и монтажных бригад.

Отличное оборудование, установленное на Дальневосточной птицефабрике, отметил А. К. Черный, изготовлялось нашими немецкими друзьями из Германской Демократической Республики. Почти с самого начала строительства на объектах птицефабрики трудилась бригада шеф-монтажников из ГДР. Этот факт является одним из многих конкретных проявлений крепкой братской дружбы между народами наших стран и взаимовыгодного сотрудничества.

**П. БАРАНОВ,
М. ХАНУХ.**

НОВЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СУДА, НОВЫЕ ПОРТЫ

За годы девятой пятилетки транспортный, пассажирский и ледокольный флот Дальневосточного ордена Ленина морского пароходства пополнился многими десятка-

ми первоклассных судов различных типов и назначений. Среди них — контейнеровозы типа «Пионер Приморья», крупнейшие сухогрузные транспорты типа «Ленинская гвардия», лесовозы-пакетовозы «Николай Новиков» и «Пионер Москвы», специализированные суда-щеповозы «Григорий Алексеев» и «Павел Рыбин», рефрижераторные теплоходы «Марина Раскова» и «Анри Барбюс», самые мощные в мире дизель-электрические ледоколы «Ермак» и «Адмирал Макаров», круизный пассажирский лайнер «Федор Шаляпин» и многие другие суда, совершающие ныне регулярные рейсы не

только в дальневосточных морях, но и во всех океанах, посещающие порты многих стран. За годы пятилетки значительно вырос грузооборот, а также серьезно улучшились экономические показатели работы этого одного из крупнейших в нашей стране морских пароходств.

Укрепилась судоремонтная база флота, реконструировано и расширено береговое хозяйство всех дальневосточных портов, оснащенных ныне сложной современной техникой. Это позволило сократить сроки загрузки и разгрузки судов, резко повысить производительность труда на этих важных операциях. На новых основах благодаря широкому внедрению контейнерных перевозок в более сжатые сроки осуществляются теперь смешанные морские и железнодорожные перевозки.

Одновременно осуществлялись и продолжают широким фронтом работы по сооружению новых портов. В Директивах XXIV съезда КПСС, например, говорилось: «Завершить сооружение первой очереди глубоководного порта на Дальнем Востоке в районе Находки». За этой строкой Директив колоссальная проделанная работа. В осенние дни 1970 года на берегах бухты Врангеля, близ действующего, построенного в послевоенные годы крупного порта Находки, началось строительство нового глубоководного порта. В декабре 1973 года отсюда, из Восточного порта, ушел в рейс первый теплоход с экспортным лесом. Один за другим сдавались в эксплуатацию современные, прекрасно оборудованные причалы и другие сооружения молодого порта. В завершающем году девятой пятилетки здесь вступил в строй мощнейший комплекс по перегрузке технологической щепы с причалом № 10. А в декабрьские дни, накануне финиша девятой пятилетки, вступит в строй крупнейший в нашей стране контейнерный терминал. Продолжая строиться, Восточный порт за годы пятилетки уже переработал более миллиона тонн народнохозяйственных грузов.

И. ТАРАСОВ.

С. ЮРОВСКИЙ,
кандидат философских наук,
доцент

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

«Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками».

В. И. Ленин

Стопятидесятилетие восстания «дворянских революционеров», вошедших в историю нашей родины, в историю русского революционного движения под именем декабристов, знаменательно во многих отношениях. Марксистско-ленинская историческая наука уже давно развенчала как абсолютно несостоятельный, по существу своему идеалистический тезис относительно беспочвенности и мечтательности данного движения.

И действительно, исторически и житейски сложилось так, что если знаменитая книга первого русского революционера А. Н. Радищева — «Путешествие из Петербурга в Москву» — явилась самой первой попыткой провозглашения на русской почве буржуазно-революционной идеологии, то восстание дворянских революционеров было стремлением применить буржуазно-революционные идеи к жизни, реализовать их в действительности. «В 1825 году, — писал В. И. Ленин, — Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами»¹.

Выступления декабристов 14 декабря 1825 года и 3 января 1826 года знаменуют собою высшую ступень в истории русского революционного движения первой четверти XIX столетия. По справедливому замечанию А. И. Герцена, это движение «...открыло новую фазу нашему политическому воспитанию и — что может показаться странным, — громадное влияние, которое имело это дело и которое сильнее действовало, чем пропаганда в теории, оказало

самое восстание, геройское поведение заговорщиков на площади, во время суда, в кандалах, в присутствии императора Николая, в рудниках, в Сибири»¹.

Декабристы первыми с оружием в руках выступили против царизма, выдвинули в качестве программного требования уничтожение крепостного права и установление республики. Таково было требование Южного общества декабристов — наиболее революционного крыла данного движения. Однако оно не было единым, а тем более демократическим. В. И. Ленин справедливо указывал на классовую ограниченность декабристов, определял их движение как «дворянскую революционность». «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа»². Характерная для декабристов ориентация на «военную революцию», их страх перед массовым движением угнетенного царизмом и крепостничеством крестьянства — все это не могло не обусловить узость и ограниченность их стремлений как в области революционного самосознания, так и в определении конкретных путей преобразования общественной и политической жизни России. И все же их дело не пропало. Идеи декабризма вдохновили А. И. Герцена, а вслед за ним и славную когорту русских революционных демократов последующих десятилетий. В этом великое историческое значение носителей «дворянской революционности».

¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., Политиздат, 1951, с. 259.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КРЕДО
ДЕКАБРИСТОВ

Общественно-политическая и революционная деятельность декабристов, впервые в истории России создавших революционную организацию, подготовившую восстание с целью преобразования страны на основе революционно-буржуазной идеологии, явилась отражением глубоких социальных сдвигов, ознаменовавших собою первые десятилетия прошлого века. Это было время, когда в России еще не существовало революционного класса, способного возглавить борьбу трудящихся масс против средневековых устоев «чудовищной империи», как квалифицировал самодержавный и крепостнический строй того времени выдающийся русский революционер-демократ А. И. Герцен.

Этот строй тормозил экономическое, политическое и культурное развитие нашей Родины. Ряд буржуазных революций, прокатившихся волной на Европейском континенте и в Америке, не мог не сказаться и на судьбах России. Развитие капитализма в этих странах в известной степени способствовало не только усилению самого процесса разложения крепостнических отношений, но и росту сопротивления крестьянских масс по отношению к крепостному гнету. Достаточно напомнить, что с 1813 по 1825 годы число крестьянских восстаний достигло свыше пятисот.

История освободительного движения в нашей стране зафиксировала ряд фактов, свидетельствующих о нарастании народного сопротивления устоям самодержавия и крепостничества. Так, в течение двух лет, с 1818 по 1820 год, имели место крупные волнения на Дону, охватившие свыше сорока пяти тысяч крестьян. В 1819 году произошло восстание в военных поселениях близ Новгорода. 1820 год отмечен восстанием Семеновского гвардейского полка. В течение 1822—1823 годов на уральских заводах купцов Расторгуевых восстание охватило свыше восьми тысяч человек и продолжалось более двух месяцев.

Рост освободительного движения в стране не мог не приводить в трепет царизм. Атмосфера растущего недовольства и сопротивления по отношению к самодержавно-крепостническому режиму в России и заставляла передовую часть дворянства задуматься над происходящими явлениями общественной жизни и попытаться обнажить пороки ненавистных порядков и определить пути их устранения. «...Всеобщий голос недовольства в народе, — подчеркивал в своих показаниях декабрист А. Борисов, — дал мне идею к размышлению, и я заметил, что это происходит от несправедливых требований правительства»¹.

Лучшей, наиболее сознательной частью общества того времени было дворянство —

дворянское офицерство. Именно им руководило тогда жизнеутверждающее чувство любви к своему Отечеству. Этому способствовало также активное героическое участие будущих декабристов в Отечественной войне 1812 года. Не случайно, определяя специфику декабризма, В. И. Ленин подчеркивал: «Тогда руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам, и именно дворянским офицерам; они были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн. Массы солдат, состоявшая тогда еще из крепостных крестьян, держалась пассивно»¹.

Участие будущих декабристов в Отечественной войне заставило осознать опасности и страдание своей страны, остро ощутить свою связь с Родиной, поставило ряд насущных вопросов относительно исторической роли русского народа. Более того, эта война также заострила политическое чутье будущих декабристов, сделала их более зоркими и внимательными к требованиям русской жизни.

Уничтожение самодержавия и крепостничества в России составило главное требование революционного крыла декабризма. Декабрист А. И. Борисов отмечал в своих показаниях: «Причина, побудившая нас к сему, была: угнетение народа. К облегчению его участи я решился из патриотизма жертвовать собою»². Ему вторил декабрист М. Лунин. Он писал: «Вслед за отпором внешнего врага совокупностью народных сил: общее внимание естественно обратилось на внутреннее устройство края. Мир без пользы, суетные конгрессы, сокровенные договоры, управление, переданное иноземцам, общее лихоимство, неустойчивость в законодательстве, опустошение области и в пепел обращенная столица, вопияло за Отечеством»³. Есть все основания утверждать, что именно любовь к Отечеству составляла краеугольный камень мировоззрения всех декабристов без исключения. Патриотизм в лучшем смысле этого понятия рассматривался ими в качестве опоры существования и благоденствия государства. Их патриотизм — это не пустопорожнее восхищение всем, что окружает благодетелей страны. Не случайно, один из основоположников движения декабристов Никита Муравьев напоминал своим современникам, что «одними восклицаниями» едва ли можно создать что-либо ценное для своего народа. Только активное участие в жизненных процессах, полагал он, способно придать теоретическим рассуждениям необходимую глубину и силу. «Милой Россией» называл дека-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 318.

² Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., Политиздат, 1951, т. 3, с. 86.

³ М. Лунин. Сочинения и письма. Пг., 1923, с. 69.

¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., Политиздат, 1951, т. 3, с. 85.

брист М. Лунин свою родину, подчеркивая при этом, что только истинная, идущая от всего сердца любовь к ней, которая одновременно не страшится критики порочных сторон жизни своей страны, способна побудить сынов своих к истинному подвигу.

Под этим углом зрения декабристы по праву гордились героическим прошлым своего народа. Никита Муравьев в своем сочинении «Мысли об истории государства Российского», за которое А. С. Пушкин назвал его автора «умным и пылким человеком», с горечью констатировал: «Никакой народ не может гордиться, что перетерпел столько бедствий, не был столь испытан судьбой. Никому, может быть, не готовит она такого воздаяния! Он был избран оплотом Европы против кочующих народов. Народ великий, чуждый вероломства и измены»¹.

Всепобеждающее чувство любви к Отчизне и привело декабристов к испепеляющей ненависти по отношению к порокам общественной и политической жизни самодержавной России. Самодержавие и крепостничество, утверждали декабристы, органически чужды самой природе великого русского народа. Согласно оценке К. Ф. Рылеева, самодержавие лишено основ в русской жизни и представляет собою по существу «власть чужеземную». Любовь к Родине он связывал с ненавистью к поработителям народа. Воздав должное министру при Петре I Вольнскому, в стихотворении «Вольнский» К. Ф. Рылеев так определял истинный смысл патриотизма:

Любовью к Родине дыша,
Да все для ней он переносит
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отбросит.
Пусть будет чести образцом,
За страждущих — железной грудью,
И вечно заклятым врагом
Постыдному неправосудью...

Самодержавие, согласно характеристике М. Лунина, — «общественное здание, основанное на песке».

Примечательно, что патриотизм декабристов был органически чужд великодержавному шовинизму, столь типичному элементу мирозерцания носителей самодержавной реакции в России. Изобличая последнее, как совершенно неприемлемый общественный строй, декабристы резко выступали против национального угнетения других народов. Декабристы резко осуждали угнетение Польши. Они считали настоятельно необходимым учитывать своеобразие национальных интересов народов Кавказа. Касаясь присоединения Кавказа к России, М. Лунин в качестве первоочередной задачи считал крайне важной «организовать страну. А система, принятая с этой последней целью, по-видимому, оши-

бочна, ибо она не удалась ни в западных равнинах, ни на юге в горах»².

Одной из негативных сторон самодержавной действительности в России декабристы считали царское законодательство во всех формах его проявления. В условиях господства самодержавия и крепостничества, полагали они, законодательство не может быть справедливым, соответствующим интересам народных масс. Так, царские судьи, например, справедливо утверждали декабристы, занимаются преимущественно грабежом, облаченным в юридическую форму.

Срывая все и всяческие маски с самодержавного судопроизводства, М. Лунин подчеркивал, что оно «...начинается во мраке, тянется в безмолвии украдкой, часто без ведома одной из участвующих сторон и оканчивается громадою бесполовых бумаг...» А кто вершает суд? Отвечая на этот вопрос, М. Лунин с гневом констатировал: «Кавалеристы, которые не усидят уже верхом; моряки, которые не снесут уже качку; иностранцы, которые не понимают русского языка; одним словом все, которых некуда девать, находят мягкое кресло в Правительственном Сенате»³. Совершенно очевидно, справедливо заметил М. Лунин, — если ждать истину из этого учреждения, то слишком много воды утечет, пока это произойдет. «Наши Судьи, — гневно восклицал он, — в которых совершают купчие и закладные, подобные базарам, где торгуют человеческим мясом».

Не менее резкой критике, чем судопроизводство и деятельность Правительственного Сената декабристами была подвергнута система так называемого народного просвещения. При этом особо досталось цензуре, стоявшей на страже самодержавных порядков, узурпировавшей свободу мысли. По выражению Н. Муравьева, царская цензура подобна системе браминнов, согласно которой Вселенная якобы стоит на четырех слонах, а слоны на огромной черепахе, а черепаха на бездне. Таким образом, какую бы сторону общественной или политической жизни самодержавной России декабристы не взяли, они везде и повсюду констатировали непреодолимую безысходность своего времени. При этом их потрясал до глубины души тот факт, что как в самом строе, так и за его пределами не было необходимых преобразующих сил. Планы так называемых конституционных реформ Александра I носили по преимуществу абстрактный характер. Они были далеки от жизни. Однако при всем этом декабристы хотя и приходили к выводу о необходимости ликвидации самодержавия, но отвергли самую идею дворцового переворота. «Тайный союз, — утверждал М. Лунин, — не мог ни одобрять, ни желать дворцовых революций»³.

¹ М. Лунин. Сочинения и письма. Пг., 1923, с. 45.

² М. Лунин. Цит. соч., с. 56.

³ М. Лунин. Цит. соч., с. 71.

¹ Н. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, с. 102.

Декабристы больше всего боялись народной революции. Они всячески опасались участия в процессе преобразования России народных масс и прежде всего крестьянства. «Мы более всего боялись народной революции, — откровенно признавались декабристы, — ибо она не может быть не кровопролитна и не долговременна»¹. В свете этого заявления можно понять тревожное состояние Матвея Муравьева-Апостола, который в письме к брату своему Сергею — руководителю Васильковской управы Южного общества, спрашивал: «Допустим даже, что легко будет пустить в дело секиру революции, но поручитесь ли вы в том, что сумеете ее остановить?»². Подвергая сомнению революционный путь преобразования России, декабристы рассчитывали изменить общественный строй преимущественно с помощью армии. Они были уверены в том, что во время восстания «...первая масса, которая восстанет, увлечет за собой прочие и что посланные войска против нас, к нам же присоединятся». Примечательно в этом смысле признание М. Бестужева-Рюмина: «Не хотели мы возбуждать народ к возмущению. Мы желаем, чтобы переворот был непродолжителен и не кровопролитен»³.

Стремление декабристов осуществить преобразование общественной жизни России вне народного возмущения привело некоторых из них к мысли о конституционной монархии. Так, декабристы, группировавшиеся вокруг Никиты Муравьева, ориентировались на создание в России именно такой формы государственной власти. Император рассматривался в проекте конституции Н. Муравьева в качестве верховного чиновника государства. Однако более значительная часть декабристов, объединившаяся вокруг Пестеля и Рыльева, считала необходимым установление в России республики. Таковы различные тенденции в решении принципиального вопроса о политическом и государственном устройстве России, которые имели место среди декабристов Южного и Северного обществ.

Не менее противоречивыми были их представления и по вопросу об отношении к крепостничеству. Разделяя в целом определяющее положение о необходимости уничтожения последнего, у них не было единого мнения о наделе крестьян землей, вне которого ликвидация крепостничества оставалась иллюзорной. Так, декабрист Никита Муравьев исходил из того, что все русские равны перед законом. Источником верховной власти должен, — полагал он, — быть народ. Согласно конституции Муравьева, «Крепостное состояние и рабство отменяется. Раб, прикоснувшийся

к земле Русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдными не принимается...»¹.

Идея равенства и ликвидация каких бы то ни было преимуществ дворянства нашла свое дальнейшее развитие в «Русской правде» П. И. Пестеля. «Рабство должно быть решительно уничтожено, — читаем мы здесь, — и дворянство должно непременно отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми»². Таков идеал наиболее революционных деятелей декабризма.

Однако пути реализации этого идеала оставались неизвестными. В силу классовой ограниченности декабристы оказались неспособными решить главный вопрос того времени — вопрос о полном уничтожении помещичьего землевладения. Даже согласно программе Южного общества, наиболее радикальной части декабристского движения, утверждавшей необходимость широкого наделения крестьян землей, во владении помещиков оставались поместья, не превышающие пяти тысяч десятин земли. И только поместья свыше десяти тысяч десятин подлежали половинной конфискации. Таковы сила и слабость предначертаний декабристов в решении крестьянского вопроса.

Вопреки присущей им классовой ограниченности, дворянские революционеры во многих отношениях шли дальше ряда западно-европейских революционеров первой четверти XIX столетия. В полном соответствии с принципами прогрессивного патриотизма они подвергли принципиальной критике западно-европейские порядки, которые насаждались тогда так называемым «Священным союзом», выражавшим интересы аристократической реакции и сомкнувшейся с нею крупной буржуазии Англии, Франции и Германии. Они категорически осудили дух торгашества, который проникал во все сферы западно-европейской жизни. Порядки, господствовавшие тогда в Европе, согласно оценке В. К. Кюхельбекера, «должны казаться унижительными и рабскими».

Осуждая пороки государственного и общественного строя в странах Западной Европы и США, декабристы приветствовали революционные выступления, имевшие место в Испании и Италии, стремились оказать содействие восставшей Греции. Они ратовали за свободу европейских народов. Примечательна в этом отношении их помощь польским революционерам в процессе подготовки вооруженного восстания 1824 года, направленного против российского самодержавия.

Ликвидацию рабства и угнетения в России декабристы не мыслили себе вне освобождения от этих же проявлений бур-

¹ Восстание декабристов. Сборник. М., Политиздат, 1927, т. 1, с. 458.

² Восстание декабристов. Сборник. М., Политиздат, 1950, т. 9, с. 211.

³ Там же, с. 57.

¹ Н. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1938, с. 322.

² Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., Политиздат, 1951, т. 2, с. 101.

жуазной действительности, которые наблюдали они в Западной Европе. Декабрист М. Бестужев-Рюмин был убежден в том, что русская армия, воспрянув и закалившись в борьбе с устоями самодержавия и крепостничества в России, на этом не остановится. Она «освободит Россию и, быть может, целую Европу... Великое дело совершится, и нас провозгласят Героями века»¹. И хотя эта мечта в те времена оставалась неосуществленной, но стремление предшественников пролетарских революционеров явилось великим предзнаменованием грядущей свободы нашей Родины. Всем памятно гениальное предвидение А. С. Пушкина:

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ

Дворянские революционеры оставили заметный след не только в истории освободительного движения в России, но и в ряде областей великой русской культуры. Они были широко образованными людьми и всегда стояли «с веком наравне».

Испыгывая живой интерес к проблемам мировоззрения и познания мира, лучшие, наиболее последовательные в своих революционных устремлениях декабристы внесли весомый вклад в философскую науку. Правда, их искания были неравнозначны. Издавна известные две линии в философии — материализм и идеализм — сказались и на философском творчестве декабристов.

Среди источников философских воззрений декабристов в первую очередь обращает на себя внимание передовая русская мысль от М. В. Ломоносова до А. С. Пушкина. Не случайно, говоря о роли великого поэта в формировании передового мировоззрения декабристов, И. Д. Якушкин отмечал, что «...в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть». Пушкин, по мысли декабристов, был подлинным выразителем передовых идей своего времени, потому поэтом истинно народным.

Серьезное влияние на декабристов оказали также французские философы и материалисты XVIII века. Сочинения Руссо и Вольтера, Дидро и Гольбаха, а также труды английских философов XVII века — Дж. Локка, Томаса Гоббса были предметом пристального изучения дворянских революционеров. Важно подчеркнуть при этом, что они не считали себя лишь простыми подражателями этих выдающихся идеологов классических буржуазных революций своего времени. Декабристам было присуще критическое отношение к западно-европейским мыслителям прошлого. Изучая их наследие, они сопоставляли идеи этих

мыслителей с русской действительностью. Так, Н. Муравьев осудил утверждение Монтескье о том, что слава монарха якобы обеспечивает свободу граждан. Тезис Монтескье — «монарх — источник всей гражданской и политической власти» — вызвал презрительную и ядовитую реплику Н. Муравьева: это «плохой источник, сточные воды». Изучая Монтескье, Н. Муравьев подверг критике его положение о том, что свобода есть право делать все то, что разрешают законы. Определение свободы, данное Монтескье, считал Н. Муравьев, узурпирует человеческую личность, ибо основой подобной «свободы» выступает насилие. И потому, в противовес концепции Монтескье, Н. Муравьев требовал чтобы свобода жила на таких законах, которые соответствуют естественным правам человека и обеспечивают безграничное развитие личности.

Декабристы решительно выступали также против идеалистических заблуждений западно-европейских философов. В этом смысле характерна критика И. Д. Якушкиным дуалистической концепции Р. Декарта. Указывая на значительную роль этого выдающегося французского философа XVII века в борьбе со средневековой схоластикой и талмудизмом, Якушкин не мог простить ему увлечение дуализмом. Важно подчеркнуть также резкое осуждение материалистически мыслящими декабристами типа П. И. Пестеля, Н. А. Крюкова и других видного немецкого идеалиста той поры Шеллинга, всеу призывавшего примириться с существующей действительностью. Немецкий идеализм утверждался на русской почве кружком «любомудров» в лице Погодина, братьев Киреевских, В. Одоевского и других. Решительно осуждая слепое преклонение перед носителями идеалистической философии, поэт-декабрист А. Одоевский остроумно заметил, что «любомудры», жарясь на огне Шеллинга, лишены священного чувства патриотизма.

Идеалистическая философия, по мысли декабристов, разделявших определяющие принципы философского материализма, всегда была органически связана с религией. Именно поэтому идеализм не только извращает реальную картину мира, но и противостоит свободе, оправдывая любое злодеяние. Именно под этим углом зрения декабрист А. Барятинский и противопоставил печально знаменитому тезису Ф. Вольтера: «Если бы не было бога, надо было бы его выдумать», следующую плодотворную мысль:

«Вникните в природу, спросите историю,
Вы поймете тогда, наконец, что для
собственной славы бога,
При виде зла, покрывающего весь мир,
Если бы даже бог существовал, — нужно
было бы его отвергнуть»¹.

¹ Восстание декабристов. Сборник. М., Политиздат, 1950, т. 9, с. 117.

¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., Политиздат, 1951, т. 2, с. 440.

Наряду с отрицанием сверхъестественного начала, материалистически мыслящие декабристы отвергли также идеи божественного творения мира. «Преданием старины глубокой» квалифицировал эту идею И. Д. Якушкин.

Определяя философскую позицию декабристов, нельзя не учитывать уровня научной мысли того времени. Они не могли еще глубоко и всесторонне подойти к правильному решению вопроса о природе окружающего мира. Однако, исходя из основополагающих принципов философского материализма, те из декабристов, кто разделял их, основной вопрос философии — об отношении мышления к бытию — решали в духе последовательного материализма. И. Д. Якушкин в своем труде «Что такое жизнь» отмечал, что жизнь — результат развития природы, материи. Живое от неживого прежде всего отличается органически присущей живому способностью к самообновлению. Исходя из определяющего закона развития природы — закона взаимодействия живого организма с окружающей средой, И. Д. Якушкин рассматривал вопрос о природе мышления. Мышление, был убежден он, порождается жизнью «в своем высшем развитии». Любопытно, что даже в условиях своего времени, когда физиология высшей нервной деятельности как наука еще не существовала, И. Д. Якушкин отдавал себе отчет в том, что мышление органически связано с деятельностью мозга, подобно тому, как способность человека чувствовать окружающий мир с его нервной системой. «Мышление, находясь в непосредственной зависимости от этого сырья (то есть мозга. — С. Ю.), — подчеркивал И. Д. Якушкин, — проявляется вследствие развития жизни; но самые проявления мышления столько же отличны от проявлений жизни, как и проявление света отличны от проявления тепла, хотя тепло и свет могут проявляться вместе в одном и том же предмете»¹.

Подчеркивание материалистически мыслящими декабристами первичности материи и вторичности сознания, следует рассматривать как одно из важнейших завоеваний русской философской мысли первой четверти минувшего века.

Материализм декабристов носил по преимуществу метафизический механистический характер, что не исключает, конечно, наличие известных элементов диалектики в философских суждениях дворянских революционеров. Неоднократно упомянутый нами И. Д. Якушкин, как один из наиболее крупных философов среди декабристов, подчеркивал, что «в природе беспрестанно все движется». Но самое движение он сводил к механическому передвижению тел и различал его по скорости и направлению. «Перемещение тел в пространстве мы называем движением», — подчеркивал

И. Д. Якушкин. Основой всего окружающего мира, по его мнению, выступают так называемые единичные — своеобразные, неделимые, беспрестанно движущиеся кирпичики мироздания. Перед нами наглядное выражение механицизма и метафизичности мышления, которые были присущи декабристам. Причину подобного рода заблуждений следует усматривать в ограниченности научных знаний того времени и в отрыве декабристов от успехов естествознания, за которыми они не могли следить, находясь в условиях сибирской ссылки. И все же. В работах наиболее революционно настроенных декабристов мы обнаруживаем тенденцию к преодолению механицизма и метафизичности. Изучая природу во всей сложности ее жизненных процессов, открывая законы развития материального мира, полагал А. Бестужев, — человечество наглядно убеждается в беспредельности миров, которая открывается за границей зрения.

Важно подчеркнуть, что материалистически мыслящие дворянские революционеры разделяли принцип причинной связи между явлениями как в природе, так и в обществе и взаимодействие между ними. Особый интерес в этом смысле представляют суждения декабриста И. И. Пущина. Он отмечал взаимную связь и развитие, как две стороны одного и того же процесса взаимообусловленности явлений. Именно на этом основании в письме к Энгельгардту из Читы от 14 марта 1830 года, касаясь будущего идей, за которые боролись декабристы, Пущин выражал глубочайшую уверенность в их торжестве, вопреки страданиям, которые сулила им каторга в Сибири. Ему был ясен исход борьбы как «...человеку, понимающему причину вещей и неперменную связь их с тем, что рано или поздно должно восторжествовать»¹.

Солидаризируясь с Пущиным, П. И. Пестель настаивал: «Должно внимание всегда быть обращено на общую связь, которую надлежит также искать естественно в сущности предмета, в которой она неминуемо найдена будет»². Элементы диалектического подхода к действительности обнаруживаются в суждениях и других декабристов. Необходимость революционной борьбы Н. Тургенев, например, объяснял наличием «взаимного борения граждан» в государстве.

В области истолкования общественных явлений декабристы, однако, стояли на позициях идеализма. В качестве определяющего двигателя исторического процесса они выдвигали прогресс разума. «Естественный ход вещей, — указывал Н. Муравьев, — заключается в том, что от времени до времени рождаются новые понятия, новые мысли».

¹ И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма из Сибири. М., 1925, с. 158.

² П. И. Пестель. Русская Правда. СПб., 1906, с. 167.

¹ Там же, т. 1, с. 168—169.

Самую революционную борьбу декабристы трактовали как результат столкновения старых и новых идей. «По неизменному закону нравственного мира, — подчеркивал М. Лунин, — истина требует борьбы: боренье началось; требует крови: кровь пролита». Если по Лунину революционный процесс выступает преимущественно как столкновение политических идей, то выдающийся вождь декабризма П. И. Пестель стремился найти источник этого противоборства в столкновении экономических, хозяйственных интересов граждан того или иного государства. Он в известной степени приближался к пониманию борьбы классов как движущей силы исторического процесса. Однако, будучи далеким от народа. Пестель, как и все декабристы, не понимал еще роли трудящихся масс в истории и потому возлагал большие надежды на исторические личности, рассматривая их в качестве главной силы развития истории. Декабристы полагали, что история человечества — своеобразная груда фактов, случайностей и неожиданностей. Правда, в процессе исканий истины некоторые из декабристов стремились в меру своих возможностей осмыслить роль народных масс в историческом процессе. И. Горбачевский, отмечая, что члены «Общества соединенных славян» искали помощи в народе, вне которой, полагал он, немисливо себе представить какие бы то ни было изменения в жизни общества. В известной степени с ним солидаризировался Лунин, когда в письмах из Сибири отмечал, что «основы общественного порядка, безопасности и мира заключаются в народе, а не в правительстве»¹. Ему же принадлежит замечательный по остроте своей афоризм: «Из вздохов, заключенных под соломенным кровом, рождаются бури, низвергающие дворцы». Острота этих суждений очевидна. Они наглядно свидетельствуют о том, что вопреки идеалистическим представлениям декабристов об общественных явлениях сама жизнь толкала их к такому правдоискательству, которое приближало к пониманию роли народных масс в истории.

Рассмотренные нами некоторые аспекты философских исканий декабристов дают основания утверждать, что даже при наличии отмеченных слабостей и ограничений в их мировоззрении, в лице дворянских революционеров выступали выдающиеся «властители дум своего времени».

СВОБОДОМЫСЛИЕ И АТЕИЗМ ДЕКАБРИСТОВ

Особый интерес представляет отношение декабристов к религии и церкви. Среди деятелей Северного и особенно Южного общества были группы дворянских революционеров, которые отстаивали радикаль-

ные идеологические позиции в решении кардинальных вопросов своего времени. Этим определяются такие элементы их мировоззрения, как: 1) воинствующий антиклерикализм, 2) свободомыслие, приближавшееся к атеизму. При этом важно заметить, что если поборники наиболее радикального направления в движении декабристов были горячими последователями французского материализма и атеизма, то подавляющее большинство дворянских революционеров разделяли идеи вольтеровского деизма. Уже в первых организациях декабристов — в «Союзе спасения» и особенно в «Союзе благоденствия» — именно эти идеи получили наибольшее распространение. Особый интерес в этом смысле представляет статья А. Л. Улыбышева — «Сон» — одного из членов общества «Зеленая лампа»¹. В статье речь идет о будущем России, как оно представлялось ее автору через триста лет.

Существо деизма подавляющего большинства декабристов сводится к отрицанию обрядности и культа и утверждению веры в абстрактного бога и бессмертия души, сопровождаемое страданиями или наградами после смерти человека.

Деистические взгляды декабристов нашли свое выражение и в основных программных установках Северного и Южного обществ.

Серьезное внимание в этих документах уделяется также вопросу о свободе совести. Однако в этих же документах, утверждая принцип свободы совести как свободы отправления религиозных культов и свободомыслия, в то же время специально оговаривается ряд привилегий духовенства, таких, как сохранение жалования священнослужителям, освобождение их от постоя и т. д. При всей ограниченности суждений декабристов по вопросу о свободе совести, историческое значение их в том, что они были направлены против произвола православной церкви и дикого преследования иноверов, которое имело место в условиях крепостнической России.

Наиболее последовательным выразителем деизма и свободомыслия был идеолог и вождь Южного общества, автор «Русской Правды» П. И. Пестель. Он вошел в историю декабризма как человек разносторонних знаний, уступающий по своей эрудиции лишь Н. Тургеневу, как «человек замечательного ума, образования, и в сердце которого гнездились высокие и пылкие чувства патриотизма»².

По своему мировоззрению Пестель был деист вольтеровского типа. Не случайно в следственных источниках по делу Пестеля подчеркиваются неверие в силу

¹ М. Лунин. Цит. соч., с. 25.

¹ Общество «Зеленая лампа» — отделение «Союза благоденствия». Одним из активных участников этого общества был А. С. Пушкин.

² Записки С. Г. Волконского. Спб., 1901, с. 408.

сверхъестественного начала и склонность к либерализму. Пестель был близок к Барятинскому, убежденному атеисту своего времени. Об этом свидетельствует А. С. Пушкин, на которого сильное впечатление произвела знаменательная беседа с Пестелем, состоявшаяся в Кишиневе в апреле 1821 года, в те дни, когда формировалось Южное общество декабристов. А. С. Пушкин в своем «Дневнике» отмечал: «9 апреля. Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. «Мое сердце материалистично, — говорит он, — но мой разум отказывается следовать за ним». Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю»¹.

Своеобразие деизма Пестеля сказалось в признании бога как «вечного геометра», как начало всех начал, как первоначок и вечный общий действующий принцип. Такое представление о боге сочеталось в мировоззрении Пестеля с признанием основополагающих принципов материализма. Данное противоречие в мировоззрении Пестеля является наглядным подтверждением двойственности его позиции в отношении религии. Эта непоследовательность привела его к религиозности и мистицизму, которые пришли к нему после поражения военных революций на Западе и явились результатом внутреннего кризиса и сомнений в возможности реализации собственных планов.

От свободомыслия к атеизму — таков путь исканий декабристов истинной правды о религии. Идеологи наиболее революционного крыла декабризма (И. Д. Якушкин, К. Ф. Рылеев, Н. П. Репин и другие), те, кто отстаивал республиканскую форму правления, кто стремился применить решительные методы борьбы с самодержавием, кто выступал за ликвидацию крепостничества, резко отрицательно относились и к религии и церкви. Поэтому их деизм во многих отношениях граничит с прямым атеизмом. Примечательны в этом смысле некоторые суждения декабриста И. Д. Якушкина. Несмотря на тягостные условия заключения в Алексеевском равелине, вопреки грозившей ему смертной казни, подосланного к нему Третьим отделением протопопа Петропавловского собора Стахия, он встретил весьма резко и категорически недоброжелательно. На предложения об исповеди и причастии он с присущей ему принципиальностью заявил: «Я не исповедывался и не причащался пятнадцать лет». Возражение Стахия, что «вероятно И. Д. Якушкин был занят», вызвало еще более резкую реакцию: «Я уже восемь лет в отставке и не исповедывался потому, что не хотел исполнять это как обряд... словом, я не христианин»². Через

кошмары и ужасы, каторги и ссылки И. Д. Якушкин до конца своих дней пронес верность критическому отношению к религии и церкви, свои атеистические убеждения и завещал своим друзьям не ставить над его могилой крест, что и было исполнено ими.

Следуя передовым атеистическим традициям французских мыслителей XVIII века, пламенный борец за свободу, выдающийся поэт-декабрист К. Ф. Рылеев также решительно выступал против религии и церкви. Осуждая христианство, которое на протяжении многих веков узурпировало волю и разум ряда поколений, он в одном из своих стихотворений отрекался от религии:

Лишь временно кажусь я слаб,
Движением души владею,
Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Христианство Рылеев квалифицировал как духовное орудие закрепощения и освящения рабства. Лишенный возможности в условиях аракчеевского режима открыто выступать с критикой православия — этого духовного оплота самодержавия, К. Ф. Рылеев под видом критики католицизма обличал духовенство и церковь в целом. В статье «Причина падения власти пап» он обвинял духовенство и церковь в том, что они «вместо того, чтобы просвещать народ, заводили оный еще в глубочайшие суеверия, безумства и законные предрассудки»¹. Он резко осуждал монашество, которое «проводило невероятные изуверства, дабы держать народ в почтении, страхе к себе».

В песне «Ах, тошно мне», написанной совместно с А. Бестужевым, Рылеев уподобляет попов ненавистным барам, которые подобно последним эксплуатируют народные массы:

Баре с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам и судам.

Много сделав в области разоблачения реакционной роли церкви и религии в жизни русского общества своего времени, К. Ф. Рылеев, однако, под влиянием физических и моральных пыток, а затем и предстоящей казни несколько изменил свои взгляды. Он частично вернулся к христианству. Это произошло в результате психического расстройства.

Среди деятелей Южного общества декабристов, разоблачающих религиозную идеологию как духовное оружие порабощения, следует отметить таких, как Н. Крюков, А. Барятинский, А. Поджио.

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр., соч., т. 8, М., Изд. АН СССР, 1958, с. 17.

² Записки И. Д. Якушкина. М., 1925, с. 30-31.

¹ К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., М., 1934, с. 368.

Все они были глубоко убеждены в том, что религия, обещая блаженство в потустороннем мире, отвлекает от борьбы за лучшую жизнь на земле. А. Бятинский обрушивался на религию, оправдывающую зло, царящее в природе и обществе. Обращаясь к богу, он отмечал: «Да, у всех народов, во все времена, всегда лилась кровь во имя твое, страшное всем». Убежденный в несостоятельности бытия бога, он доказывал это также и тем, что «Зло господствует везде, и оно разбивает идею бога».

Солидаризируясь с Бятинским, Н. Крюков свое отрицательное отношение к религии и церкви сочетал с активной пропагандой научных знаний. Находясь в Тульчине — глубокой провинциальной глуши, он в своих письмах к матери излагал принципы воспитания будущих граждан. Н. Крюков был глубоко убежден в том, что «Цель науки, рассуждающей о человеке, состоит в том, чтобы узнать, каким образом человек может быть счастлив и что для сего нужно»¹.

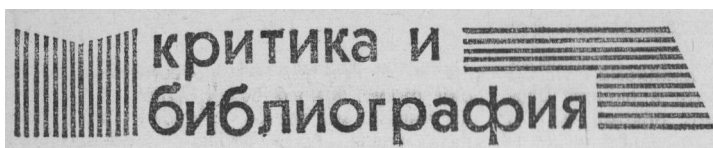
Борьба декабристов против идеализма и религии, при всей слабости и ограниченности, которые имели место в их суждениях по данному вопросу, носила прогрессивный характер. Подчеркнутое ими об-

щественное происхождение религии, ее связи с угнетением народных масс, несомненно, подрывали этот духовный оплот самодержавно-крепостнической России. Смелая и принципиальная критика религии и церкви — яркое выражение революционного характера декабристской идеологии.

Исторический подвиг декабристов поистине трудно переоценить. Они явились первыми провозвестниками свободы и революционного преобразования нашей Родины. Однако республиканские идеи декабризма долгое время были преданы забвению, и лишь на долю социал-демократов, подчеркивал В. И. Ленин, выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров.

Оставив глубокий след во многих областях политической и интеллектуальной жизни России, декабристы проложили путь грядущим поколениям борцов за лучшее будущее земли русской. Спустя много десятилетий после знаменитого восстания 14 декабря 1825 года сбылось пророчество первых русских революционеров. Из искры возгорелось великое пламя социалистической революции. 150-летие декабризма мы отмечаем в условиях развитого социалистического общества, идущего к вершинам коммунизма, когда лучшие идеи декабризма уже давно стали ощутимой реальностью наших дней.

¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., Политиздат, 1951, т. 2, с. 404.

ЗОВУТ КРАЯ ДАЛЕКИЕ

Хабаровское книжное издательство выпускает серию книг о краях и областях советского Дальнего Востока, об истории освоения этого огромного края Родины, создании здесь новых отраслей народного хозяйства, возникновении новых городов на его территории, о преобразовании всего социально-общественного уклада. Общее название серии книг «Адрес подвига — Дальний Восток». Вышли первые четыре книги: «Зовут края далекие», «Путь к океану», «Мужество Комсомольска», «Зажги свое солнце».

Авторами первой из них — «Зовут края далекие» — являются первые секретари краевых и областных комитетов партии. В предисловии к ней говорится: «Авторы ее вдоль и поперек извезли на поездах и вездеходах места, о которых они пишут, много раз пересекали их на самолетах и вертолетах... Полпреды Центрального Комитета Коммунистической партии и Верховного Совета СССР, они возглавляют огромную работу по претворению в жизнь планов партии на Дальнем Востоке, по развитию его экономики и культуры, повышению жизненного уровня народа».

Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин во время его посещения Дальнего Востока сказал: «Вы считаетесь потомками сильных людей, не мирившихся с рабством и очутившихся благодаря тому в такой тайге, у вас должна быть здоровая кровь и много энергии...» Он призвал дальневосточников «отпереть заколдованный замок огромных богатств, находящихся в недрах этой огромной территории», «страну изгнания превратить в страну радости».

В книге «Зовут края далекие» и рассказывается о том, как потомки землепроходцев и тех, кто угодили в тайгу из-за того, что не мирился с рабством, открывали заколдованный замок огромных богатств и превращали страну изгнания в страну радости.

В очерке «Край сильных и смелых» первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС А. К. Черный, знакомя читателей с географическим положением края, подчеркивает, что здесь «неповторимо смеша-

лись суровый север и цветущий юг», что край неописуемо богат природными ископаемыми, лесами и лугами, реками и морями, что «далекий край манит тех, кто понимает, что у нас неограниченные возможности для творческого роста, для всестороннего применения сил, способностей, таланта, тех, кто стремится проложить тропу по нехоженным местам, испытать свою волю, не убегает от трудностей, а идет им навстречу и успешно их преодолевает».

Эти мысли А. К. Черный подтверждает убедительными цифрами и фактами, яркими примерами, называя фамилии людей, династии которых прославились самоотверженным трудом на заводах и стройках, в колхозах и совхозах: династии рабочих Панасенко, Федюкиных и многих других.

Интересны эпизоды из истории строительства спутников Комсомольска-на-Амуре — Солнечного, Амурска, — рассказ о героических коллективах, воздвигнувших в этих молодых городах предприятия по добыче олова и целлюлозной промышленности. Много страниц посвятил автор Еврейской автономной области, ее людям, работающим на промышленных предприятиях, полях и фермах, интернациональной дружбе. Предприятия области дают стране рисозерноуборочные комбайны, силовые трансформаторы, олово, цемент, известь, кирпич, мебель, бумагу, пиломатериалы, дома, обувь, трикотаж, швейные изделия.

Факты, приводимые в очерке, подтверждают огромное внимание, которое постоянно уделяют партия и правительство ускоренному развитию производительных сил края. «В любой отрасли хозяйства, — говорит А. К. Черный в книге, — на каждом участке, везде, как памятник поколениям советских людей, — ощутимые перемены».

Особенно знаменательным для девятой пятилетки является начало строительства Байкало-Амурской магистрали, открывающее новое беспрецедентное наступление за высвобождение спрятанных в земле дальневосточной несметных природных богатств.

А. К. Черный заключает очерк мыслью: «Как и прежде, адрес подвига остается все тот же — Дальний Восток».

Эта мысль звучит и в очерках первого

секретаря Приморского крайкома КПСС В. П. Ломакина — «Ворота в океан», первого секретаря Амурского обкома КПСС С. С. Авраменко — «Амур зовет мужественных», первого секретаря Сахалинского обкома КПСС П. А. Леонова — «Земля романтики и подвигов», первого секретаря Камчатского обкома КПСС Д. И. Качина — «Дальние дали манят», первого секретаря Магаданского обкома КПСС С. А. Шайдурова — «Север потеплел».

На широком историческом фоне они показывают социалистические преобразования, происшедшие в областях и краях Дальнего Востока за годы Советской власти. Читатели узнают, что было, что стало и что будет на огромной территории этих краев и областей, равной многим европейским государствам в совокупности. Авторы показывают природное и экономическое своеобразие краев и областей, в которых они работают, рассказывают о том, сколько еще актуальных проблем предстоит решить. Для этого Дальнему Востоку потребуются приток новых людей!

Одной из проблем нашего времени на Дальнем Востоке является, например, вслед за БАМом, прокладка от Тюмени до Находки нефтепровода. Второй важной для Приморья проблемой, которая уже решается, является строительство Восточного порта. Это будет третий в Приморье и крупнейший в стране морской порт. Приморье — крупнейший поставщик рыбы стране. «Дальневосточные рыбаки, — пишет В. П. Ломакин, — поставляют на стол народный более трети всей производимой в стране рыбной продукции, причем весьма и весьма разнообразной: шестьсот с лишним наименований». Автор очерка особо подчеркивает, что рыбаки Приморья из года в год вводят в общенародный рацион питания новые продукты.

«Давно ушла в прошлое сезонность в работе рыбной промышленности, — пишет автор. — Промысел ведется круглый год. Все меньше зависят добытчики от случайностей в промысловой обстановке. И все же — «покой им только снится». Далеко еще не все открыто, далеко еще не все освоено, далеко еще не все удовлетворяет. Впереди — новые поиски, новые дерзания...»

Быстрыми темпами развивается в Приморье горная промышленность. Сообщается любопытный факт: в годы Великой Отечественной войны каждая шестая пуля была отлита из приморского металла. К числу действующих горнометаллургических комбинатов к концу девятой пятилетки присоединится новый Приморский горно-обогатительный комбинат, который начнет давать вольфрамовый концентрат.

Автор очерка приводит интересные данные и о развитии в Приморье сельскохозяйственного производства. Он подчеркивает снова и снова одну из главных проблем для всех краев и областей Дальнего Востока — проблему кадров. «Мы ждем добровольцев и из других районов стра-

ны, — пишет он, — и не сомневаемся, что они будут. Много будет. Прежде всего — из числа молодежи. Потому что начинать новое, быть первым особенно привлекательно в молодости. Потому что это новое в Приморье — океан, тайга, горы — требуют крепких, мужественных людей, готовых в любой час к подвигу».

Первый секретарь Амурского обкома КПСС С. С. Авраменко назвал свой очерк «Амур зовет мужественных». «Советские люди, — пишет он, — привыкли к быстрым темпам роста, свойственным социализму. Но еще стремительнее они у нас, на Дальнем Востоке. Это настоящий взлет. Так можно сказать и о бурном подъеме производительных сил, и о расцвете культуры края. За годы Советской власти производство промышленной продукции в Амурской области возросло в 81 раз. Иными словами, то, что до революции производилось более чем за год, амурская индустрия дает теперь за неделю».

С. С. Авраменко рассказывает об отраслях народного хозяйства области, которые имеют республиканское и общесоюзное значение. Это известный райчихинский угольный бассейн, постоянная добыча золота, производство сои (в Амурской области сосредоточено две трети посевов сои Российской Федерации), это пушнина, это строительство Зейской ГЭС, призванной преобразовать природу и экономику значительной части области. Мощность Зейской ГЭС почти такая же, как мощность всех электростанций, построенных по плану ГОЭЛРО. Она войдет в десятку крупнейших ГЭС мира.

Строительству Байкало-Амурской магистрали посвящена специальная глава «Дорога уходит на север». Трудовые подвиги на строительстве БАМа становятся нормой. «Эстафета подвигов, — подчеркивает автор, — передается от отцов к детям, и продолжаться ей на земле амурской века».

С большим интересом читается очерк первого секретаря Сахалинского обкома КПСС П. А. Леонова «Земля романтики и подвигов». «Сахалин, — пишет он, — в народе любовно называют островом сокровищ, а Курильскую гряду — жемчужным ожерельем России. И это не случайно. Строгая, неповторимая красота островов, изобилующих несметными дарами природы, поистине изумляет и завораживает каждого, кто хоть однажды здесь бывал».

На Сахалине уживается в тесном соседстве растительный мир Юга и Севера. «Вековые дебри тайги перемежаются с бамбуковыми зарослями, моховая тундра сменяется джунглями из гигантских трав». Очерк пронизан любовью к островной области, ее людям, ставящим богатства острова на службу социалистической Родине. Рассказывая о Сахалине и Курильских островах, П. А. Леонов напоминает, что «Россия первой начала освоение этих островов, когда здесь не было еще никаких государственных образований, а немногочисленное коренное население жило раз-

роженно... Сахалин и Курильские острова принадлежат нашей Родине по праву первооткрытия, первоприсоединения, первоисследования и первоосвоения...

«Происшедшие изменения настолько значительны, — отмечает автор, — что порой трудно, а то и просто невозможно сравнить настоящее с прошлым». Этот тезис подтверждается множеством убедительных цифр и фактов. Сахалинская область известна нефтью, углем, лесом, рыбой, имеет развитое сельскохозяйственное производство, обеспечивающее жителей островов многими продуктами питания.

Очерк «Дальние дали манят» первый секретарь Камчатского обкома КПСС Д. И. Качин начинает цитатой из популярной книги Н. Чуковского «Водители фрегатов»: «Дорога с Камчатки в Петербург была самой длинной сухопутной дорогой в мире. Чтобы проскакать ее всю из конца в конец, нужно было потратить по крайней мере год». А теперь? А теперь существует самый длинный в мире воздушный мост Петропавловск-Камчатский — Москва, который резко сократил расстояние.

Д. И. Качину превосходно удалось показать своеобразие Камчатской области. Где еще в нашей стране, кроме Камчатки, столько действующих вулканов, где еще есть такая Долина гейзеров? «Чувство величайшего изумления, — пишет Д. И. Качин, — испытывает человек, первый раз в жизни поднявшийся в заоблачную высь к огнедышащему кратеру... Завороженно действуют на человека своей недоступностью горные хребты, редко обнажающие вечно укутанные туманом вершины, поражают причудливыми очертаниями бухты и бухточки, таинственные изломы и изрезы береговой полосы, ощущение бесконечности вызывают просторы тундры. И все это — Камчатка!

Но у Камчатки есть еще одна особенность, самая главная. Эта особенность не имеет географических обозначений. Она внутри нас, в каждом живущем здесь — органическая духовная слитность с Родиной, с огромными делами и задачами, которые решает наш народ под руководством Коммунистической партии».

Показу этой слитности жителей Камчатки с Родиной, показу того, как они решают в своей окраинной области задачи коммунистического строительства, и посвящен очерк.

Камчатка — рыбный цех страны. Этим определяется основное направление ее развития сейчас и в перспективе. Вот почему большое внимание уделяет автор рыбакам Камчатки, их многотрудной работе в океане. В очерке немало места отведено рыболовческому колхозу имени В. И. Ленина, его годовые доходы составляют 25—30 миллионов рублей.

Одной из интереснейших проблем, над которой успешно работают жители Камчатки, является использование подземного тепла, «Сфера использования земли как ж-

дым годом расширяется, — пишет автор, — на базе термальных вод вырос крупный тепличный комбинат, круглый год поставляющий Петропавловску огурцы, помидоры, лук и другие овощи. Такой же комбинат намечается построить в поселке Паужетка. На базе термальных источников возникают санатории и дома отдыха. Дешевая энергия на базе подземного тепла находит все большее применение в различных отраслях хозяйства.

Чувством глубокого уважения проникаешься к жителям Колымы. О них рассказывается в очерке первого секретаря Магаданского обкома КПСС С. А. Шайдурова «Север потеплел». В области развиваются горнодобывающая промышленность, на службу Родине ставятся подземные кладовые северного края. Область располагает запасами золота. На Колыме разведано семнадцать угольных месторождений с прогнозными запасами необходимого стране топлива. Это огромное будущее Колымы, но и сейчас уголь добывается здесь миллионами тонн. Добыча угля механизирована. На Колыме действует несколько тепловых электростанций, но есть тут и плавучая электростанция «Северное сияние», дающая энергию западным районам Чукотки. Намечается построить несколько электростанций. Одна из них — Колымская ГЭС — уже строится. Она будет самой крупной на Севере. В Билибино уже действует атомная электростанция. Тоже первая на Севере.

В Магаданской области, как и на Камчатке, развивается сельскохозяйственное производство. Год от года сокращается завоз свежих овощей и картофеля в северные области.

С. А. Шайдуров рассказывает о проблеме формирования на северной земле постоянного населения. «В суровых климатических условиях, — пишет он, — налаживается жизнь, по комфорту, по уровню бытового, коммунального и торгового обслуживания близкая к жизни на «материке». Для решения проблемы акклиматизации, рационального питания, бытового устройства и всех других вопросов, относящихся к тому, как приспособить человека к суровым условиям Севера, на Колыме создан Научно-исследовательский институт биологических проблем Севера».

«Немало сделано, — пишет С. А. Шайдуров, — но еще больше предстоит сделать, чтобы обжить Север. И много еще тут места для подвига. Ученые утверждают, что Крайний Северо-Восток исследован лишь на одну десятую. Значит, девять десятых еще ждут своих исследователей».

В дни, когда страна идет навстречу XXV съезду КПСС, читатель с особым интересом воспринимает факты поразительного роста, невиданных изменений в жизни одного из отдаленных районов страны.

На широком историческом фоне показаны преобразования, происшедшие на дальневосточной земле за годы Советской власти, и в книгах «Путь к океану» журна-

листа Арнольда Пушкаря, «Мужество Комсомольска» Геннадия Хлебникова и Ефима Дороднова, в сборнике «Зажи свое солнце», куда вошли очерки журналистов С. Богатко, Б. Прохорова, С. Пастухова, Ю. Балакирева.

Неравнозначны очерки этих авторов по своей художественной ценности и публицистическому накалу, но все они в основе имеют интересный фактический материал, рассматривают деяния первооткрывателей дальневосточных земель России. Авторы этих трех книг показывают преемственность поколений преобразователей Дальнего Востока. Особенно выпукло нарисованы наши современники. Главное в них — пафос трудового созидания. Перед мысленным взором читателей возникают панорамы то далекого прошлого, то гражданской войны, то начала социалистических преобразований в годы первых пятилеток, годы Великой Отечественной войны.

В книге «Путь к океану» — два раздела: «Дедовские клады» и «Земля отцов», всего двадцать два очерка. И название разделов и заголовки очерков-новелл как будто нацелены в прошлое. Но вчитываясь в них, замечаешь нерасторжимое единство прошлого с настоящим. Будь то Приамурье, Охотское побережье, Приморье, Восточное Забайкалье, Сахалин и Курильские острова, Камчатка и Чукотка — повсюду живут и действуют замечательные люди — геологи и рыбаки, вулканологи и хлеборобы, судостроители и горняки, моряки и строители, партийные и советские работники, гражданские и военные, представители десятков национальностей.

Книга Г. Хлебникова и Е. Дороднова «Мужество Комсомольска» в этой серии вышла третьим изданием; содержание ее хорошо известно дальневосточному читателю. Авторы повествуют о городе юности и его легендарных первостроителях, комсомольцах тридцатых годов, о современном Комсомольске и его жителях, вносящих большой вклад в дело строительства коммунизма. Рассказывают они и о спутниках Комсомольска — Амурске и Солнечном. Жители этих молодых городов переняли и достойно несут дальше трудовую эстафету первостроителей города юности.

И, наконец, четвертая книга серии «Зажи свое солнце» — посвящена развитию энергетической базы на Советском Дальнем Востоке — строительству и строителям крупных электростанций — Зейской и Колымской ГЭС, Приморской ГРЭС и Билибинской атомной электростанции. Удачен очерк С. Богатко «Горы сомкнулись в 12.33», показывающий работы на строительстве Зейской ГЭС. Укрощается бурный характер Зеи. Своими паводками река наносила огромный ущерб народному хозяйству. Например, после катастрофического паводка в 1928 году исчезли одиннадцать населенных пунктов, находившихся в пойме реки, и город Зея почти весь был уничтожен. И вот теперь Зея укрощается. Электричество Зейской ГЭС будет в шесть-

десят раз дешевле энергии, вырабатываемой на электростанциях Амурэнерго. Зейская ГЭС будет вырабатывать пять миллиардов киловатт-часов в год.

Колымскую ГЭС в поселке Синегорье возводят представители тридцати семи национальностей, в большинстве своем молодежь, комсомольцы. Скоро даст промышленный ток ПримГРЭС в Лучегорске. Она будет работать на местном угле, что очень выгодно.

Билибинская атомная электростанция, помимо электроэнергии, будет выдавать несколько килокалорий тепла в час. Помимо нужд отопления, колымчане будут использовать это тепло для выращивания овощей в теплицах.

Для производства электрической энергии на Дальнем Востоке будут использованы вода, уголь, атом, вулканы...

Предисловие к книге заканчивается призывом: «Эта книга для тех, кто мечтает зажечь свое солнце, влиться в ударные молодежные бригады на стройках дальневосточной энергетики».

Издательство предполагает выпустить около двадцати книг серии «Адрес подвига — Дальний Восток». Читатель получит библиотечку художественно-публицистических очерков, в которых исследуется современная жизнь краев и областей нашего Дальнего Востока.

Некоторые очерки, к сожалению, не свободны от огрехов. Досадно, когда до неузнаваемости искажаются фамилии героев очерков, допускаются неточности в датах и т. д. Особенно не повезло комсомольчанам в очерках «Будь достоин!» и «Мужество Комсомольска». Арнольд Пушкарь присвоил звание Героя Советского Союза Ивану Сидоренко, хотя указ такого в действительности не было, искадил он фамилию инженера Сухнева; Г. Хлебников и Е. Дороднов утверждают, что Григорий Андрианов и Миля Ленцова присутствовали на первом митинге комсомольцев 10 мая 1932 года, а они прибыли в Пермское десять дней спустя после этого митинга. Авторы пишут, что Андрианов приехал в Пермское коммунистом, на самом деле в партию он вступил на стройке в августе 1932 года. Андрианов и его «интернациональная бригада» никогда не жили в палатках, а занимали амбар, в очерке же читаем, что Андрианов, проснувшись, «с изумлением увидел над собой шуршащую парусину палатки... Над палаткой, из которой вышел Григорий Андрианов, — черные буквы «Ростов-на-Дону». Он сам их вчера выводил при свете костра». Это пишут о человеке, который и поныне живет в Комсомольске-на-Амуре и является почетным гражданином этого города... Стихи одного автора приписаны в книге другому, старший вальцовщик «Амурстали» Евгений Петрович Залознов превращен в Загорнова и т. д.

Думается, издательству следует требовательнее относиться к подготовке этих книг,

основой которых является документальность — идет ли речь об исторических фактах, или об именах подлинных героев очерков.

Ф. КУЛИКОВ.

РОДИЧИ, РОДНЯ, РОДИНА...

Человек шагает по земле, а теперь мы говорим еще величественнее: по планете. Если у него открытая душа, он всегда находит себе друзей — друзей, которые готовы с ним поделиться «и кровом, и хлебом, и песней». И песней — самое главное! Потому что песня, рожденная дружбой, остается с тобой на многие годы. Она возвращает тебя в юность, снова дарит тебе «первое свидание», выводит на самые дорожки в твоей жизни тропы — к твоей родной Тарбеевке, что на Тамбовщине, к твоей Вяжновке, что притулилась и к Белоруссии, и к Украине, и где говорят на трех языках — русском, украинском и белорусском.

Песня, рожденная дружбой, песня, по звучанию которой мы находим... родню, — вот о чем, по-моему, новый сборник стихов Владислава Зорина¹, поэта из Липецка, побывавшего в прошлом году в гостях у дальневосточников. Он много выступал с поэтами-дальневосточниками ми перед нашими земляками. Стихи, родившиеся у него на Амуре, вошли в новый сборник, и о них в первую очередь хочется поговорить (отдав должное Центрально-Черноземному книжному издательству за оперативность в публикации поэтических сборников).

Такие стихи, как «Амур», «Солнечный», «Верхняя Тамбовка», — уверен, что не одного юного (а может, и не юного) «романтика» позовут в край, где «...леса глухи, а сопки буры, полыхает полымем закат...», к Амуре, что —

...летит через тайгу
И свое речное дело
Знает туго на бегу.
Вольных волнами не губит,
Но хлестнет, как будь здоров,
Испокон веков он любит
Молчаливых рыбаков.
С ними связан он зарокотом,
С ними грозен, но и добр.
Кто блуждает по протокам,
Тот не выйдет на простор.
Здесь на Дальнем на Востоке
Ощущается сильней
Ширь от берегов широких,
Даль от доброты людей...

Это первое впечатление, я бы сказал, «первая наглядность» — верь не верь, а Амур таков, хочешь убедиться — при-

езжай, убедишься, если не слаб духом, если можешь... вместо крыл «распахнуть просторно руки».

А вот стихотворение «Верхняя Тамбовка». Здесь поэт уже гораздо тире смотрит на просторы, которые его окружают. Здесь у него как раз и пробуждается то родство, о котором мы говорили вначале:

Я стою на берегу Амура,
Как мой предок сотни лет назад.

И родство это уходит в глубь веков. Поэт видит своего далекого предка, который «когда-то, ярый и кудлатый, осенев себя косым крестом, подался на розыски богатой жизни за неведомым хребтом». И нашел новые земли. И поселился на них. Но жизнь, богатая жизнь, пока она еще только грезилась отважному землепроходцу, «бывшему степному мужику». И поэт возвращается к сегодняшнему дню:

На селе встречать гостей — обычный.
За столом со мной мои друзья.
Не тоскуют правнуки по степи,
Этот край для них навек родной,
Потому что нынешние дети
Вынянчены доброю рекой.
Я стою на берегу Амура.
Он и мой. Я — с ним, пока не стих...
Верхняя Тамбовка в сопках бурых —
Капля крови родичей моих.

«Родичи», «родня», «родные люди» и самое огромное, объединяющее «Родина» — эти слова в стихах В. Зорина встречаются не часто, но то, что стоит за ними, — большое человеческое чувство любви и привязанности к людям, с которыми поэт встречался, к каждому уголку бескрайней земли советской, где ему посчастливилось быть в качестве не только «странствующего» поэта, а рабочего в геологических партиях, нефтедобытчика, репортера и очеркиста газет и союзного радио, — это большое человеческое чувство присутствует во всем его новом сборнике. Достаточно назвать стихи: «Ташкентские розы» — о том, как вся советская страна заново строила разрушенную землетрясением столицу Узбекистана («Ташкентские розы погибли? Нет. Розы как прежде цветут»), — «На песчаной косе Приднестровья...» о «чуде природы» — «Каролина-Бугаз!» — «Каса Маре», «Урок языка», «В пустыне», «Золотые ворота» и многие другие стихотворения этого цикла.

Поэт становится поэтом только тогда, когда он имеет свой голос. Без своего голоса он, в лучшем случае, — стихотворец. Эта истина открыта давно. Но, к сожалению, даже профессиональные критики порой путаются в понятии — «свой голос». Что это, — новые рифмы, новая ритмика, новая «звучность» или новая «тихость»? Выступал на письменном столе беззаботными пальцами (в ожидании вдохновения) новый неслыханный ритм, пере-

¹ В. Зорин. Родня. Стихи. Воронеж, Центрально-Черноземн. кн. изд., 1975.

из тех, кто занимался практической медицинской работой на огромных пространствах восточной территории Российского государства.

Вот еще одно из имен этой славной плеяды врачей-первопроходцев — Леонид Францевич Гриневецкий. Когда ему предложили занять пост начальника только что образованного Анадырского округа, он с готовностью согласился, хотя и знал отлично, что на Чукотке ему придется не сладко. «Если и найдется такой начальник, — писал современник Гриневецкого А. В. Олсуфьев незадолго до его нового назначения, — то чем привязать его к этой суровой, удручающей обстановке на продолжительное время? Первых двух лет ему едва хватит, чтоб объехать округ, познакомиться с нуждами населения, вселить столь необходимое к себе доверие жителей. На третий же год пребывания на Севере его окончательно доймут отсутствие людей, равных с ним по образованию и общественному положению. Этого долгого отсутствия общества не в силах будет перенести и самоотверженный труженик: либо он бросит начатое им дело, либо изменит характер своей деятельности».

Леонид Францевич Гриневецкий не бросил начатого им дела, не изменил характера своей деятельности. Умелый администратор, опытный врач, душевный, отзывчивый человек, он много успел сделать для местного населения. И лишь преждевременная смерть помешала ему сделать больше.

Одна за другой встают со страниц книги яркие фигуры врачей-первопроходцев.

С большой теплотой рассказывает автор о штаб-лекаре Фердинанде Богдановиче Вольфе, декабристе, сосланном в Сибирь на вечное поселение. «Искуснейший врач, который мертвых подымал на ноги», — так отзывался о нем М. А. Бестужев — один из его друзей по несчастью.

Деятельность Вольфа как медика среди декабристов невозможно переоценить. «Трубецкой страдает болезнью горла и кровохарканьем, — писал в своем донесении начальству лекарь Нерчинских рудников И. И. Влодзимирский, — Волконский слаб грудью; Давыдов слаб грудью, и у него открываются раны; у Оболенского цинготная болезнь с болью зубов; Якубович от увечья страдает головой...» Много больных было и среди остальных декабристов, подорвавших здоровье на тяжелых каторжных работах. Доктор Вольф делал все, чтобы облегчить страдания этих людей, вернуть им здоровье.

По настоянию Фердинанда Богдановича в Чите, куда вскоре перевели каторжников, было проведено поголовное оспопрививание, спасшее сыльных от страшной болезни, свирепствовавшей в этих глухих местах. По его инициативе и с помощью жен декабристов в остроге была создана аптека, выписаны новейшие медицинские книги.

С интересом будут прочитаны страницы книги, на которых рассказывается о деятельности Сергея Ивановича Мицкевича, политического ссыльного, лечившего прокаженных на Колыме, Николая Васильевича Кириллова, который, кроме врачевания, много сил отдавал общественным делам и исследованию природы Забайкалья и Дальнего Востока, Людмилы Александровны Волкенштейн, лечившей сахалинских каторжников, и других подвижников медицины.

Рассказывая о врачах-первопроходцах, автор вместе с тем рисует картину становления медицины в Сибири и на Дальнем Востоке. Мы узнаем, что на западной окраине этой громадной территории первые аптека и госпиталь были открыты в Барнауле в сороковых годах восемнадцатого столетия. В середине того же столетия начало работать стационарное медицинское учреждение в Охотске — единственное в ту пору на всем Дальнем Востоке. В Благовещенске в 1893 году открылось первое в Приамурье оспопрививательное учреждение.

Шаг за шагом прослеживая историю развития медицины в восточных районах России, автор подчеркивает ту большую роль, которую сыграли врачи в заселении и освоении Сибири и Дальнего Востока.

Автор не ставил перед собой цели написать капитальное исследование. Он ограничился более скромной, но тем не менее важной задачей: напомнить людям об этих отважных сынах и дочерях Родины, вернуть из небытия их славные имена. И, надо сказать, Л. А. Востриков в общем успешно справился с этой задачей. Живо и увлекательно написанные очерки привлекают к себе внимание многих читателей, в том числе, несомненно, нынешних медицинских работников.

Говоря о новой работе Л. А. Вострикова, следует отметить, что она, на наш взгляд, не лишена некоторых недостатков. В предисловии к книге автор сообщает, что его очерки «написаны на основе воспоминаний современников, специальных отчетов исследователей и путешественников, научных трудов этнографов, географов и медиков». Считая, что этих источников вполне достаточно, Л. А. Востриков заявляет, что он отказался от мысли разыскивать в архивах какие-нибудь новые документы, еще не введенные в научный оборот. Работа эта, конечно, хлопотливая, но зато она могла бы восполнить тот дефицит материала, который имеется, например, в очерках о Крашенинникове, Стеллере. Пересказывая широко известные сведения об этих замечательных людях, автор не смог добавить ничего нового к тому, что характеризовало бы их деятельность в области медицины.

Хотелось бы побольше узнать о таких самоотверженных тружениках медицины, как фельдшер Н. В. Пинегин, в числе первых якутов получивший специальное образование, сестра милосердия Н. Ф. Слеп-

ченко, шесть лет проработавшая в лепрозории. Вызывает сожаление, что Л. А. Востриков не упоминает в своих очерках имени известного исследователя Дальнего Востока доктора Н. В. Слюнина.

Думается, что автору следует продолжить работу над книгой, дополнить ее новыми материалами.

К. ЛИПИН.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ КНИГИ

Хабаровское книжное издательство порадовало читателя выпуском в свет подарочного издания книги Д. Нагишкина — «Амурские сказки»¹. Новеллы, созданные Д. Нагишкиным по мотивам фольклора нанайцев, нивхов, ульчей, удэгейцев, — это сказочные повести об их жизни, мечтах и устремлениях. «Амурские сказки» Д. Нагишкина переиздавались много раз, и сейчас нет нужды ни в пересказе их содержания, ни в их критическом анализе. Это уже сделано советской критикой весьма обстоятельно. Сейчас нам хотелось бы обратить внимание читателя на художественное оформление рецензируемой книги.

Известный дальневосточный художник Г. Павлишин, иллюстрируя «Амурские сказки», с новой силой проявил свой самобытный талант. Мир образов и узоров Геннадия Павлишина настолько емкий, щедрый и разнообразный, что он может стать предметом специального исследования специалистами: историками культуры, этнографами и искусствоведами. В рецензии мы остановимся лишь на самом существенном, что определяет кредо художника, его образно-художественную манеру и стиль.

Когда рассматриваешь иллюстрации Г. Павлишина, на ум приходят слова поэта Сергея Есенина: «Орнамент, — писал он, — это музыка. Ряды его линий в чудеснейших и весьма тонких распределениях похожи на мелодию какой-то одной вечной песни». Г. Павлишин создал свою таежную песню в линиях и красках. При этом художник, глубоко вникая в замысел писателя — автора сказок, творчески развивает взятую им тему, но уже другими изобразительными средствами — рисунком, орнаментом. Сила воздействия мотивов фольклора заметно возрастает — и об этом издании «Амурских сказок» мы вправе говорить, как о втором рождении книги.

Вероятно, первыми художниками-орнаменталистами были охотники — люди, художественно одаренные. Они были первыми мыслителями, первыми историками

и этнографами своего народа. Охотники и рыболовы умели подметить в окружающей их действительности все самое характерное, и им хотелось отразить это увиденное в камне и дереве, в орнаментальных рисунках. Таких рисунков-орнаментов на Нижнем Амуре археологи открыли много — целые художественные галереи. С далеких времен подобные орнаментальные рисунки хорошо знакомы аборигенам дальневосточной земли — предкам современных нанайцев, нивхов, удэгейцев, ульчей и других народов. Культурно-исторический мир этих народов очень своеобразен. Еще в далеком прошлом малые народности Приамурья и Приморья имели широко развитое декоративно-прикладное искусство.

Этот уникальный культурно-исторический мир изучают и археологи, и этнографы, и искусствоведы, и антропологи, и социологи. Но художники в этом деле, на наш взгляд, до сих пор выполняли лишь подсобную работу: они зарисовывали орнамент, отдельные народные художественные образцы.

Геннадий Дмитриевич Павлишин художник-исследователь. Он знает историю народов Приамурья, их философию, этнографию. После окончания Владивостокского художественного училища он работал в отделе этнографии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. Вместе с учеными-этнографами выезжал в экспедиции, сделав огромное количество зарисовок, отражающих духовную и материальную культуру малых народов Дальнего Востока. Зарисовки сделаны в основном акварелью и гуашью. Это титанический труд. Просматривая полевые зарисовки Г. Павлишина, можно поэтапно проследить его творческий путь, становление незаурядного художника-орнаменталиста. От листа к листу художник обретал мастерство, свой художественный почерк. Он кропотливо изучал, анализировал народные изделия нанайцев и нивхов, удэгейцев и ульчей, ороков и эвенков.

Павлишин изучал также художественные образцы в краеведческих музеях Владивостока, Хабаровска, Южно-Сахалинска, специально выезжал в Музей этнографии и антропологии АН СССР в Ленинград. Музейная работа позволяет выявить разные художественно-исторические слои, провести сравнительно-сопоставительный анализ традиционных памятников народного искусства. И экспедиции, и музейная работа не могли, однако, быть успешными без серьезной теоретической подготовки. Павлишину нужно было изучить многочисленные труды по археологии и этнографии дальневосточных народов, обстоятельно познакомиться с тем, что писали ученые об их орнаментально-декоративном творчестве.

Только после этого художник мог с уверенностью на листе бумаги составлять целые композиции, отражающие быт народов и их прошлое. Эскизы, наброски, зарисов-

¹ Д. Нагишкин. Амурские сказки. Хабаровск, Кн. изд., 1975.

ки... Много, очень много сделал их художник, прежде чем взялся за оформление первой книги.

Книга «Поклон тайги», оформленная Павлишиным, была удостоена специальных дипломов на двух международных выставках. Затем им была иллюстрирована нанайская сказка «Мэргэн и его друзья», записанная и обработанная дальневосточными учеными Л. И. Сем и Ю. А. Сем. Художник понял, что книжная графика — дело его жизни.

К оформлению «Амурских сказок» Дмитрия Нагишкина Геннадий Павлишин подошел уже с богатым опытом художника-иллюстратора. Это видно в оформлении первой же сказки «Храбрый Азмун», открывающей книгу. Художник помогает читателю проникнуть в своеобразный мир традиционного народного творчества нивхов, познать их быт, миропонимание.

Автор этих строк многие годы жил среди нивхов и с уверенностью может утверждать, что художник средствами орнаментального рисунка сумел выявить главное содержание сказки, высветить основные черты в характере героев. В художественных композициях Павлишина нивхский орнамент отличается своей формой и очертанием от орнамента соседних народов. В орнаменте нивхов нет экспрессии и динамизма, свойственного для орнамента тюркоязычных и монголоязычных народов. В нивхской орнаментике нет сильно закрученных спиралей и лент, характерных для нанайского, ульчского и удгейского орнаментального искусства.

Анализируя иллюстрации художника к удгейским сказкам, легко проследить отличительные черты удгейского орнамента. Он имеет миниатюрные формы и мягкие, плавные закругления. Орнаментальное искусство удгейцев достигло своей вершины в художественном убранстве халатов, головных уборов, национальной обуви. Кружево удгейского орнамента хорошо отражает художественное мышление этого талантливого народа.

Оформление нанайских сказок особенно удается художнику. Орнамент нанайцев Геннадий Павлишин передает точно: он составляет его из спирально-ленточных мотивов. Орнамент у нанайцев несколько мельче нивхского, а по колориту намного ярче. Прекрасно оформлена нанайская сказка «Глубый богач». Здесь передана и сочность цветовой гаммы нанайского орнамента, и его композиционное своеобразие. Для ульчского орнамента Павлишин находит свои краски, отражающие его характерные черты и особенности.

Но орнамент — это только часть декоративно-прикладного искусства, и его нужно рассматривать в единстве с конкретной вещью, которую он призван украсить, в единстве со всей художественной композицией. По этому пути и идет художник.

Оформление «Амурских сказок» выгодно отличается от предыдущих работ Г. Павлишина прежде всего тем, что здесь он

еще отчетливее выступает не как обычный иллюстратор, регистратор событий, а как художник-историк, художник-исследователь. Г. Павлишин в «Амурских сказках» подошел к задачам широкого обобщения, создания образов, настроения. А ведь это очень важно: не просто регистрировать факты и события, а показать их внутренний механизм, отразить историческое развитие в действии. Если первые иллюстрации Павлишина порою были перегружены этнографическими деталями и подробностями, то в оформлении «Амурских сказок» трудно найти что-либо лишнее. Тридцать один рисунок Геннадия Павлишина — это запоминающиеся художественные новеллы о жизни дальневосточных народностей, возрожденных Советской властью к новой и счастливой жизни.

Цветовое решение композиций Г. Павлишина достойно особого внимания. Цвет здесь сродни народному искусству нанайцев, нивхов, удгейцев. Знакомство с творчеством народных мастеров, с их технико-художественными приемами очень помогло художнику. Научиться «мыслить» цветом — задача чрезвычайной сложности. Но не постигнув ее, трудно создать добротную иллюстрацию. Именно цвет вносит поэзию в орнаментально-декоративные листы Г. Павлишина. Ослепительный свет красок зажат щедрой кистью художника. Контур орнамента вызревает из его формы, насыщенной живыми, динамичными спектрально чистыми цветами. Тени в моделировке орнамента и те светятся, словно к ним поднесли волшебный фонарь. Необыкновенная радуга цветовых сочетаний. Основные и производные цвета выстроены с таким знанием дела, что ни один из них не выпадает из ритма целого. Цвета так тонко подобраны, что кажется, иначе быть и не могло, только таким сочетанием цветов можно достигнуть музыкальной гармонии. Павлишин прекрасно знает законы цветового контраста.

В «Амурских сказках» он наиболее глубоко вник в мир красок дальневосточных народностей, Славно ожила вышивка нанайцев и нивхов на листе талантливого художника, удгейский орнамент выпуклыми скульптурными формами (вышивка по пастилу) ласкает глаз, ульчский и негидальский узор пленяет мягкими полутонами, тонким рисунком и сверкающим цветом.

В послесловии к «Амурским сказкам» академик А. И. Окладников дает точную и глубокую характеристику творчества Г. Павлишина: «Стоит внимательно углубиться в этот сверкающий мир красок и линий, — пишет академик, — чтобы они в полном смысле слова очаровали вас, приворожили своей творческой силой, чтобы захватили своим романтическим накалом, а вместе с тем и поразительной емкостью, точностью в передаче характерных черт быта и культуры. Для каждой иллюстрации, для любой художественной композиции можно было бы дать строго научный

специальный текст. Столь глубоко проник художник в этот большой и еще далеко не исчерпанный исследователями культурно-исторический мир. Павлишин нашел в нем себя и свой особенный творческий стиль, свою художественную манеру».

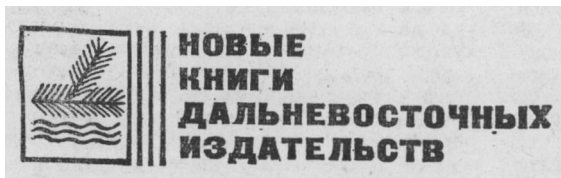
Мы знаем многих художников-иллюстраторов, прекрасно оформлявших сказки. Прежде всего назовем имя И. Я. Билибина, богатая творческая фантазия которого уносила его в чудесный, полный невероятных приключений мир сказок, былин, преданий. Думаю, со мной согласятся читатели, если я назову Павлишина дальневосточным Билибиным. В то же время у каждого из этих художников свой стиль и своя манера.

У Павлишина новые планы, новые эскизы лежат на его рабочем столе. Он постоянно ищет наиболее интересные решения. Без творческих поисков он не представляет себе путь в большое искусство.

Рецензируемая книга имеет серьезное воспитательно-эстетическое значение. Она учит добру и справедливости, учит прекрасному. Талант художника помог нам, читателям, глубже проникнуть в тайны удивительного сказочного мира дальневосточных народов.

П. ГОНТМАХЕР,

**кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института истории,
археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР.**

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Д. Нагишкин. СЕРДЦЕ БОНИВУРА. Роман. Послесл. П. Богоявленского. Хабаровск, Кн. изд., 1975. 640 с. (Байкало-Амурская библиотека «Мужество»). Тираж 75 000 экз. Цена 1 р. 22 к.

В серии «Байкало-Амурская библиотека «Мужество» Хабаровского книжного издательства издан широко известный роман Д. Д. Нагишкина, повествующий о заключительном этапе борьбы за Советскую власть на Дальнем Востоке, о революционной молодежи тех героических лет.

А. Побожий. БАМ: СКАЗАНИЕ О ПЕРВЫХ ПРОСЕКАХ. Отв. ред. Н. К. Кирюхин. Благовещенск, Амурское отд. Хабаровского кн. изд., 1975. 288 с. («Адрес подвига — Дальний Восток»), Тираж 50 000 экз. Цена 72 коп.

Автор книги А. А. Побожий — один из старейших инженеров-изыскателей железных дорог в нашей стране — был в числе первопроходцев Байкало-Амурской магистрали и сейчас продолжает трудиться на этой трассе. Живо и увлекательно рассказывает он о работе и жизни своих товарищей-изыскателей, о том, какой упорный многолетний труд предшествовал нынешней

стройке века, как приняли эстафету отцов нынешние молодые строители Байкало-Амурской магистрали.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ. Коллектив авторов. Выпуск шестой. Ред.-сост. В. С. Шевченко. Хабаровск, Кн. изд., 1975. 464 с. Тираж 40 000 экз. Цена 87 к.

«Координаты» шестого выпуска «Дальневосточных путешествий и приключений» — западный и восточный участки Байкало-Амурской магистрали, где побывали авторы сборника; линия фронта под Ельней в июле 1941 года (здесь писатель Константин Симонов встретил бывшего волочаевца и охотского пограничника генерал-майора К. И. Ракутина, командующего 24-й армией, одного из героев его книги «Разные дни войны»); Амур в годы Великой Отечественной войны; леса, реки и пещеры Сихотэ-Алиня и твердыни Тибета, на подступах к которым едва не погибла экспедиция известного русского художника Н. К. Рериха... Читатель, познакомившись с документальными повестями, очерками, рассказами и воспоминаниями, вошедшими в очередной выпуск «ДВПП», еще раз убедится в том, что «дум высокое стремление» — могучая сила, преобразующая жизнь и оплодотворяющая человеческие деяния.

А. ЕВГРАФОВ.

«Записки декабриста»

В экспозиции Хабаровской краевой научной библиотеки, посвященной 150-летию восстания декабристов, экспонируется ряд редких изданий. Наибольший интерес среди них представляют вышедшие нелегально в 1870 году в Лейпциге «Записки декабриста». Записки эти изданы анонимно. Имени автора мы на них не обнаружим. Принадлежат эти записки Андрею Евгеньевичу Розену, члену Северного общества декабристов, непосредственному участнику выступления 14 декабря.

Записки А. Е. Розена, посвященные «Любезным моим союзникам и соизнанныкам», написаны были уже после тюрьмы и ссылки.

Они повествуют о юности автора, об участии его в тайных обществах, подробно рассказано здесь о восстании, о судьбе его участников и о первых годах сибирской ссылки декабристов. И хотя Розен был второстепенным членом общества, не принимал участия в руководстве движением и был мало осведомлен о путях подготовки восстания, записки его представляют определенную историческую ценность.

Розен прожил долгую жизнь и был одним из последних, оставшихся в живых участников восстания, он умер в 1884 году.

Лейпцигское издание 1870 года долго было единственным полным изданием «Записок» Розена. Почти одновременно в 1869 году была сделана попытка издать их в Петербурге. Однако уже на следующий день после того, как отпечатанная без предварительной цензуры книга поступила в С.-Петербургский цензурный комитет, на отпечатанные и еще не сброшюрованные книги был наложен арест в типографии. Только в 1876 году несколько глав с многочисленными цензурными купюрами были напечатаны в журнале «Отечественные записки».

Представлено в библиотеке и перепечатанное с Лейпцигского издание «Записок» Розена 1907 года, выпущенное издательством «Общественная польза» под редакцией П. Е. Щеголева. Оно было первым наиболее полным русским изданием.

В годы первой русской революции появились и две другие, хранящиеся в библиотеке книги: второе издание «Записок И. Д. Якушкина» (1905) и «Записки князя С. П. Трубецкого» (1906). И те и другие, как и «Записки декабриста» А. Е. Розена, первоначально издавались за границей.

В 1888 году в Москве вышли «Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангбелова», дополненные автором по сравнению с первоначальной публикацией в «Русском архиве». Гангбелов, хотя и называет свою книгу «Воспоминаниями декабриста», принадлежал к случайным участникам движения, он сам это подчеркнул подзаголовком «Как я попал в декабристы и что за этим воследовало». Книга интересна как свидетельство очевидца.

На выставке читатель найдет подготовленные и выпущенные П. Е. Щеголевым в издании «Огни» «Записки Н. В. Басаргина», изданные одновременно с «Воспоминаниями братьев Бестужевых» в 1917 году. «Записки» преодолели жестокую военную цензуру 1916 года, заставившую сделать ряд сокращений.

Записки, письма, мемуары декабристов, представленные редкими изданиями, многие из которых позже не выходили, существенно дополняют обширную советскую литературу по истории декабризма.

А. МАСЛОВА,
зам. директора
краевой научной библиотеки.

МЕЖОБЛАСТНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

18—19 сентября 1975 года в Хабаровске проходила юбилейная научная конференция, посвященная 40-летию изучения геморрагической лихорадки с почечным синдромом.

Это природно-очаговое вирусное заболевание, при котором особенно тяжело страдает выделительная функция почек, было впервые описано в 1935 году хабаровским врачом В. А. Тарганской. В установление природы и клинического течения заболевания большой вклад внесли ученые-медики, работав-

шие на Дальнем Востоке Ш. И. Ратнер, Л. И. Казбинцев, А. Н. Шаповал, А. Г. Кестнер, А. А. Смородинцев, А. В. Чурилов, В. Г. Чудаков, М. И. Дунаевский, М. П. Чумаков и другие). Тридцать—сорок лет назад геморрагическая лихорадка (или как ее раньше называли геморрагический нефрозо-нефрит) была настоящим бедствием, так как смертность от нее достигала 20—25 процентов.

На конференцию прибыли ученые и врачи из всех краев и областей Дальнего Востока, а

также из Москвы, Владимира, Перми и Фрунзе — всего 161 человек, среди них было 12 докторов, 34 кандидата медицинских и биологических наук, 19 врачей высшей и первой категории. На заседании присутствовало более 150 студентов.

Рассматривались три узловых вопроса проблемы: 1) Этиология и эпидемиология, 2) Патогенез, 3) Клиника и лечение геморрагической лихорадки с почечным синдромом. На четырех заседаниях было заслушано 24 доклада и еще 27 обсуждалось

по опубликованным материалам конференции.

Конференция показала, что в решении поставленных задач медицинскими работниками достигнуты определенные успехи. Так, впервые у нас в Хабаровске удалось воспроизвести заболевание на лошадях (А. А. Константинов), выяснить пути распространения инфекции (Н. А. Савельева, Л. А. Востриков, Г. Л. Заклинков и другие). Намечился прогресс в разработке иммунологических методов

специфической диагностика (Л. А. Верета, Т. П. Юрьева-Владимирова). Разработаны новые оригинальные теории патогенеза и создана модель почечного синдрома (А. И. Зеленский и сотрудники). Изучены биохимические, иммунохимические и патохимические аспекты этого заболевания, что позволяет дать обоснование методов лечения (А. А. Константинов и сотрудники, В. А. Фигурнов, И. С. Старостина, Г. С. Ковальский, И. И. Водянова, Ю. А. Клебанов, Л. М. Сава, Е. А. Федорова и другие. Много принципиально нового было сказано по вопросам клиники. Предложены новые оригинальные методы лечения взрослых и детей (С. Е. Шапиро и сотруд-

ники, А. К. Пиотрович и сотрудники, Г. С. Ковальский, А. М. Войно-Ясенецкий и сотрудники, В. А. Фигурнов и другие).

В подтверждение успехов, которые были достигнуты за короткий срок, можно привести такие факты: за это время удалось снизить ошибки в диагностике заболевания в 25 раз, а смертность — в 10–12 раз.

Конференция наметила дальнейшие пути борьбы с природно-очаговыми заболеваниями, особенно в связи с освоением новых необжитых территорий в районе БАМа.

**Профессор
А. А. КОНСТАНТИНОВ.**

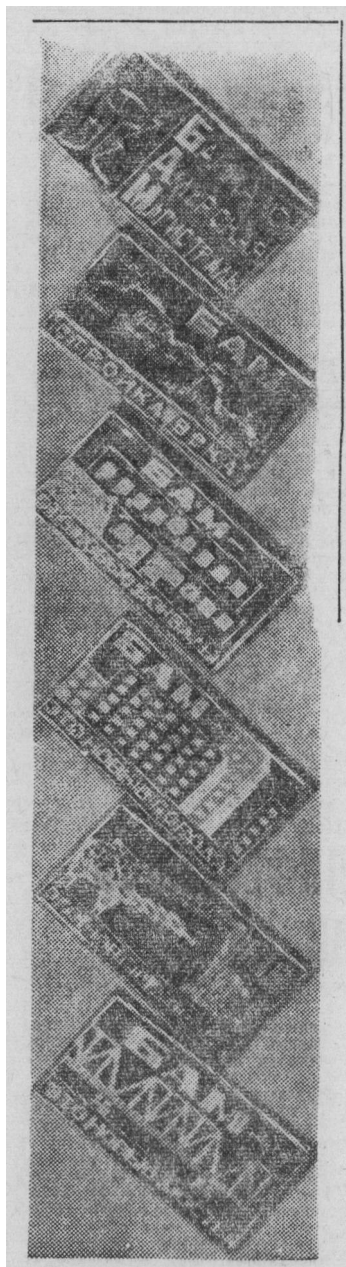
ЗНАЧКИ О СТРОЙКЕ ВЕКА

В Комсомольске-на-Амуре выпустили серию сувенирных значков, посвященных строителям Байкало-Амурской магистрали. В нее вошло шесть значков, рассказывающих о стройке века.

На первом из них символично изображена железнодорожная колея, проходящая в глухой тайге. На втором значке — карта магистрали от Тайшета до Комсомольска-на-Амуре.

В период строительства БАМа будет сооружено около двухсот станций и разъездов, построено много мостов. Будет создана сеть и автомобильных дорог. Все это отображено в четырех следующих значках, автором которых является В. Левичев. Новая серия значков пополнит коллекции дальневосточных фалеристов и будет хорошим памятным сувениром для строителей магистрали.

А. АНОШИН.

СОДЕРЖАНИЕ

журнала "Дальний Восток" за 1975 год

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

- Балабин С.** — Золотая жила, роман, № 10—12.
Громов О. — Рассказы: Там, у моста. Сто первый день осады. Первый корабль, № 2
Демидов П. — Голубые глаза Сычева, рассказ, № 3
Ефименко В. — Маньчжурский август, повесть, № 11—12
Князев Л. — Лед, В бананово-лимонном Сингапуре, рассказы, № 2; Иду по ФЕС-КО, путевые заметки, № 10—11
Кокоулин Л. — Старшой, очерк, № 1
Коренев В. — Красная рыба, повесть, № 9—10
Лавринайтис В. — Участковый инспектор, повесть, № 7—8
Липицкий А. — Поиски повреждения, рассказ, № 3
Лыков В. — Время летнего разлива, рассказ, № 7
Машук Б. — Четыре рассказа: Тяжелый день, Горькие шанежки, Рыбный суп, Вечером под праздник, № 2
Мир А. — Годы високосные, документальная повесть, № 1
Мифтахутдинов А. — Чукотские рассказы: Дни ожидания хорошей погоды. Танец маленьких медвежат, № 1
Мишкин А. — Голубые погоны, № 2
Райгородецкий Р. — Медведик, рассказ, № 8
Рогаль Н. — Слава Родину, звали к подвигу, № 5
Рожков Е. — Белым-бело, рассказ, № 1
Руссков В. — Каленов Яр, повесть, № 3—4.
Соляников Ю. — Вертолетчики, рассказ, № 3
Сурнин Я. — Санитарный инструктор Машенька, Ординарец Филонов, Ленинградские дети, «Секретное оружие», новеллы, № 6
Фотьев Н. — Поле боя, очерк, № 4
Хавкин О. — Деды, отцы, дети, повесть, № 8—9
Халов П. — Цель вижу, роман, № 5—6
Ходжер Г. На свидание к деду, повесть, № 7
Христофоров В. — Дача под Евпаторией, рассказ, № 1
Шанин В. — Этот вредный старик, рассказ, № 9

СТИХИ

- Адамов А.** — Колымчанка, № 1; Морские грузчики, Блаженства день осенний. Письмо, «Как сладостно мысли витают...», После письма, стихи, № 6
Артемов А. — Товарищи, Гордость, Знамя, стихи, № 5
Афанасьев В. — «Застигнутый последней метой...», «Горит звезда на Спасской башне...», В поход, стихи, № 5
Атаukai А. — «Утром спится, как поется...», стихи, № 1
Белоусов И. — Тында, Эмма Семеновна, Рабочий поезд, Шофер из Чары. Вспышка клена, стихи, № 12.
Бронфман И. — «Не бывал я в городе Вроцлаве...», Тульский самовар, Друг, Василий Лукич, стихи, № 5
Вальгиргин М. — Благодарность, Речка проснулась, стихи, № 1
Вишняков М. — Песни эвенки. Дом, «Играет зорька золотая...», «Страна Жаворонковой ржи!», стихи, № 3
Голубева О. — «Моя зима...», стихи, № 4
Дракохруст А. — Цветные сны, На нашем фронте, Памяти друзей, Предзимье, Опять тайфун, В полете, Все-таки лучше. «Не жди от детей пощады...», «Все-му когда-нибудь приходят в жизни сроки...», стихи, № 7

- Еремин И.** — Солдаты, Возвращение с войны, Завещание, Красные следопыты, Осень на Амуре, «Ты опять говоришь о другой...», стихи, № 9
- Ефимов М.** — Мой город Якутск, «Как тьма убегает ночная...», Стихи о природе, Приезжай ко мне, Чудесное мгновение, стихи, № 2
- Зашибина О.** — Автобиография, Матери, Баллада о дровах, «Реки таинственный закон...», Лес весной, Коровы, «Пора сомлевших листьев...», стихи, № 8.
- Зорин В.** — Верхняя Тамбовка, Явление зимы, Океан, Вечное свидание, Лето, стихи, № 4
- Кашук Ю.** — Декабрь, Опыт, Отход, прощание, Первая Морская, «Молчала и в дневник писала...», «Просто пелось в двадцать лет...», «Все проще слов одеж-да...», стихи, № 11
- Ким Соволь** — Настроение, О любви, о любимой, Забудем о пустяках, Происходящее во сне, За горами, горами, В вечерних сумерках, Почет и слава, знатность и богатство, Распутья, стихи, № 8
- Козлов Ю.** — Родная сторона, «Давай не будем вспоминать об этом...», «Вот и угасают краски лета...», «Назад не повернуть...», стихи, № 10
- Комаров П.** — Сунгарийские болота, стихи, № 9
- Корешов Г.** — Тревога, Боец, «Наш летчик просто разрешил вопрос...». Блокнот, Фотокарточка, У Волочаевской сопки, стихи, № 5
- Кравченко И.** — «Там, у северных коряков...», Чаечий крик, «Понимаешь ли ты...», «Из порта протяжные звуки...», стихи, № 2
- Кравченко Г.** — Девушка ищет свинец, стихи, № 5
- Кымытваль А.** — Мать, Чайка, стихи, № 1
- Лебков Е.** — «Страна просторная моя...», Монолог Антона Буюклы, «По тесовым тротуарам...», «На левой горе голубеют леса...», «Всю мою вчерашнюю усталость...», «Вот и уеду, улечу...», «Нам платят много за крайний Север...», Схватка, «И напряжение тела снято...», «Хоть давно уже сивой...». Напутствие, стихи, № 7
- Лысенко Г.** — Художник, «Снова шиферный снег утвердился на крышах...», «Грохнувшись навзничь, как убитый...», «Это было...». Эй, на барже!, «Сибирь...», «Мимолетным дождик был...», стихи, № 10.
- Миланич Л.** — «Есть в языке особые слова...», «Говорила мне вдова Мария...», Вечеринка, «Еще сестренка маленькой была...», В день моего рождения, «Еще мои спутники спали...», «Распростилась с домом, отпросилась...», «Живу, почти изнемогая...», «Зачем ты мне снишься снова...», «Опускаю голову в траву...», «Вновь солнца веселые блики...», «Спасибо за то, что ты — правда...», «Я обучаюсь праздновать печали...», «Вновь сотворение зимы...», «Зима мне — белым яблоком из тьмы...», «День новорожденный вставал на дне двора...», «Напиши мне пару строчек...», стихи, № 8
- Мотовилова Н.** — «Я, как дерево к осени...», «Возьму я на запад билет...», «Эхо ли бродит по островам...», стихи, № 3
- Николаев Ю.** — Отчизна-мать, «Было дело, откровенно говоря...», «Подарили мне море парное...», стихи, № 12
- Пассар А.** — Курилы, «Муж был. Одна и беда — выпивоха...», стихи, № 3
- Пичугина Л.** — «Поля мои широкие...», «Разомлела, раздобрела...», «Обернутые в белое, как в саван...», «Граница живая...», стихи, № 7
- Поротов Г.** — «Гравинки трепет...», «Пируют гамулы...», «Вот и я...», «В долине цвел июль зеленый...», стихи, № 2
- Пушкин В.** — «Грозы, грозы!...», Командир, «Черняховский командовал фронтом...», Строевая песня, «Новостей никаких в этом мире...», «Не нужно нам придуманных утрат...», В новом цирке, Монолог рака-отшельника, «Брожу, почти привыкнув к боли», стихи, № 10
- Пчелкин А.** — Дорога с председателем, «Не ходи тропой лесною...», «Мы с тобой живем, как на вокзале...», стихи, № 1
- Репин Б.** — Солдатская- дружба, Атака, «Было ли страшно?..», Нинка, В госпитале, стихи, № 6
- Рыбочкин А.** — Строки из больницы: Воробей, «Как же я проглядел по дороге...», «В самой гуще неумной...», Писателям-хабаровчанам, Стук колес, стихи, № 9
- Самар А.** — Ильич не умер, Наши пограничники, стихи, № 5
- Семенов А.** — Из новой книги «Синь-синева»: «Над Сибирью ли пурги косые...», В 1906-м, «Не сочинив ни песни, ни молитвы...», Старенькая с маленьким, «Я по пояс в цветах России...», Бежин луг. Я воспитанник школы начальной, Этот лес, что посажен недавно, Он мне сказал, Весна, стихи, № 4.
- Солнцев Р.** — Черная береза, стихи, № 6
- Соломатов В.** — «Мороз окреп...», Карага, «Ты в дорогу мне с порога...», Осенняя охота, «Многоготочие ливня...», «Ах, рубленные...». Гончарный круг, стихи, № 3
- Суслов В.** — Дорогой на БАМ, «На участок путь не долог...», стихи, № 1
- Сухаревская Л.** — «Утешаем себя, утешаем...», «Так бывает, наверно, у всех...», «Своих друзей познавшая измену...», «Останься, утренняя нежность...», «Была весна, и город был томим...», стихи, № 3

- Тнескин В. — «Мой народ...», На летовке, стихи, № 1
Тряпша В. — «Январь ты мой серебряный...», «Речка Зея...», Камень, стихи, № 11
Туфанов В. — «На краю России, на восходе...», «Рвет шинель, вздувая полы...», «Ударил за пригорком пулемет...», Шинель, «Тесовая крыша...», стихи, № 7
Фаликов И. — Май, «Что делается в мире...». «Повеяло осенью. Ночи свежей...», «Мое со мной. И горы, и распадки...», «Остроконечный месяц над селом...», Айнская мелодия, Вызов тигру, Не измучила жизнь, не наскучила..., «Тятя-яма дымит, Тятя-яма...», стихи, № 2
Фотьев Н. — Басни: Ботало, Верное средство. Неровня, Лисья любовь, Орел и короед, № 9
Халилецкий Г. — Стихи о войне: 22 июня 1941 года, «Приди, покой. Приди и успокой...», Сестра комбата, Первый день весны. Баллада о летчике, 9 мая 1945 года, «И вот уже не месяцы, а годы...», стихи, № 5
Эдидович М. — Подвиг, стихи, № 1

ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ

- Аникеев В. — Восточное направление, путевой дневник, № 2; Мост, очерк, № 7
Айзман Н. — Сельские репортажи, № 6
Балакирев Ю. — Вечная теплота, очерк, № 1
Баранов П., Тарасов И. — Сделано в девятой пятилетке, № 12.
Белов М. — Встречи в хорской тайге, очерк, № 9
Бельи Н. — Вертикаль, очерк, № 9
Богданов В. — 102-я Дальневосточная. Рассказывают документы, № 6
Горшунов П. — Летят самолеты на запад, очерк, № 2
Григорьев В. — У воинов-железнодорожников, очерк, № 12
Григорян А. — У самого Зейского моря, заметки журналиста, № 3
Зверева Р. — Рисунки нанайских детей, № 7
Иофик В. — Бригадир, очерк, № 8
Корнев В. — Наш адрес: БАМ. Поселок Листвянка, очерк, № 4
Кудлин В. — Олени идут на восток, очерк, № 5
Куликов Ф. — В экспериментальном саду, очерк, № 8
Лисичкин Г. — Рассказы об ученых, № 7
Мещерский С. — Уступка себе, № 7
Михеев С. Д. — Танкисты Михеевы, № 6
Онищенко О. — Страницы жизни Людмилы Айнаны, очерк, № 1
Павлив И. — Здесь будет город Ургал, записки строителя, № 8
Пастухов С. — Большой порог Колымы, очерк, № 1
Побойная В. — Три времени суток, очерк, № 11
Прохоров Б. — Такая большая жизнь, очерк, № 6
Пушкарь А. — Отдыха нет солдату, очерк, № 5
Семенов В. — Чародей, № 8
Сладковская Л. — Счастливые дороги, очерк, № 11
Сукачев В. — Дорога, люди и клады подземные, очерки, № 3
Сысоев В. — Волочаевская панорама, № 11
Федин В. — Мы знаем: работа трудная, № 3
Филоненко А. — У каждого свой характер, очерк, № 10
Фотьев Н. — Верхние улицы, очерк, № 10
Тарасов И., Баранов П. — Сделано в девятой пятилетке, № 12
Тимофеев Н. — На юге Сахалина слабый снег, очерк, № 4
Тимохин Ю. — Дальневосточники стояли насмерть, очерк, № 7
Трошин А. — Колесный дивизион, № 10
Туманов В. — Моральный резерв, очерк, № 4

К 30-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА НАД МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИЕЙ

- Кондратович А. — На сопках Маньчжурии, очерк, № 9
Сорокин М. И. — Финал второй мировой войны, № 9
Пушкарь А. — Баллада о двух матросах, № 9
Цуриков И. Из записок политработника, № 9

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

- Бурдиловский И. И. — Усилить внимание производству сои, № 7
Дунищенко Ю. — Охота: быть или не быть?, № 2

ПУБЛИЦИСТИКА

- Балицкий В. Г., Кисличко А. С.** — В едином сплоченном строю, № 4—5
Бугаенко Е. — Открытия, сделанные русскими на Алеутах, № 4
Казеннов Е. И. — Маоизм — синоним лицемерия, № 2
Кисличко А. С., Балицкий В. Г. — В едином сплоченном строю, № 4—5
Петров В. И. — Немеркнущий свет победы, № 5
Шайдуров С. А. — Наш крайний Северо-Восток, № 1

К 70-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ

- Быховский И. А.** — И на Тихом океане начинали свой поход, № 11

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

- Вольпе Л.** — Поэт о поэте, № 10
Золотоусский И. — Гоголь в Полтаве, № 7

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

- Ключиков З.** — В краю разбуженных гор, № 8
Любомиров П. — Десант в Чхончжин, № 8

ЗА РУБЕЖОМ

- Бродецкий В.** — Из американской тетради, № 6

К 70-ЛЕТИЮ М. А. ШОЛОХОВА

- Котовсков В.** — Сердце, принадлежащее народу, № 5
Щербина В. — Чувство народа, № 5—6

ИЗ ПРОШЛОГО

- Мухачев Б.** — Красный мадьяр, № 1
Полевой Б. П. — Колумбы российские, № 1
Проценко И. В. — Как была основана Волочаевка, № 6

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- Арсеньев А.** — Степан Безродный, рассказ, № 2
Арсеньев В. К. — Письма, № 7
Никонов В. — Письма в Сибирь, № 6
Путилов Б. Н. — Миклухо-Маклай и Тургенев, № 3
Тарасова А. — Неопубликованные письма В. К. Арсеньева к московским ученым, № 7

К 125-ЛЕТИЮ НИКОЛАЕВСКА-НА-АМУРЕ

- Вожевитов А. М.** — Город на Нижнем Амуре, № 8
Смоляк В. — Революционное движение на Нижнем Амуре в 1905—1907 годах, № 8

К 150-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

- Юровский С.** — Мировоззрение декабристов, № 12

УГОЛОК КРАЕВЕДА

- Нечаев А. П.** — Нанайский женьшень, № 2

- Сысоев В.** — Охота за хабаровским мамонтом, № 6
Сытников Е. — Заповедные земли Кроноцкого, № 10
Яхонтов В. — Журавль-монах, № 8

ИСКУССТВО

- Вольхин П.** — Песня над Амуром, № 9
Чернявский А. — Фильмы о БАМе, № 9

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

- Леонтьев В.** — Этот прекрасный мир, № 1

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ

- Кузнецов О.** — Море и ящерица, Кто из нас птенчик? Осьминог, бычок и правый ботинок, рассказы, № 10
Шульжик В. - Облака, На птичьем базаре, Объявление, Два эха, Август, Королевская сказка, стихи, № 8

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Ботвинник И.** — Родичи, родня, родина, № 12
Бриль Ю. — «Кораблям и поэтам нужны глубины...», № 8.
Бутенко Н. — Книга дальневосточного литературоведа, № 2; Вечные строки, № 6
Вашинский В. — Еще о крылатой пехоте, № 2
Вольпе Л. — На боевой перекличке, № 2; Заря Победы, № 5; Интендант второго ранга Лопатин и его «Записки», № 11
Головкин Е. — День грядущий создается сегодня, № 3
Голодницкий Э. — Ложь фальсификаторов и правда истории, № 2
Гонтмахер П. — Удэгейские сказки, № 7; Второе рождение книги, № 12
Данилушкин В. — Старый Аляно и другие, № 9
Дорофеева Л. — Пламя вечного огня, № 11
Дубинина Н. — Книга о революционном прошлом Чукотки, № 1
Дубровский Д. — Ленин и Япония, № 9
Ефименко В. — Мы их видели, № 10
Зверева Р. — Книга о социологических исследованиях на Амуре, № 8
Золотых Е. — Они не забыты, № 7
Зорин В. — Вперед против ветра, № 2; Свою правоту измерять!, № 3
Камышный А. — Глазами очевидца, № 4
Копалыгин Б. — Героиня книги — храбрая Смешинка, № 7
Кочешков Н. — Покорить мир не дано никому, № 3
Красноштанов С. — Книга о слове народном, № 9
Крившенко С. — Будничное и героическое, № 3
Куделько Н. — Мудрость тайги, № 8
Куликов Ф. — Зовут края далекие, № 12
Крушанов А. — Новый труд о замечательных русских патриотах, № 6
Лерман И. — Неистребимая память, № 6
Лившиц С. — Романтика подвига, № 1; Север и его люди, № 9
Липин К. — Обо всем понемногу, № 7; Сгорая сам, № 12
Мадаев М. — «Год огненной змеи», № 10
Макеев А. — Потомки землепроходцев, № 4
Малицкая Б. — Ценный труд о нивхах, № 2
Маркова О. — Высокая настроенность души, № 7
Маслова А. — «Чукотская земляца», № 1
Митрофанов Н. — Самая дальняя, сердцу близкая, № 1; Единый военный лагерь, № 6
Наволочкин Н. — В низовьях Амура, № 4
Николаев К. — Потенциал Севера, № 1
Никонов В. — Певец родного края, № 3
Пайчадзе С. — Вклад в общее дело победы, № 5
Равлюк Н. — Сибирь могучая, № 9
Рейхберг Г., Шурыгин А. — Книга по историографии гражданской войны в Сибири, № 10
Ременник Г. — Писатель и время, № 7
Спивак И. — Поэма подвига, № 6

- Федоров В.** — Летопись всенародной стройки, № 11
Холодков В. — Подвиги их бессмертны, № 9
Шамазов Ф. — В добрый путь, «Нотаймэ», № 3; Оленевод об оленеводах, № 10
Шендрик Н. — Социализм и судьбы народов севера Дальнего Востока, № 9.
Шпрыгов Ю. — Прикосновение к заветной теме, № 8
Шурыгин А., Рейхберг Г. — Книга по историографии гражданской войны в Сибири, № 10
Якимова Л. П. — От Дерсу Узала до Улукиткана, № 4; Единая, многоликая, № 10
НАШИ ЮБИЛЯРЫ, № 3, 4, 5
НОВЫЕ КНИГИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ, № 1-12
ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ, № 11
ЮМОР И САТИРА, № 3
КОРОТКО О РАЗНОМ, № 1—12

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КОМПОЗИТОР

Имя хабаровского композитора Юрия Яковлевича Владимирова известно не только на Дальнем Востоке. Он создал много произведений — от массовых песен до симфоний. — которые составляют интересные страницы советской музыкальной культуры. Особенно это относится к дальневосточному периоду творчества композитора, начавшемуся с 1958 года. Своей симфонией «Памяти С. Лазо», первым дальневосточным фортепианным концертом, симфонической поэмой «Памяти П. Комарова» и другими произведениями Ю. Владимирова вписал свои страницы в летопись музыкальной культуры на Дальнем Востоке. Им созданы десятки песен и романсов, которые часто звучат по радио и телевидению, с эстрады в исполнении профессиональных артистов и самодеятельных коллективов.

В своей деятельности Юрий Яковлевич много времени уделяет также организации музыкальной жизни на Дальнем Востоке. Он является создателем и руководителем Дальневосточной композиторской организации. Члены хорового общества Хабаровского края не раз избирали его своим председателем. Педагогическая деятельность в Хабаровском училище искусств и институте культуры, участие в жюри конкурсов и смотров — это еще одна из важных сторон его деятельности, связанная с подготовкой профессиональных и самодеятельных кадров на Дальнем Востоке.

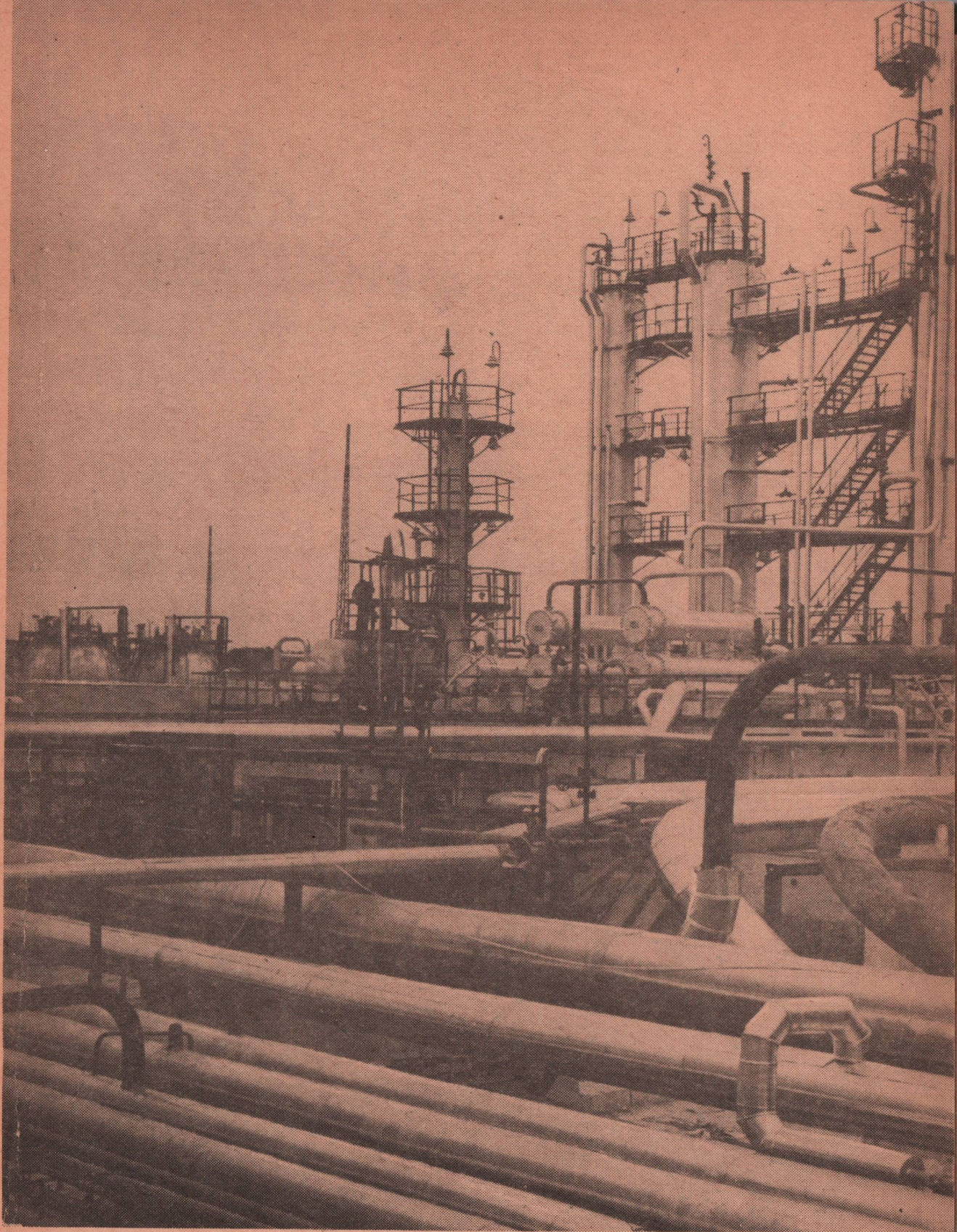
Направление творчества Ю. Владимирова довольно четко определяется широким использованием композитором сюжетов истории становления советской власти на Дальнем Востоке, героических дел преобразователей сурового и романтического края, его природы, показом нацио-

нального своеобразия народностей Дальнего Востока, их песенной и музыкальной культуры.

50-летний юбилей композитора Ю. Я. Владимирова общественность края отмечает в декабре 1975 года.

П. ВОЛЬХИН.

На Хабаровском нефтеперерабатывающем заводе

Фото Г. Хренова

50 коп.

ИНДЕКС
73103